

Шляпницкая Анна
Королевство
Теней

16+

Анна Богдановна Шулятицкая

Королевство Теней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45038333

SelfPub; 2020

Аннотация

После папиной гибели меня стали посещать уродливые неживые существа. Они выходили из безмолвных синих сумерек, проносились через туман и дождь, шептались или тяготили душу своим молчанием. Скорбь не отпускала меня... Может ли мечта разогнать непроницаемую тьму? И кто на самом деле совершает, казалось бы, невозможные чудеса?

Нет у теней ни плоти, ни души;
Ни сердца, ни дыханья, ни рассудка...
Вот почему в полуночной тиши —
Среди теней мне холодно и жутко!
Вадим Бакулин

Часть первая

Глава первая **ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ**

Страшным шумом был заполнен внутренний двор школы. На крыльце, за тонкими крашеными перилами, стояли громкие ведущие и учителя в нарядных одеждах. Из распахнутых окон выглядывали лица, приобретающие с каждой минутой всё более весёлые и радостные выражения. Ветер вращал гигантские шары в прохладном сыроватом воздухе. Развевался гордо старый флаг, поднятый старшеклассниками.

Я стоял со всеми возле свежей белой линии, за которую нельзя было переступать. Пунцовый букет мой, купленный мамой с рассветом на базаре, поблескивал каплями только-только прошедшего дождика. Рассеянно поднося гладиолусы к острому носу, я неспешно насыщался их сладким, будоражащим ароматом, иногда бросая в толпу умоляющий взгляд из-под плёнки. Мама поднимала высоко фотоаппарат, чтобы запечатлеть момент и улыбалась счастливой улыбкой.

С утра она была сама не своя. Она сделалась невозмож-

ной и требовала от меня беспрекословного послушания. В восемь часов (в десять было построение на линейке), пока я ел бутерброды с куриным паштетом, мама усердно хлопотала над макияжем и волосами, а после ржавым утюгом проглаживала клетчатую форму в истрёпанном кресле. Перед тем, как уйти на работу, папа поцеловал её нежно в лоб и пожелал нам удачи.

Его звали Георгий Волков. Вышло так, что по причине его сильнейших тревог, я не ходил в детский сад.

Он решительно верил, что детей обязаны воспитывать родители, а не посторонние, чужие люди, у которых неизвестно что может таиться в голове. Папа был человеком замкнутым и хмурым, но добрым. Он любил тишину в доме, особенно в выходные дни, когда мы с мамой убегали исследовать старый парк, а именно искать разных жуков-пауков, и испытывал явное нетерпение, когда ввязывался в какое-либо дело. Удивительно, но чем яростнее папа злился и ругался на собственные подробные эскизы (никого при этом не стесняясь), тем выше была оценка его трудов. Неизвестно было, какие схемы, таблицы и расчёты заполняли его воспалённый мозг, когда он уже не мог преодолеть себя и, совершенно измотанный нудными буднями и инженерным конструированием, не раздевшись, отдыхал на кровати. Возможно, он не раздумывал так часто о работе, если бы не моя излишняя заинтересованность, проявляющаяся почти во всём, что его напрямую касалось.

Помню, как я проходил мимо его кабинета. Это был небольшой, оклеенный серыми в точку обоями кабинет, густо залитый искусственным светом. Внутри не было никакой лишней вещицы, обращавшей на себя пустое внимание, кроме славного огненного феникса, которого я нарисовал в пять лет и которым безмерно гордился. Оправленный в деревянную рамку, смазанную прозрачным лаком, он висел на стене, напротив стола с прочными ногами, на которых была чуть-чуть поцарапана оливково-коричневая краска. Часто мне удавалось подсмотреть за тем, в какой напряжённой позе папа наклонялся над плотным листом с карандашом и, размышляя, поправлял проволочные очки на переносице. Даже не издавая никаких звуков, он знал, как я внимательно и осторожно засматривался на него. Точно чувствуя сердцем моё присутствие, он сразу отставлял бумагу. Папа поворачивался бледным худощавым лицом, ласково улыбался сомкнутыми губами и, скоро хлопая по коленям (приглашая, по всей видимости, присесть), спрашивал, как прошёл день. Я выходил к нему и садился в угловое кресло, придвинутое к книжному шкафу, почти скрывающему окно. Я задавал волнующие вопросы и не умел долго усидеть на месте. Мы разговаривали меньше, чем хотелось бы. Когда я надоедал папе, он отдавал большую пиалу засахаренной клюквы и рыжеватой-жёлтой облепихи и строго просил уйти в другую комнату. И я торопился до того, как иссякнет его терпение.

Мы были гораздо ближе друг к другу, чем казалось маме.

Она не баловала меня различным игрушечками и не могла ничем другим, кроме слов, выразить любовь, в то время пока папа без какой-либо трогательности показывал её же, но на деле (приучая к самостоятельности и помогая развивать таланты), как это принято у любого ответственного родителя. Меня, конечно же, тогда подобное положение устраивало. Я не думал жаловаться на родителей, и был бесконечно счастлив, что они меня растили и делали всё ради нашего блага.

На людях мне удавалось побывать редко, а потому я беспокоился, когда оказывался в толпе. Всюду были незнакомцы и незнакомки, пышные банты и сверкающие блёстки, которые летели во все стороны во время выступления гимнастки с тонкими ручками и хрупкими ножками. Я так боялся, что она поломаёт их! Просто глупая девчонка! Не выдержав, я шагнул за белую линию и закричал с искренним возмущением: «Уходи! Уходи! Упадёшь!» Гимнастка расслышала меня, подняла на мгновение лицо и продолжила восхищать присутствующих своей кошачьей ловкостью. Её тело красиво изгибалось в тесном костюмчике, над головой взлетали вьющиеся волосы.

Я вновь встал за линией.

Лепечущие дети тотчас удивились. Взрослые же, толком ничего не поняв, принялись отчитывать меня с немалым удовольствием, словно в восторженной толпе я был единственным ребёнком, и им некого было больше смущать насмешливыми замечаниями.

– Смотри! – проговорил мальчик с алыми щеками.

Он выронил букет хризантем с герберами и дёрнул меня сильно за влажную руку. Сухая же его горячая ладонь с толстыми пальцами показалась мне до ужаса мерзкой. По крайней мере, сейчас, когда надо мной преобладает хорошее настроение, и я, лёжа в одеяле, записываю о произошедших событиях, становится совершенно ясно, что она была приятной и мягкой, но тогда я по глупости с раздражением отмахнулся от неё.

– Это последние! – Он улыбнулся, провожая взглядом усталую гимнастку с сиреневыми лентами, текущими по разрисованному асфальту. Так струится весенняя речушка между влажными серыми камнями.

(Бульк, бульк и мигом в речку!)

– Зачем ты трогаешь меня? – спросил я, растерянно недоумевая. – Когда пойдём в класс?

– Скоро. Совсем скоро!

– А потом домой? – спросил я с робкой надеждой в голосе.

– Потом, потом не знаю куда. Я с друзьями пойду за мороженым.

Я сразу же представил любимое клубничное мороженое в крупном вафельном рожке и облизнулся.

Из холла в середину двора выбежали танцовщицы. Пухлые и яркие, словно белые конфеты, разодетые в плотные разноцветные обёртки, они стали раскачиваться и смешно, и забавно дрыгать бодро задними и передними лапками. Ма-

ленькие игривые собачки на арене цирка. Мне самому захотелось присоединиться к их ритмичному танцу!

Веселье рано или поздно заканчивается.

Мы отпустили шары в глубокие чёрные тучи, какие не решились пролиться обильным дождём, а вскоре выстроились парами (в пару мне дали глупую до безобразия девочку, чей голос был удивительно похож на жалобное бляение овцы, у которой насильно отобрали ягнёночка) и поднялись по ступенькам в школу. Там уже началась толкотня.

Детская рекреация на третьем этаже, в какой мне предстояло учиться четыре года, была обставлена розово-жёлто-голубыми кожаными диванами. На высоких полках, до которых дотянуться было сложнее, чем до небес, были выставлены пластиковые горшки с увядшими цветами. (К семи с половиной годам я успел познакомиться с геранью, фикусом, орхидеей, лилией, кактусом и папоротником.) У каждого ученика был шкаф из светлого дерева для верхней одежды и сменной обуви.

Я был не уверен насчёт надёжности своего шкафа и сразу предупредил учительницу, Ирину Андреевну, которая поначалу отчего-то не восприняла мои слова всерьёз.

– Не шути так. Он надёжнее, чем кажется!

– Нет. Он совсем не надёжный. Если вы не проверите, я буду таскать вещи с собой.

Ирина Андреевна раскрыла резко очерченный рот и глупо расхохоталась до слёз. На лбу её проступили тонкие мор-

щины. Она быстро замолчала, нахмурилась и повела детей в кабинет. Перед тем как зайти в класс, я, обиженный легкомысленным отношением к себе, несколько раз попробовал распахнуть и захлопнуть дверцу. Раздалась тихая, немного скучная мелодия.

(Скрип, скрип, ну что ты открываешь, скрип, скрип.)

– Ну тебя! – выкрикнул я и присоединился к всеобщему оживлению.

Кабинет, несмотря на пасмурную погоду, был ярко освещён люминесцентными лампами, в два ряда протянутых по чисто выбеленному потолку. Я качался на стуле и удивлялся тому, насколько был далёк от меня высокий ровный потолок с белыми ламповыми глазами.

В конце первого урока нас угостили сухими печеньями, выдали насыщенные памятки и значки с изображением доброй улыбки.

Мама попросила меня встать около доски в линейку. Я заметил бирюзовый никому ненужный шар, валявшийся вместе с остатками блёсток возле раковины, тотчас подошёл к нему, обхватил обеими руками и, подняв над приглаженной светло-каштановой головой, проговорил:

– Теперь он мой. Только мой.

– Но он же чужой! Так, убери его немедленно. Паша! Он только мешает, шар этот, – проговорила мама натянуто, отведя камеру в сторону.

– Совсем не мешает. Давай я просто буду держать по-дру-

тому? – предложил я неуверенно.

– Хорошо, попробуй.

– Вот так.

Я попробовал застыть в задумчивой позе, прислонился к доске, опутанной растяжкой-надписью «Здравствуй, школа!», и, убрав шар к животу, довольно рассмеялся.

– Не смейся. Улыбнись лучше.

– Ладно.

Одноклассники с аппетитным хрустом доедали печенья, насыпанные в неглубокую фарфоровую вазу, и уже затевали безобидные шалости. Родители налаживали общение с учительницей. Она перенюхала все вручённые цветы, обёрнутые сетками и лентами, убрала под стол вазу с мелкими крошками и теперь трудно держалась на высоких ногах. На шее её выступали красные пятна, волосы были нелепо всклокочены сзади.

Я подсел за третью парту к молчаливому презабавному мальчику. Он сосал конфету и листал розовыми пальчиками насыщенную памятку. Мне уж очень хотелось знать, почему этого мальчика никто не приглашал поиграть в тканевом домике.

– Ты кто? – спросил я.

– Человек, – ответил мальчик.

– Это понятно. Как зовут?

– Серёжа.

– Серёжа! Очень приятно. А что у тебя за конфета? Мож-

но и мне такую? – спросил я вежливо.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Я не доверяю незнакомцам. Ты для меня незнакомец, – ответил Серёжа и, ленивым движением закрыв памятку, повернулся к расходящимся угрюмым тучам, между которыми виднелись обрывочки сероватой лазури. Кружась, взволнованно щебеча и тускло блестя бархатными и замызганными перьями на свету, пролетали редкие сизые, чёрные, синие, палевые и шоколадные голуби.

– А если мы будем знакомы? Я – Паша! Вот и познакомились. Почему ты сидишь один?

Серёжа вынул из клетчатого карманчика конфету и, повернувшись, положил её на правую половину парты.

Я коротко выдохнул и спрятал конфету в ладошке.

– Ну вот, вот твоя конфета, знакомец. Апельсиновая, между прочим, последняя. А сажу, потому что хочу. А ты почему сидишь? Я тебя не приглашал.

– Потому что больше не к кому сесть. Все веселятся стоя, – сказал я, смутился и, развернув конфету, с удовольствием полизал её, смакуя сладко-кислый вкус, и разгрыз, чудом не обломав оставшиеся молочные зубы.

Серёжа сидел молча, пока я не раскрыл насыщенную памятку.

– Так, посмотрим.

– Что смотреть? Надо делать!

Он сразу же принялся строго поучать меня и легко раздражался, когда я долго размышлял над заданием.

Я приступил к тесту на выбор профессии. Пожарный, нарисованный на плотном мелованном листе, глядел на меня с озорным блеском.

– Проще простого. И что тут непонятного? Не умеешь читать?

– Умею, умею! Всё понятно. Но мне нужно время.

В его нетерпеливой требовательности, сочетающейся с капризной интонацией, заключалась своеобразная прелесть будущего подростка, привыкшего везде и всюду высказывать мнение, может быть, не всегда положительное. Он бы вмешивался во всякое дело, пускай не касающееся его лично, небрежно переворачивал горы, совершал бессчётное количество безрассудных поступков и никогда не жалел об упущенной возможности.

Меня восхищали дети, которым было что сказать.

Я позволял делать замечания родителям, знакомым мальчишкам, но всегда после делался зажатым и страшно стыдился своей невоспитанности. Серёжа был другим. Я мог лишь смотреть на него с неподдельным восторгом и выслушивать верные ответы на задания.

Он решил кроссворд и отыскал лишние вещи на картинке с пузатым коричневым портфелем.

Я произносил слова невнятно, беззвучно, когда хотел ему о чём-либо подсказать и тихо сердился, если моё мнение им

не учитывалось.

Но, как бы то ни было, он всё же не был поначалу настолько прямолинеен. В немногие моменты, проявляя терпеливость, Серёжа казался решительным и добрым, в общем, чудным.

В конце праздника, когда мы прочли памятку, к нам подошла милая женщина. Румяная, низкорослая, упитанная, как и сын, она отводила ясные, печальные до тягучей боли голубые глаза, опущённые бесцветными короткими ресницами. Красивое вязаное её платье с объёмными рукавами было стянуто тонким кожаным поясом.

– Кто это? Это твой новый приятель? – спросила она, вынув из холщовой сумочки апельсиновую конфету.

Я невольно улыбнулся.

– Да. Наверное, приятель, – как-то потрясающе просто ответил Серёжа. – Ната! – проговорил он, представив меня матери. – А можно мы погуляем у нас во дворе?

Наталья съела конфету, спрятала надёжно обёртку в самом мелком карманчике сумки и проговорила:

– Да. Так, и как же зовут, наверное, приятеля?

– Паша он, – сказал Серёжа, весело ухмыльнулся и передал матери памятку с мятым верхним углом. – Такой смешной, такой смешной! Ничего не умеет. Прямо не от мира сего! Мне пришлось всю памятку выполнять за него.

– О, даже так, – проговорила равнодушно Наталья. – Это оказалось трудным для тебя, не правда ли? – спросила

она у меня и добавила добродушно: – Читать не умеешь?

– Читать умею! – чирикнул я гордо. – Даже не по слогам, как некоторые.

Серёжа ошутимо ткнул меня в бок.

– Пришлось остановиться на нескольких словах. Зато я кроссворд решил. Некоторые бы высчитывали клеточки до ночи.

Серёжа рассмеялся беззлобно и звонко, но я на него не на шутку обиделся. Тщательно хранил я обиду, аж до самого прихода моей мамы, которая, переговорив о каких-то непривлекательных штуках с учительницей, решила пойти домой, чтобы продолжить читать сентиментальный романчик. Вдали от игр и шумных разговоров, возле аквариума с золотыми рыбами и телескопами, она уговаривала меня пойти с ней, но я твёрдо стоял на своём и окидывал взглядом Серёжу, казалось, которому собственная идея уже не виделась такой отличной.

Наконец, выпросив разрешение на прогулку, я вернулся к Серёже.

– Ну, что так долго? Я хочу покачаться на качели! – произнёс он жалобно, исказив лицо до неузнаваемости.

– Сейчас пойдём. Не ной, – буркнула Наталья.

Детьми быстро заполнялась площадка. Мы стремительно вбежали во внутренний двор, тонущий в оранжевых лучах опускавшегося солнца, и заняли железные качели. Серёжа отталкивался от песка чёрной неблестящей обувью, безза-

ботно хохотал, от радости чуть ли не расставляя руки и мечтая, наверное, подлететь высоко-высоко, и марал тем самым песком же низ выглаженных чистых штанов. Устав смеяться, он остановился, и, не сходя с качели, спросил на удивление робко:

– Сядешь ко мне завтра?

В его интонации послышалась необыкновенно мелодичная, тревожная нота. Как поменялся за минутку!

Я поспешил с ответом.

– Да. Обязательно сяду. А что ты беспокоишься? Давай лучше ещё покачаемся? Или пойдём на карусель? Вон, с неё как раз уже сошли.

– Действительно уже сошли.

– Так пошли?

Серёжа серьёзно о чём-то задумался, опустил низко голову. Я подобрался к нему ближе, расплылся в широкой глупой улыбке и неожиданно развеселился. Он переменялся в одночасье и начал отчаянно и больно щипаться. Я позабыл об аккуратности, к которой меня с остервенением приучала мама, и кинулся к песочнице, в какой осторожно переворачивала пластмассовые формочки курчавая девочка в поношенном хлопчатобумажном комбинезоне. Она играла с куличами, обсыпанными подсохшими желтоватыми листьями, и усердно работала синей лопаткой с обломанной ручкой. Мы бегали с Серёжей друг от друга, бросались яростно песком и к прохладному тихому вечеру совсем выбились из сил.

Серёжа рухнул на резную скамеечку. Я к нему. Мы провожали сонно огненный шар, заходящий за плоскую крышу многоэтажного дома, облюбованного пугливыми птицами, и отплёвывались от песка.

Как это, оказывается, просто в детстве – быть для другого приятелем!

Глава вторая

ВОЛШЕБНЫЕ КАРТЫ

Мама, слегка сгибая пальцы, сидела за круглым столом в длинном мешковатом платье с открытой белой спиной. Ноги её были переодеты в стоптанную обувь на коротком каблуке, а распущенные волосы спрятаны под бурым шёлковым платком. С неестественно тонкой шеи свисали керамические бусы, на холёных крепких руках с обильно рассыпанными тёмными родинками звенели браслеты. Она располагалась в чёрной запущенной комнатухе, больше похожей на кладовку, в окружении сотни сальных свеч и глубоко дышала терпким ладаном, струящимся за облезлым стулом. Дым растекался повсюду.

Я раскрывал нешироко дверь, входил быстро, чтобы сладкий запах не проникал в другие комнаты и садился возле мамы на табурет.

В комнатухе не было видно затейливых массивных масок на стенах, древних книг, бутылочек, наполненных пахучей мутной жидкостью, фарфоровых и глиняных черепков

на полках, Впрочем, не было всего того, что мучительно давило на нервы и окружало меня на самом деле в избытке. Слезы текли неспешно. Всеми силами стараясь их сдержать, я наклонялся к столу, где мама аккуратно раскладывала потрепаннные карты с причудливыми женщинами, мужчинами и зверями, разрисованными двусмысленными знаками. Карты Таро, так они назывались.

– Ты же умеешь гадать? – спросил я как-то раз.

– Да, умею.

– Погадай мне!

– Нет, – резко ответила мама и погладила меня по голове. – Нельзя.

– Почему?

– Потому что ты ещё совершенно маленький. Рано тебе узнавать будущее.

Она собрала карты в стопку, встала и потушила половину трепещущих свеч. Наши тени почернели ещё больше. Я не унимался.

– Но на других детей ты гадаешь. К тебе же приходят разные люди. Так почему на меня нельзя? Пожалуйста! Мне это так интересно!

– Другие дети чужие. Они не мои. Поэтому я и гадаю на них.

– А все твои предсказания сбываются? Папа говорит, что ты врунья. Ты много врёшь?

Мне было давно известно, что мама не обладала какими-

ми-либо экстрасенсорными способностями. Она сознательно занималась притворством и отчего-то восхищала других странных морд. О, эти грубые, страшные, непонятные морды, все кривые и сморщенные, бескровные, невыразительные, все неподвижные, точно лишённые жизни! Кто мог незаметно лишить жизни ничего не подозревающих, глупых и слабых, истерзанных страданиями, людей? Да, и все они ходили к моей маме! Ходили на хромых, слабых ногах, шаркали и несли за собой едкую горечь, несли боль и изо дня в день продолжали подрагивать, не унимаясь на одном и том же стульчике, обитом пышным малиновым бархатом.

Непрекращающийся плач доносился из душевной комнатки. Он не давал уснуть. Иногда мне казалось, что градом лившиеся слёзы принадлежали маме, уставшей от людей, что приходили к ней за советами. Я не переставал думать о том, как было замечательно, если бы странные обездвиженные морды исчезли, испарились, будто призраки, какие редко причиняют серьёзные неудобства тем, кто их по-настоящему видит и искренне верит в них. Как было бы невероятно здорово вновь увидеть папу, радостно целующего маму!

– Я не вру. Даже не думай, что я обманываю. Просто так надо.

– Кому-то надо, чтобы ты говорила неправду? – допытывался я упорно. – А кому? Покажи их мне.

– Для нас. Для тебя и папы.

– Не знаю, как для папы, но мне это не нужно. Не нужно! – проговорил я расстроено и тихонько застонал. – Простая врунья. Папа так говорит.

– Ты же хочешь кушать? А играть?

– Конечно.

– Играть с дурацкими кисточками? У тебя же ими вся тумба завалена. Настоящий пылесборник!

– Кисточки не дурацкие. Они хорошие, – сказал я и, ужасно рассердившись, полностью покраснел. – Не называй их так, не называй!

Рисование было одним из моих любимых занятий после прослушивания таинственных историй, в которых вымысел сливался с реальностью.

– Ладно, не буду. Но только ты пойми, что я ничего плохого никому не делаю. Я утешаю бедных и несчастных, как умею, дарю им свет. За внушение надежд полагается награда. А за награду отец и покупает тебе эти... кисточки. Да и не только кисточки. Краски, резинки, палитры, наборы цветных и простых карандашей с качественными точилками. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я говорю?

Я кивнул, немножко расслабился и, вытерев влажный от волнения лоб, спросил:

– Тогда, если ты не можешь мне погадать, я могу посмотреть, как ты гадаешь другим? Ведь это нетрудно?

Мама отвернулась. Её одолевали тягостные раздумья.

– Если, если только другим, – сказала она, не поворачивая

нежного красивого лица, раскрашенного неброским макияжем. – Завтра ровно в шесть должна прийти женщина. Она уже приходила и придёт ещё не раз. У неё пропал сын. Такой взрослый, своенравный подросток, вечно вляпывается в какие-нибудь проблемы. Я думала сделать предсказание на руках, но теперь возьму карты, раз они тебе настолько понравились. Ты останешься и поглядишь на гадание, но должен будешь сидеть тихо и смиренно. Понял? Нарушишь тишину, и я тебя сразу же прогоню. Скажешь хоть слово, выставлю без слов за дверь. И отцу доложу о том, что ты ужасно ведёшь себя в присутствии моих клиентов.

– Понял, – сказал я не без страха.

– А теперь иди. Я уберусь и приготовлю ужин.

Следующим днём после школы я маялся тоскливо ерундой и даже не притронулся к кисточкам, сохнувшим второй день в голубом стаканчике на подоконнике вместе с гуашевыми красками. Папа отлучился на перерыв и, подогрев бульон с белыми грибами, лёг на ковёр с деревянным самолётом в руках, вертя воздушный винт длинным указательным пальцем. Пока я обжигал язык и нёбо, он проверял оценки по математике и листал рабочую тетрадь. Вскоре, как я набил живот сырным батоном, научил меня записывать решение простейших задач и измерять длину отрезка при помощи линейки. Я не выдерживал новой нагрузки, находил повод, чтобы пожаловаться, но переставал отвлекаться сразу же, с терпением перенося хлопоты учёбы, когда папа раздра-

жался и серьёзно твердил:

– Так прикладывать нельзя, лист помнёшь. Не смотри так близко. Считай по пальцам, так проще.

Он мягко отвергал моё недовольство.

В половину шестого дверь в комнату отворилась, и на пороге появилась мама. Я подпрыгнул и на радостях бросился к ней в объятия. Она была подозрительна и угрюма, как осенняя туча, вот-вот готовая пролиться затяжным дождём.

Папа закрыл тетрадь, убрал линейку в пенал с абстрактным узором и, пройдя мимо, скрылся без слов в кабинете.

– Что такое? Та женщина скоро придёт? – спросил я и обнял маму крепче за высокую талию.

– Да. А ты разве не слышал, как она к нам трезвонила?

– Не слышал. Мы были заняты. Хочешь увидеть, что я умею?

– Конечно. Только давай потом, хорошо? Пройди в комнату и сядь на табурет, что стоит близко к углу. Ничего не трогай. Я пока встречу клиентку.

– Я всё сделаю, как ты скажешь.

Она ушла в коридор, а я смело шагнул в чёрную комнатушку, освещённую неяркими свечами в канделябрах, чистый свет которых разгонял темноту.

Я сел на табурет возле орехового шкафа и, не шевелясь, стал ждать маму с её глубоко взволнованной клиенткой.

Они вошли через минуты две и закрыли тихо дверь.

Женщина, о которой мне без живописных подробностей

было рассказано, отдалённо напоминала странных, неподвижных морд. Живая, действительно живая! Какое счастье, что она живая! И робкая, и неуклюжая, но чересчур гордая для того, чтобы изливать душу при ребёнке, она скромно устроилась на малиновом бархате, сложила руки на полной, учащённо вздымающейся груди и спросила приглушённо:

– Это ваш сын? Какой прелестный! Кругленький, розовенький! Сколько ему лет?

– Семь. Весь в отца пошёл. Да, он очень хороший и сладкий, как сахар, – бросила небрежную ласку мама и скрипнула стулом. – Давайте-ка перейдём к делу. А он пусть посмотрит. Уж очень хочет посмотреть. Вы не против?

– Маленький мне не мешает, – сказала женщина мягко и поправила волнистые жидкие волосы.

Я испугался перемен в поведении мамы и прекратил добродушно улыбаться. Верно, сейчас она полностью отдавалась работе, и меня для неё попросту не существовало. Как это бывало часто.

– Ну, так вы осмотрели комнату сына? Саша, в прошлый раз мне удалось увидеть в ней предмет, от которого исходит могильный холод. Вы нашли его?

– Да, да. Вот, поглядите. – Александра дрожащей ладонью вынула из сумки что-то, перемотанное тугим куском ткани, и положила его на стол. – Я сама не хочу открывать. Уж очень страшно! Откройте сами. Так страшно, что у меня колени трясутся!

– Что там? – спросил я одними губами.

Мама приспустила ткань, натянула перчатки и без омерзения повертела миниатюрный нож с кольцом на рукояти. Он был забрызган алыми каплями, как лепестками.

Я был удивлён не меньше Александры, широко раскрывшей рот в ужасе, когда мама спросила спокойным, ровным тоном:

– Вы не думали, что у него были серьёзные враги? Знаете, не каждый взрослый носит нож в целях самозащиты, пусть даже и крохотный, как этот. Сейчас я посмотрю по картам вашего сына. Возможно, теперь мне удастся увидеть полную картину происходящего. А вы пока думайте о сыне. Представьте его радостную и очаровательную улыбку, вспомните, как он в последний раз злился на вас из-за того, вы были чересчур заботливы и добры по отношению к нему. Подумайте, сколько приятных и отвратительных слов он не успел высказать вам. Дети бывают дерзкими, но даже дерзкие и наглые любят.

– Как обо всём сейчас вспоминать! – воскликнула Александра и закрыла лицо.

Она судорожно всхлипывала в клетчатый платочек и по минутно вытирала горькие слёзы. После закутала нож сухим хлопком и отправила его туда, где он лежал ранее.

Я прислонился к шкафу с пушистыми резными белками, собирающими кедровые орехи. Вдруг хрустнула ножка табурета. Я на мгновение затаил дыхание. Мама обернулась и

грозно сверкнула глазами. Александра убрала платочек глубоко в нагрудный карманчик и, растерев на ресницах фиолетовую тушь, растворилась в полном безмолвии.

Мама, наконец, обрела непоколебимое спокойствие, перетасовала колоду и выдернула оттуда три карты. У меня тревожно и сладко, почти болезненно забилося сердце, когда она прошелестела невыразительно:

– Вот как. Пятёрка мячей.

Не было видать лица, выразившего благоговейной сосредоточенности, но я всем своим неокрепшим существом чувствовал, как маме тяжело приходилось принимать Александру. Женщина изнывала в тихом ожидании и глядела бессмысленно на выложенные карты.

Укрыл нервозности тяжёлый зной.

– Что там? – спросила Александра слабо.

В груди появилось противоречивое смутное чувство. От него сделалось нестерпимо душно и неприятно. Я плотнее прижался к шкафу и, не проронив ни звука, стиснул зубы. Хоть у меня и разболелась голова, я старался держаться уверенно и естественно, чтобы не испортить встречу.

– Вы знаете, кто желает зла вашему сыну. Он приходит в дом каждую неделю и приносит сладости и деньги. Карты показывают человека сильного, инициативного, щедрого, но безжалостного и эгоистичного в личных целях. Ему ничего не стоит пойти на обман. На него мне указывает перевернутый Король жезлов. Смотрите, какой у него пронзительный,

горячий взгляд! У вас есть знакомый с подобным взглядом?

– Ах, – воскликнула всполошено Александра и поднялась. – Есть. Вот же негодяй! Что он сделал с Максимом?

– Сядьте, пожалуйста. Я не договорила, – попросила мама настойчиво, но мягко. – Беда угрожает и вам.

– Что за беда?

– Об этом нам поведают карты.

Александра слегка качнулась и бессильно опустилась на бархат.

Я же поразился несурзости мысли, которой решила придерживаться мама, и чуть не подскочил с табурета.

Над картами замелькали тревожные картинки. Воздух сгустился, и через стол перемахнул молодой человек. В следующую секунду он яростно набросился со знакомым ножом на плотную девушку с кудряшками. Страх и отчаяние её были настолько сильными, что передавались мне через видение невидимым мощным импульсом.

Я хорошенько запомнил драный брезентовый капюшон, бесследно пропадающий в голубоватом тумане, ботинок с шипами, проходящий сквозь снятый носок, и бульканье, как из котла с ведьмовским варевом.

Увиденная сцена привела меня в смятение.

Картинки исчезли, когда я помотал прядями волос. Голова разболелась ужаснее.

– Мне непонятно, чего именно она коснётся. Беда случится, если вы не поговорите с тем, кто к вам приходит. Ясно

вижу, как он общался с Максимом три или четыре дня назад и просил его не появляться дома. Возможно, они давно не могут разрешить конфликт, а делиться гнетущими чувствами (вот, вот Пятёрка кубков!) не хотят, чтобы вы понапрасну не беспокоились. Но вам следует осторожно идти на контакт с человеком, он ненадёжный. Обман есть, и только в ваших силах его раскрыть.

– Стоило сразу поинтересоваться их делами, – пробормотала Александра и вынула платочек. – Ещё что-нибудь?

– Карты советуют поговорить с женщиной и расспросить его о сыне. Это необходимо сделать в ближайшую неделю, иначе ситуация выйдет из-под контроля, и вам не удастся изменить ровным счётом ничего. Но положение не плохое, как кажется на первый взгляд. Сын вернётся к вам, и вы перестанете мучиться от тоски по нему.

– Нет, нет! Я поговорю.

Александра вытянулась из-за стола и, вдохнув ароматного ладана полной грудью, спросила смущённо:

– Вы возьмёте всю сумму сейчас же? Так неловко... Вы помогаете уже как во второй раз и ничего не требуете особенного взамен. Должно быть, вы добрый человек.

Мама залилась насмешливым хохотом. Как только Александра засияла в грустной улыбке и раскрыла широко сумку, чтобы вытащить деньги, наружу градом посыпался всевозможный хлам. Александра склонилась, чтобы подобрать пачку бумажных салфеток, расчёску и кремовую губную по-

маду, закатившуюся под стол для гаданий, но её тотчас же остановила мама. Она сползла на колени, передала клиентке старые вещички и, поднявшись, аккуратно и легко отряхнула юбку от несуществующей пыли.

– Так, по моему нескромному мнению, – перешла мама к преувеличению качества, – обязан поступать тот, кто работает с людьми. Мне важнее, чтобы вы не проливали зря слёзы. Ну, что за дело? Вы должны смеяться, радоваться! В чём смысл острой боли? Боль – это ничего, по сравнению с радостью и покоем. Карты дадут вам столько радости и покоя, сколько пожелаете! Слушайте их советы и верьте.

– Верю, Катенька, верю! Вот хоть ночью разбудите меня, а я скажу, что надеюсь на лучшее.

Александра передала маме две тысячи рублей.

– Это много, – возразила она. – Я не возьму столько. Это неверно.

– Берите, берите! Всё верно, всё правильно.

– Я не приму их. Мы договаривались на полторы тысячи.

– Пожалуйста!

– Ладно. Я вас провожу, – сказала мама и, размяв онемевшие ноги, взяла осторожно клиентку под локоть.

Когда она вернулась, чтобы потушить свечи и убрать карты, я обратился к ней, ощущая, как нарастает беспокойство:

– Я видел Максима.

– Кого?

– Сына этой женщины. Он ударил девушку ножом и сбе-

жал. Сбежал, оставив человека умирать!

– Тебе плохо? – Она убрала руки и, наклонившись, тронула мягко сухими губами мой прохладный лоб.

Слабый поцелуй подействовал на меня самым положительным образом. Я прикрыл глаза от удовольствия и заёрзал на стуле.

– Скажи, ну. Ничего не болит?

– Голова чуток. А так всё в полном порядке!

– А не обманываешь?

– Мне кажется, что её сын прячется, потому что боится наказания. Нож-то нужен, чтобы картошку чистить.

Мама лукаво улыбнулась.

– Ай, какой выдумщик! Встань и убери табурет на нижнюю полку. В шкаф. Да, кстати, нож подойдёт не только для чистки, но и для нарезки. Там есть такое кольцо, которое вешают на ключи. Не понимаю, к чему оно там.

Убирая табурет, я лихорадочно раздумывал. В шкафу вместе с широкими шарфами, накинутыми заботливо на плечики, висели атласные и льняные платья, все мятые и бесформенные, пышные прозрачные блузки и выцветшие кофты. Мама надевала блузки только по праздникам.

– Но это было словно наяву.

– Так, прекрати! Ты увидел, как я гадаю? Увидел. А фантазии прибереги папаше своему. Вот он удивится, когда узнает, что тебе ужасы всякие видятся!

Я расстроено убежал в комнату и, схватив под мышку

дымчатого тряпичного кота, укрылся с ним под одеялом. Я мало плакал и наглаживал любовно старого кота, пока не отбросил со злости подушку вместе с плюшевым зайцем на пол и понял, что мне стоит делать дальше. Уложив игрушки мирно спать, я сел за письменный стол и вытащил из ящиков плотный белый картон, ножницы и тонкие радужные фломастеры.

Послышался торопливый негромкий стук и сдавленный голос мамы. Она ворвалась не без предупреждения и закудаhtала, точно курица:

– Прости, что я так отреагировала.

– Я тебя ни в чём не виню.

Мама, удивлённо захлопав, подседа рядом на низкий стульчик и рассеянно звякнула крохотным хризолитовым брелочком, свисающим с ручки верхнего ящика.

– Тогда обиделся. Правда, прости. Так ты действительно видел убийство какой-то несчастной девушки? Мне очень жаль!

– Чего тебе жаль? Ты не поняла ничего, вот и всё. Потому что ты врешь! Ты самая настоящая обманщица.

Мама как обычно была абсолютно слепа. Она сильно огорчилась несвойственным мне поведением и оставила в покое качающийся из стороны в сторону брелок. Камешек тонко стукнул последний раз по дереву.

– Так сказать могу и я про тебя.

– Нет. Я докажу, что видел. И ты прекратишь гадать не

по правилам.

– Что ж, ты, наверное, глуп, раз думаешь, будто в гадании есть правила. Они не нужны. Это иная материя, дорогой, в ней нет ничего определённого. Нет правил, которым необходимо следовать. Да и зачем мне твои доказательства? Хочешь выставить меня дуручкой, верно? Так ничего не получится. Ну скажи, каким образом тебе удастся убедить меня? Убийство ты увидел, ага, конечно! Выделиться просто хочешь. Подстроишь мелкую гадость и наивно подумаешь, что я не проверю её?

– Нет. Гадостей я не строю. Всё гораздо проще.

– И ты скажешь, в чём заключается простота?

– Нет, мам. Это будет для тебя маленьким сюрпризом, – проговорил я с искренней улыбкой. – Даже если придётся ждать.

– Что ты! Конечно, я подожду! Любопытно, что ты там навывдумывал.

Тогда мне было больше жаль Александру, нежели маму, но я опасался признаться в этом самому себе. Я не чувствовал какой-либо злости или ненависти к неподвижным мордам, потому что знал наверняка; все они, хоть и странные, и мерзкие, всегда оставались непритворными по сравнению с мамой, лицо которой прямо-таки уродовалось от наигранного сочувствия и портилось до безобразия, когда зловеще блистало от живости.

Так, я вырезал из картона двадцать ровных белоснежных

прямоугольников, двадцать карт, которые носил в течение двух лет. Некрасивые, уродливые и потрёпанные, они с каждым днём всё больше вселяли в меня неуверенность. С их помощью я не умел видеть тревожные картинки, и этот факт печалил более всего другого, так как я не мог добыть существенных доказательств и тем самым убедить маму в том, что Максим кого-то убил. Я рассказывал обо всех волнениях Серёже, но он относился к подобным чувствам с пренебрежением и даже с неодобрением. В картах ему виделась одна чепуха, одна чушь, какая нравилась одним суеверным девчонкам.

Бывало, я приносил карты в школу и пробовал гадать на задних партах одноклассникам. У девочек с возрастом возникало много проблем, касающихся всякого, а в большинстве своём – безобидного и глупого. (Ну что за беда, если подружка нечаянно оторвала шнурок для телефона?) Хотел смеяться над ними во весь голос, а на деле молчал или поддерживал. Всем в малиннике приятные, ласковые слова подыскивал. Серёжа серьёзно убеждал меня в том, что только таким образом я мог сдружиться с кем-либо ещё, кроме него.

Девочки твёрдо верили в мои видения с тревожными картинками. Они наперебой любопытно спрашивали и строили приблизительные догадки, отчего у меня появился такой редкий дар, и обижались, когда я не отвечал на их нескончаемые вопросы. Серёжа тогда энергично разгонял их. Задер-

живаясь часто на продлёнке, он разрисовывал раскраски и угощал меня апельсиновыми конфетами, что на сравнительно недолгое время отвлекали от скучных уроков.

– Может, дело в том, что карты ненастоящие?

– Как это? Они самые настоящие! – сорвался с моих губ громкий возглас.

– Слушай, я мало во что верю. Взрослые любят вести с нами, как с маленькими. Разговоры о большой любви (фу, какая гадость!), о Деде Морозе, о Зубной фее, которая в обмен на молочный зуб припрячет под твоей подушкой конфету (открою секрет, это родители подкладывают сладости) или, если повезёт, шоколадку. Они говорят, говорят, да недоговаривают. Либо вообще врут. А кому будет приятно, когда его обманывают?

– Никому.

– Но я знаю, что ты не обманываешь. Потому что, во-первых, ты не взрослый. Во-вторых, ты мой друг.

Когда Серёжа меня впервые гордо назвал другом, стоял серый, промозглый день. В коридоре не прекращалась визгливая возня, в столовой подавали холодный омлет с петрушкой и чай, безвкусный из-за сахара, а я всё равно сиял от счастья.

– Твоя мама, получается – продолжал Серёжа с кривой ухмылкой, – ведьма, раз все внимательно её выслушивают?

– Я не знаю, кто она.

– Неужели никто не догадался? И почему ты вот так си-

дишь, ничего не делая? Вот если моя мама начнёт гадать, я сразу запрещу ей это делать!

– Она слушается?

– Ещё как! – произнёс он, задрав нос, и добавил загадочно: – А ты всё же попробуй пойти другим путём.

Я съел шестую апельсиновую конфету, хотел было приняться за уроки, но тотчас отложил книжку по русскому языку. Серёжа страшно заинтриговал меня.

– Каким?

– Возьми её карты.

Я удивился тому, с какой лёгкостью он говорил о чужих картах, и с самого начала решил для себя, что ни в коем случае не украду их. Кража бы означала, что у меня не было совести. Но совесть имелась, в полном комплекте и, так сказать, в полной боевой готовности. Она сразу взбунтовалась, когда услышала Серёжины слова, и долго не унималась. Настолько была взбудоражена!

– Нет.

– Как? Ты должен.

– Ничего я не должен. Даже не начинай. Меня будут обзывать вором. Я не вор.

– Мамины карты – твои карты, – серьёзно проговорил Серёжа. – Ты не вор. Не бери их в школу. Просто погадай там, в чёрной комнате, когда никого не станет дома.

Я был растерян, измучен сомнениями. Мама ведь не ошибалась насчёт ранних гаданий? (Самодельные карты не счи-

тались, так как в них не было никакого толку.)

– А на кого гадать?

– Да на кого хочешь! На себя. Если ничего не выйдет, ты же наверняка расстроишься? – спросил Серёжа и закончил раскрашивать огромную пожарную машину.

– Да. А я не хочу больше расстраиваться. Никогда.

– Правильно. Так и говори! Ты очень уверенный, это здорово, – сказал Серёжа и дружески потрепал меня по плечу. – Нет, хватит говорить. Действуй, Паша!

Но я всё же не был до конца уверен в том, что поступаю правильно и две недели вёл достаточно тихую и робкую жизнь, не решался перешагнуть порог чёрной комнатухи, в которую толпами по вечерам наведывались плачущие морды. Александры среди них давно уже не было. Она приходила к маме в последний раз месяцев девять назад и деликатно добывала информацию о сыне. Мне было неизвестно, чем закончилась история, а потому досадно и жаль.

Мама, без конца занятая работой, часто отказывалась провожать до школы. Вместо неё меня под руку брал папа. Мы проходили возле детского сада, где в маленьких шапках с завязками играли малыши, мимо киосков с жирным шоколадным пломбиром и спорили о том, какой вкус бы купил человек, идущий нам навстречу. Папа испытывал неловкость, когда я поднимал серые глаза и спрашивал обеспокоенно:

– А как же твоя работа? Ты не работаешь?

– Работаю. Ты пока один не дойдёшь, так ведь? Хотя я

знаю, что ты пробуешь быть самостоятельным. Видел, как завтрак готовил. Это был бутерброд с хрустящей корочкой?

– Скорее, чёрный сухарь.

– Не всё сперва получается удачно. Но это не означает, что пора складывать руки.

– Я ни за что их не сложу. Но мне без тебя правда не дойди! – отвечал я и озарялся в ласковой улыбке. – Веди меня, пап. Веди.

– Держись рядом.

Папа увлекал меня в доверительные разговоры, встречал весело из школы и лелеял до тех пор, пока меня не стали угнетать первые признаки одиночества, появившиеся совершенно неожиданно. Временами я замыкался в себе и не общался с Серёжей, который, несмотря ни на что, всячески поддерживал меня. Он приносил всё больше апельсиновых конфет, а после того, как я отказывался от них, предлагал угощение Ирине Андреевне, которая, кажется, за два года успела располнеть. Она сделалась неповоротливой и мало ухаживала за кожей и ногтями. Вероятно, с ней стряслось несчастье. Может быть, и наоборот.

Я ждал хоть какого-нибудь знака, который бы указал на правильность моих действий, и глядел с невыносимым напряжением на дверь, за которой лежали карты. Когда ничто не подало мне знака, я начал следить за мордами, которых комнатуха жадно пожирала. Люди втягивали плечи, складывали руки

(я ни за что их не сложаю)

и, погружаясь в глубокий траур, болели.

Наконец, приняв окончательное решение, я проник
внутри,

(когда никого не стало дома.)

включил тусклую лампу и, перевернув все платья, нашёл в одном из них карты. Обронил их холодно на стол и уселся на высоком бархатном стуле. Я представил, что случится, если меня поймают за постыдным занятием, и взялся без промедления за дело. Я вынул три карты, но никаких тревожных картинок не заметил. Вытащил ещё две, основательно разворотив колоду. После поёрзал от негодования, вскочил с места и, подняв все раскиданные мятые платья, с быстротой молнии развесил их по плечикам. Мне вдруг стало так тяжело, так тяжело, что я громко закашлялся и, зажав кулаками глаза, горько разрыдался. И шёпот нёс тихий в пустоту: «Карты, карты, покажите картинки, ну покажите, пожалуйста!» Они не отзывались.

Я притронулся к колоде и затем убрал руку. Она горела неистовым огнём.

Вмиг преобразилась чёрная комнатуха! Стремительно замелькали таинственные образы, сотканые из множества танцующих серебристых нитей. Лампа вдребезги рухнула с тумбы, когда её коснулась чья-то невесомая и прозрачная рука. Меня поглотил знакомый голубоватый туман, густой, почти шелковистый на ощупь. Я охнул, когда увидел папу, вы-

ходящего из коридора в длинной рубашке навыпуск и в клетчатых тапочках. Комнатушка произвела на него неотразимое впечатление. Я кинулся к папе в смущении и растерянности, но не добежал, а упал рядом бессильно на колени, сильно порезавшись об осколки бледной лампы. Он сразу же взял меня на руки и усадил на стул, предварительно скинув со стола волшебные карты. Волнению удалось успокоить боль, пронзающую ноги.

– Ты видишь туман?

– Вижу.

– Я не должен был доставать карты! Мама предупреждала, что рано. Как нам их убрать? Если она увидит, что я здесь всё испортил!

– Успокойся.

– Но она рассердится!

– Сейчас я обработаю колени, – сказал преспокойно папа. – Никто не будет сердиться.

Он сделал мне умелую перевязку. Я глядел глупо в пол, теряющийся в тумане, иногда взглядом окидывая карты, выступающие из-под мощно клубившейся пелены, похожей на пену волны, разливающейся по берегу.

– Спасибо большое.

– Всегда пожалуйста! Так что же тебя пугает? Мама? – спросил он бодрым голосом.

– Меня пугает то, что она может сделать со мной, если я послушаюсь её.

Но, если говорить по правде, мама никогда сурово не наказывала меня. Тычков и затрещин она не раздавала, в угол не загоняла, а после проступков так и вовсе проявляла абсолютное безразличие.

– Но что она сделает тебе? – спросил папа, чуть ли не смеясь. – Что сделает тебе эта несносная участливая женщина, у которой хватает сил на одни карточки? Между прочим, карточки лёгкие и очень простые. А ей от этого не проще. Тебе не стыдно?

– Мне не стыдно. Почему?

Он молчал. Я поднял резко голову. Передо мной сидел незнакомый человек, смутно напоминающий папу.

Он был бледен как полотно, искорёжен. Вообразите овальное тонкое лицо, покрытое старыми ранами, из которых струится сукровица, заляпанные глиной костлявые руки, такие же ноги, отчего-то босые влажные ступни, под которыми застыла коричнево-красная лужа крови. И запах, о, этот удушливый сладковатый запах, как у трупа! Стула, на котором сидел человек, не было видно и оттого казалось, будто он неподвижно висел в воздухе, как привидение без белой простыни.

Я попробовал выскочить из комнаты по останкам лампы, но лишь разодрал пальцы. Дверь оказалась запертой. Я судорожно ухватился за короткую изогнутую ручку.

Кровавый незнакомец близко подошёл неторопливой, размеренной походкой и тормознул слева в четырёх шагах,

явно страшась спугнуть меня. Но я ничего тогда не видел и не слышал, так как мной овладевал один тошнотворный страх.

– Вы не мой папа! Пустите!

– *Мой мальчик, это я.*

– Уходите!

Незнакомец легко положил пятерню на голову, оставив после себя заметный мокрый след. Я стряхнул ладонь и, беззвучно взмолившись, заколотил по двери, надеясь, что сейчас же появится мама.

Незнакомец повторял ласковым голосом, срывающимся от глубокой печали:

– *Мой мальчик, это я, мой мальчик, это я, мой мальчик, это я!*

Вскоре я очнулся в тёплой постели. Сразу же высунул из-под одеяла ноги, чтобы отыскать раны, полученные при посещении чёрной комнатушки. Не обнаружив ни одного пореза, я распрямился с облегчением и выдохнул весь воздух. После тряхнул всклокоченной головой, на удивление опрятной. Остатки неприятных ощущений совершенно испарились.

В комнату вошли родители. Мама встала возле прикроватной тумбы, на которой мерцала лампа, и пропустила вперёд посеревшего папу. Он поскользнулся на выброшенном кусочке конструктора, поспешил ко мне в грустные объятия.

Я задыхался от стыда и крепко прижимался к нему. Мама куталась зябко в махровый халат с именной вышивкой на

спине.

Тут она не выдержала и спросила:

– Паша, что случилось?

– Я не знаю, – произнёс я бесцветным голосом.

– Ты ослушался... Никто не давал тебе разрешения заходить туда, а тем более обыскивать шкаф и разбрасывать карты! Зачем они тебе понадобились? – Мама плюхнулась на кровать, скрипнув острыми зубами. – Ну же, не бойся. Ответь только.

– Остановись. Сделай глубокий вдох и посчитай до десяти, – обратился к ней тихо папа. – Мальчик рухнул без сознания. Что бы там он не вытворял... будь мягче и спокойнее. Ты так и меня доведёшь. Да отодвинься ты!

– Я не хотел падать.

– Знаю. Но ты упал, – проговорил твёрдо папа и выпустил меня из горячих добрых рук.

Я прислонился к стеночке и смял уголок подушки. Свет от лампы лился струёй на мягкое изголовье, и золотые брызги, долетая до ковра, оставляли на нём красивую яркую россыпь.

– Я хотел погадать.

– Для чего тебе гадать? Игрушек не хватает, что ли? – спросила с любопытством мама.

– Просто.

Я не хотел раскрывать всей жестокой правды. Но даже если бы я уклонился от расспросов, то в конечном итоге обя-

зательно сорвался на всхлипы и выдал о том, что меня тогда ошарашило. Чёрная комнатуха, оплетённая белёсой паутиной, к чему ты показывала тёмные видения о папе? Он не заслуживал участи, которой ему подготовили твои смертельные пауки!

– Меня не устраивает ответ.

Мама сердито покачала головой и подошла к раскрытому окну.

– Эй, ну скажи же, прекрати молчать! – потребовал расстроенно папа. – Давай, давай ты прошепчешь мне об этом на ухо? Согласен? Мы тогда уйдём. Вон, какой сонный.

Чутьочку поколебавшись, я выпалил ему решительно первое, что пришло на ум:

– Это насчёт будущего. Я давно просил маму погадать, а она говорила, что я пока маленький. Но у меня ничего не вышло. Я рассердился, а после, когда бросил карты и думал уйти из комнатухи, но заметил большого паука, ползущего прямо перед носом! В общем, он прыгнул на меня, а дальше... ну, ты же знаешь, что было дальше.

Я изобразил неподдельную тревогу и поцеловал папу в тёплую бритую щёку. Он посмотрел на меня с трогательным умилением, блеснув ярко карими глазами. Мы быстро поняли друг друга.

– Значит, вот оно что. Всего лишь паук! Мерзость какая! Проверить бы комнату, и смести паутину, если она есть.

Мама щёлкнула сухо пальцами по мелкой оконной сетке

и напугала длинноногого комара.

Она живо обернулась, когда услышала о чёрной комнате.

– Нет, можешь не утруждаться. Я сама разберусь с паутиной. Завтра же, как поднимусь.

– А если её там много?

– Ничего же. Пауки безобидны. Ты их всех передавишь, а я за порог их отнесу, – сказала мама. – Тебе лишь бы бросаться на ничтожных существ. Всё силой решаешь. Как будто кроме силы ничего не существует!

Я спросил неловко:

– Можно мне помочь с пауками?

– Верно, вот ты-то и пригодишься, – проговорила мама и, подойдя ко мне, поразила грубо-ласковым прикосновением. – Отработаешь сполна наказание.

– Хорошо, – сказал я без малейшего волнения. – А теперь я посплю.

Родители вышли. Я закрылся с головой под одеялом. До часу ночи слышалась свирепая ругань, под пятками тонко жужжала мошка.

Надвигалась неотвратимая беда. Я путался в тревожных картинках, как в прочной липкой паутине, и мечтал, чтобы они не претворились в жизнь.

Глава третья

ЧУДОВИЩНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Раньше я считал, что единственная моя проблема заключалась в равнодушии мамы. После видений в чёрной комнатшке я немного подзабыл потрёпанные карты, убрал их на дно ящика.

Жизнь постепенно приходила в норму.

Серёжа продолжал доставать глупыми советами, а я, не забывая делать осмысленное выражение лица, выслушивал его в пол уха, радовался редкой тишине в кабинете, когда наступал завтрак, и почти все шли вприпрыжку за Ириной Андреевной в столовую. Серёжа проводил свободные минуты за водными раскрасками и играми. (Телефоны у нас отличались только по цвету, мой был белый, а его чёрный.) Он был отрешён, когда водил кисточкой по листу. Я рассказывал с удовольствием о фантастических приключениях, написанных в книгах, откопанных в библиотеке, где работал библиотекарь, по совместительству учитель математики.

Ольга Николаевна пряталась за столом с широкими боковыми полками, уставленным учебниками, пестреющими в прозрачных и радужных обложках, жёлтыми ученическими карточками, книгами, научными журналами, атласами в твёрдых папках на металлических кольцах и контрольными тетрадами. Она бегала шумно пальцами по клавиатуре, готовилась усердно к урокам, всякий раз внимательно заглядывая поверх старомодных очков на детей, которые приходили пересдавать работы или же забирать и сдавать учебники.

Я заходил в библиотеку и разваливался с очередной кни-

гой на кожаном диване возле пианино. В иной раз кто-то весело приходил поиграть на нём. Он садился на низкий круглый стул, замирал на мгновение и плавно нажимал на клавиши. Я второпях выскакивал из библиотеки. Бежал всё дальше и дальше от весельчаков, мешавших мне наслаждаться чтением.

Когда Серёже надоедал мой счастливо-сбивчивый монолог, он делился цветными карандашами. Я разом замолкал и вынимал их всех из рваной коробки с рыжим котом, забрасывающим нехитрую удочку в пруд.

Пока я увлекался рисованием, Серёжа откладывал недоделанные рисуночки и блуждал пальцами по страницам книг. Он всё думал, чем бы таким интересным заняться. В конце концов, начинал дразниться, чтобы вновь услышать, как я бормочу.

В один из дней меня впервые за два месяца забрала из школы мама. Я спешно оделся, пересёк холл, крепко схватил её за влажную тёплую руку и сказал тихо и честно:

– Хорошо, как хорошо! Ты станешь теперь меня водить?

– Придётся, – произнесла мама сухо.

Я расстроено выпустил её ладонь. Она обняла меня и отчего-то беззвучно разрыдалась.

Я спросил:

– Но почему ты плачешь? Мам, на нас же смотрят! Уйдём быстрее.

Она безмолвно кивнула и, смахнув незаметно слёзы, от-

ветила шёпотом:

– Поторопимся! У мамы много дел.

– Ты плохо себя чувствуешь? Хочешь, я за тебя их решу? – спросил я смущённо, когда мы проходили возле детского сада. – Клиенты покоя не дают?

– Ага, надоели.

– Может, я поговорю с ними? Вот ты пригласи их в чёрную комнатку. Всем скажу, что ты устала! Прогоню!

Я мягко улыбнулся одними губами. Мама спокойно посмотрела на меня.

– Спасибо, Паша. Но не стоит.

– Потому что я не знаком с ними? Да, трудно с незнакомыми мордами! Но я бы хоть попытался. Дай только шанс! Один маленький шанс.

– Нет. Дело не в незнакомых... мордах. Я знаю тебя, – проговорила мама нежно.

– Не в них? А в чём же? Стой, подожди, я ничего не понимаю. Где папа?

Она быстро заквакала изрубленными фразами:

– Уехал на встречу. Он жутко был занят над новым проектом. Ночью не спал от волнения. И я вместе с ним. Отец твой умеет трудиться. Он большой умница. Таких умниц, как он, ещё надо поискать.

– Я знаю обо всех стараниях папы. Когда он вернётся?

– Скоро, скоро, – пробормотала мама. – Скорее всего, к вечеру. Если же всёйдёт удачно, он отпразднует победу

с приятелями, а ночью уже будет дома. А так, возможно, он купит нам с тобой чего-нибудь сладкого, когда будет проезжать мимо круглосуточного. Хочешь, я позвоню ему сейчас же?

– Нет, не хочу. Мы только отвлечём его. А я сильно хочу, чтобы у него всё получилось.

– Я тоже. Обойдёмся тогда мы с конфетами.

Перед тем как зайти в дом, мама накрошила белого хлеба на влажный люк. Тотчас слетелась крупная стая голубей. Прибежали две тощие собаки с бирками на ушах и чуток пожевали оставшийся мякиш.

Мы поднялись в квартиру и, переодевшись, уселись за кухонным столом, застеленным узкой крапчатой скатертью.

Поговорили об учёбе и о Серёже.

Мама подогрела клубничного молока, прихватила из шкафа раскрытую коробку и тут же, не доходя до стула, сгрызла половину песочного печенья с белой глазурью из сахарной пудры. Я был удивлён, когда, наевшись, она расспросила меня о растрёпанных кисточках, подаренных папой на девятый день рождения. Она вынесла кисточки из ящика и положила их рядом со стеклянной вазой с мармеладом и орехами в шоколаде.

– Зачем они мне сейчас? – спросил я и прихлебнул клубничного молока. – Не хочу рисовать.

– Да? Отнесу, чтобы не мешались, – сказала мама растерянно и ушла в комнату.

Вернулась она в скверном настроении, вся в слезах, зату-
манивших глаза.

Я не понимал, что с ней творилось, но был твёрдо уверен
в том, что это как-то касалось папы.

– Ты займёшься делом?

– Да, займусь. Но сначала посижу в кухне. Погляжу на те-
бя, на солнце. Там, в комнате, нет ничего подобного. После
уйду, подышу свежим прохладным воздухом. И отправлюсь
в дорогу.

– Но что это значит? – спросил я, допив клубничное мо-
локо.

Я вымыл кружку в раковине, поставил на сушилку. Потом
сел совершенно близко к маме, положил голову на её обна-
жённое подрагивающее плечо, холодное и твёрдое, как сталь.

– Ты меня услышала?

– Конечно. Как тебя не услышать?

– Ну так что? Ты уедешь на дело, как и папа? – подытожил
я угрюмо фразу.

– Уеду, но обещаю, что вернусь раньше, чем он. Ты пока
иди делать уроки.

Мама помяла мои волосы и порывисто бросилась в спаль-
ню за тряпичной сумкой.

Я стоял под дверью, обхватывая дымчатого кота, и слы-
шал, как мама тяжело дышала, наверняка обливалась потом
от томительного беспокойства и, стараясь громко не шуметь,
ходила по полу в шерстяных носках.

Чудился бессвязный, напряжённый шёпот. Казалось, сами стены объясняли мне что-то с помощью гневных, неразборчивых слов. И что же они говорили? Верно, стены не умели говорить. Это шептала проклятия мама.

Она вышла через минуту.

Я прибежал в коридор и подал ей нехотя коричневые сапоги с мехом наружу. Она надела их на хорошенькие ножки, скрыла рассыпанные волосы под пушистой полосатой шапочкой.

– Ну так что с тобой?

– Ничего. Да неужели ты так сильно волнуешься за меня? Боль и расстройство выдуманы каким-то злым существом, не иначе. Вот он взял и сделал так, чтобы я плакала.

– Так не бывает.

– Почему не бывает? Почему ты так решил? – спросила она в недоумении.

Как бы она не любила обманывать клиентов, вера в неземных бессмертных обитателей была сильнее. Я знал, что она очаровывалась красотой ангелов и демонов, и много ворчала, когда рассказывала о духах, портящих сеансы гаданий.

Она выкупала совсем старые и новые колоды карт. В спальне включала плеер и рассматривала редкую коллекцию откровенных книг с толкованиями предсказаний. Когда часть из них по неудачному стечению обстоятельств оказалась утерянной, мама прикупила недостающие тома, и больше никому их не показывала. Я отчасти винил себя в безала-

берности и оттого близко не приближался ко всему тому, что она хранила с восхищением.

Папа часто подшучивал над мамой за крайне фанатичное отношение к магии. Он не поражался чудесам, ярко описанным в книгах, и критически воспринимал выстраданные и радостные истории людей, которым якобы виделись лики святых Архангелов, спускающихся на землю в трепещущих одеяниях, вышитых из плотной ткани, точно сочившейся солнечным светом. Я хохотал вместе с ним, чтобы угодить ему. Но сам в глубине души верил в запутанные рассказы очевидцев мистических явлений и всё больше осуждал людей, подобных папе, у которых была такая же точка зрения насчёт потустороннего, притягательного мира.

– Существа ни при чём. Ты сама плачешь, потому что боишься или грустишь. Чувства и мысли полностью принадлежат тебе, мам, они только твои! Ну так скажи, в чём дело? Может быть, ты думаешь, что я буду смеяться над тобой? Нет, ни за что! Зачем так?

– Тебе просто хочется узнать, что случилось.

Мама робела от моего решительного вида.

– Но я в любом случае должна идти. Вот ты остановил, теперь не успею надышаться воздухом! – упрекнула она меня шутливо. – Я ухожу. Ухожу, но ты знай... Знай, что всё не так. Всё получилось не так!.. А папа, боже, наш папа... как же грустно, как больно, что нужно молчать... Давай, потом?

Договорив, она выскользнула из коридора и закрыла дверь

на ключ.

Когда я закончил все уроки, наступил вечер, и комнату окутала душная мгла. Я раскрыл окно, в котором горела маленькая луна. После взобрался на матрац, лёг на подушку и укутался толстым одеялом в надежде увидеть сладкий, безмятежный сон. Он долго не тревожил меня красками, а потому я спрыгнул на ковёр с разбросанными динозаврами, включил лампу и принялся за чтение книги, взятой из библиотеки.

Темнота стала отступать. Я прочёл, как показалось, не меньше пятидесяти страниц. Когда же мне надоело следить за строчками, и я нарисовал раскидистый дуб посреди ржаного поля, то обнаружил, что мгла вовсе исчезла. Я на радостях позвонил маме. Она была на деле и поэтому не могла разделить искренней радости, от которой меня прямо-таки распирало изнутри.

Перед тем как мама вернулась домой, я оставил везде включённым свет, так как расслышал чей-то голос, доносящийся из спальни родителей. Стены дурили? В этот раз я не представлял, кто же это мог быть.

Мама вошла неторопливой, бесшумной походкой и оставила сумку на тумбе. Она была ни жива ни мертва.

Я заметил, что ей не повезло на деле, и сразу же постарался утешить. Утешения выходили неуклюжими и глупыми, как мой безумно-счастливый вид, который не удавалось скрыть даже за бескорыстной маской участия.

– Ну подойди же ко мне. Обними меня! – просил я тупо, как ребёнок.

Видя, что ей не легчает, я сам подошёл и обхватил её крепко со всех сторон.

– Почему свет горит? Что ты делал? – спросила мама.

– Ничего особенного, ничегошеньки! Ты не обращай внимания.

– А, ты играл! Играл в дурацкие игры, – произнесла она догадливо. – Ладно.

Вдруг она упала с яростным нечеловеческим воплем и беспомощно забила кулаками по полу. Вытаращив дико глаза, мама болезненно кривила широкий рот и вся тряслась, плакала. Ею полностью овладел сильнейший припадок. Я испугался, попятился назад, но тут же пришёл в себя.

– Что с тобой? Зачем ты корчишься, глупая! – закричал я не со зла. – Позвонить в скорую?

Я побежал быстро к телефону, но меня остановила знакомая горячая ладонь.

– Не стоит, милый! Не стоит никому звонить. Я справлюсь, – застонала мама.

– Врачи тебе помогут, обещаю!

– Нет!

– Поднимись.

Она нелепо изогнулась и, привстав на колени и сморщившись, точно несчастная старуха, уткнулась мне неподвижно в грудь. Я глубоко зарылся носом в тёплые волосы, плача и

одновременно смеясь от нашей беспомощности.

Мама выплакалась и переделалась в домашнее платье из шерсти. Мы прошли на кухню и выпили по несколько кружек воды, чтобы успокоиться.

Она села напротив, неуютно пожимая плечами.

– Прости, пожалуйста.

– Я не сержусь на тебя. Ни за что. Но ты только признайся во всём! Это всё из-за дела?

Она качнула растрёпанной головой.

– Это из-за папы?

– Из-за него.

– Где он? – воскликнул я нетерпеливо.

Моя решительность понемногу отступала. Тревожная голубоватая картинка, складывавшаяся из-под волосатых лап смертельных пауков, стояла перед глазами, как живая.

– Где он, мам? – спросил я ровным тоном. – Ты ведь знаешь, он не на деле. Он был на нём, верно? Но не сейчас. И он не празднует победу с друзьями, не пьёт пиво и не смотрит плавание? И не едет домой, потому что смирился с проигрышем?

– Ничего из этого он не делает.

Мама выпила корвалол. Я нервно зашевелился на месте.

– Что с ним сейчас?

– Ничего! – Она разозлилась и уронила баночку с успокаивающим. – Почему ты задаёшь так много вопросов?

– С ним стряслось несчастье?

(Мой мальчик, это я! Мой мальчик, это я! Мой мальчик, это я!)

– Он погиб, – прошептала мама. – Он погиб, когда ехал на дело.

Я содрогнулся, когда узнал, что мои видения правдивы. Если бы я только умудрился изменить несчастливую судьбу, то непременно рванул в бой с самим порождением тьмы, которая распорядилась нашим ходом жизни!.. Но что об этом сейчас болтать? Папы больше не было.

Прикусив губу до крови, я спросил:

– Где ты была всё это время?

– В больнице.

– Он был живой, когда ты приехала?

Мама как-то энергично покатила со смеху, в конце захрипела, а потом выпила ещё несколько капель гадко пахнущего корвалола. В горле стало сухо.

– Нет, уже нет.

– Мы ведь повидаемся с папой?

– Если только чуть-чуть. Он был такой бледный, такой уродливый с новым лицом! Я не хотела запоминать его с таким лицом, а поэтому, как только увидела, то сразу забежала в туалет. – У мамы горестно сжалось сердце. – Я не хочу, чтобы тебе потом снились кошмары.

– Взрослым можно видеть всё, что нельзя видеть детям. А я уже совсем взрослый для того, чтобы начать привыкать к плохому.

– Ты сделал уроки?

– Да. Поспи немножко.

Я обнял растроганно маму и, ввалившись в комнату, точно пьяный, сломал старенький деревянный самолётик.

Глава четвёртая

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ТЕНЕЙ

Похороны прошли в родном городе папы.

В маленьком Забвеннославе с населением в тридцать пять тысяч человек он жил до того, как скончалась его младшая сестра Ксюша, страдавшая ишемической болезнью. Девушка с детства была подвержена всякого рода заболеваниям, связанным с сердцем, легко подхватывала простуду и постоянно тихо жаловалась на недомогание. Брат с сестрой превосходно ладили, души не чаяли друг в друге и крепко были связаны особой незримой нитью с родителями. Мать их, Ольга Семёновна, женщина послушная и добрая, но покорная мужу, вела домашнее хозяйство и вынашивала мечту об уютном доме в деревне. Детей она воспитывала в неясных тревогах, возилась с ними, как кошка с салом. Отец, Фёдор Николаевич, занимался черчением (именно от него к моему папе передался талант к рисованию), шил мужскую обувь, а в свободное от работы время посещал областной планетарий с обсерваторией, выстроенной в виде гигантской сферы.

Мама рыдала в траурное платье. Я стоял возле простого, неотёсанного, не обитого тканью, гроба. Он был раскрыт, и

я видел наряженного папу, который лежал головой с осунувшимся, белым, изувеченным лицом на подушке. На сухих, тесно сомкнутых губах играла лёгкая грустная улыбка. Руки его были сложены на широкой груди в каком-то изнурительном напряжении и сильно поцарапаны.

Слабый ветер приносил вонь мягкой сырой земли, горечь жёлтых трав, шелестевших на кладбище, и, казалось, сладко благоухающих в поле, светло-зелёном до самого горизонта. День был пасмурный, мелко накрапывал дождик. И небо, это грязное небо, кутавшееся в лохмотья, точно нищенка, волочащая под ногами замаранные одежды, следила неотрывно за печалью на земле.

Горевали мы не в одиночку. Сбоку от нас тосковали Ольга и Фёдор. Дмитрий, отец мамы, был серьёзным и насупленным, как филин. Была ещё дальняя безымянная родственница по маминой линии, которой я раньше никогда не видел. Она безучастно топталась поодаль в огромной, мятой, чёрной шляпе с гусиным пером и небольшой сумкой, переброшенной через красивое плечо.

Из всех одна лишь Ольга подошла близко к гробу. Она посмотрела внутрь и два раза охнула настолько громко и пронзительно, что у меня болезненно дрогнул правый глаз. Ольга невольно отшатнулась, изгибая бескровные отвислые губы. Фёдор прижал её к груди и дал носовой платок, чтобы протереть влажные, шершавые щёки. Ольга отказалась от платка, но пожелала, чтобы муж держал его наготове.

Матушкино кладбище занимало всю площадь лесистого холма, с какого открывался вид на город, который выплёвывал тонкие струи гари, сгибался в надрывном кашле и кричал с досадой и тяжестью, как неизбежно гибнущий человек. К Забвеннославу, кстати, прилегало предместье Зареченское, в котором на нас был заказан обед в столовой.

Каждый бросил по горсти земли в могилу. Мы попрощались с папой. Ритуальная служба закончила житейское нехитрое дело и, выехав за кованые, тускло сплетающиеся изгороди, исчезла в далёком поле.

Над крестами пролетал ворон. Каркая, он взмахивал сильными крыльями и касался кудрявой копны берёзы, чей гибкий, тонкий ствол раздваивался внизу и тянулся в облака, в белёсе сливаясь в одно целое дерево.

Выйдя за забор, я отчётливо расслышал скрип калитки, запираемой на висячий замок.

– Мам, ты слышала?

– Что? – спросила она скучно.

Мама остановилась на узкой тропинке, заросшей горчичным сорняком по колени. По платью её полз жирный проворный паук.

– Словно кто-то крался. Я точно не глухой. Вот, прислушайся, может, и услышишь.

– У тебя просто воображение разыгралось. Надо идти, нельзя оставаться. Возьми меня за руку, и мы пойдём с кладбища.

– Ну подожди!

– Пойдём, ну же, без пререканий, – произнесла она как бы в пустоту.

Я послушал маму и последовал за вереницей, однако, не забывая время от времени оборачиваться на могилы. И вот, наконец, когда мы проходили мимо последних заброшенных крестов, я разглядел бесформенную чёрную фигуру, которая вырисовывалась из чахлах кустов, и понемногу обрела невзрачный, но вместе с тем угрожающий облик. В верхней части, на которой, предположительно, должен был находиться рот, чернела овальная дыра.

Безногая Тень летела по тропинке и раздражалась беспричинным смехом.

Я в ужасе бросился вон с кладбища, обежав людей. Они всполошились, но не ускорили шага вместе с мамой, верно, думая, что мне с горя захотелось повеселиться. Но я всё видел! Видел, как нечто, напрочь оторванное от всего человеческого, выбралось наружу из водянистой зелени и последовало за нами в дьявольском упорстве!

Я задыхался и кашлял на бегу. Можно было вновь посмотреть, что находилось за хлипкой остроконечной оградой. Когда меня окружили родственники, я настолько расхрабрился, что попробовал круто развернуться, не пряча глаз.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Ничего!

Так вышло, что Тень испарилась.

Я резко рванул жухлой травы вместе с землёй и, разбросав её по сторонам, попал нечаянно в курчавую бороду Фёдора.

– Успокойся немедленно! Я понимаю, как тебе тяжело, но, пожалуйста, будь поспокойнее. Вот что ты наделал?

– Извините.

Фёдор отряхнулся и проговорил:

– Трава же не съела меня.

В час дня мы сидели в столовой. К прямоугольному столу, застеленному вязаной скатертью, был подан картофельный суп с вермишелью. В фарфоровых мисках нездоровых оттенков лежали маринованные помидоры с легко отслаивающейся красной кожей, огурцы в соли, свежие пучки душистой петрушки и укропа, мясистые грибы, заправленные жирной сметаной. На отдельных круглых тарелках с желтоватыми цветами, обрамлёнными листьями, остывали свиные котлеты и сладкие вареники, дубовая доска была завалена ломтями пшеничного и серого хлеба.

Все ели молча, пили чай с лимоном из отмытых до блеска чашек. Фёдор неторопливо глотал водку из протёртой рюмки. Безымянная родственница, ни одного слова не проронившая за всё утро, сняла шляпу и, положив её на единственный свободный стул, вдруг зашептала с Дмитрием. В перерывах между длинными фразами они кусали пряники с фруктовым повидлом.

Мама встала из-за стола со словами:

– Он нежно и безумно любил Пашу. Зимой он катал его

на саночках, чуть позже купил коньки. Знаете, это были чёрно-красные, раздвижные коньки на липучках, одевались проще простого. Паша правда всё равно возился долго, кое-как потом стоял на льду. Он раз за разом падал, хныкал, а Гриша помогал, показывал, как отталкиваться. Часами гуляли в холодную погоду, никакой мороз им был не страшен...

Её губы мелко задрожали. После третьей чашки чая с крашеным пряником я подумал вставить слово:

– Между прочим, я хорошо научился кататься. Учительница по физ-ре это подтвердит.

Мама кивнула и продолжила:

– Но отец с сыном всегда смотрятся хорошо и мило! Они были словно единым целым! А я... Я, честно говоря, завидовала и ревновала. Мне, как матери, были понятны их чувства, но я часто оставалась отстранённой, будто мы не семья, а соседи. Теперь же, когда всё так сложилось... когда так трудно!.. Да что это я? За тебя, Гриша!

Мы выпили чай (безымянная родственница, впрочем, угостилась водкой), и мама кинулась порывисто целовать моё лицо.

– Ну ни при всех же!

Она проговорила тихо:

– Мне неловко, что я не такая хорошая.

Я отстранился от мамы, доел пряник и стал подслушивать взрослые разговоры. О папе они заговаривали раза три (вот как раз тогда я и слушал более внимательно), после вспом-

нили о прошлом, в котором я занимал совершенно маленькое место, и потому не был им настолько заинтересован.

Не забылась чёрная Тень. Она всплывала в памяти, точно свежий акварельный рисунок, ещё не просохший от воды, и мысленно нависала надо мной зловещей громадой.

Когда я почувствовал тревогу, такую же, как возле могил, дверь отворилась. В столовую ворвался оглушительный свист ветра, он затряс пальмы в пыльных кадках. Из ливня показались грубоватые лица. Трое мужиков одновременно отряхнулись и прошли мимо столов с бумажными салфетками в рабочих засаленных комбинезонах, испачканных мокрой грязью. Порядком наследив в зале, они свернули на кухню.

– Когда мы уйдём? – спросил я, тронув маму за длинный рукав. – Ну, когда же?

– А что? Не можешь усидеть?

– Могу.

– Глянь, какой там сильный дождь! Хочешь промокнуть до нитки и заболеть?

– А у нас найдётся зонтик, и мы не промокнем, – проговорил я, очень довольный мыслью.

Она созналась, что совсем забыла о нём, и тут же спросила у остальных:

– Никто разве не брал зонта?

Откликнулись безымянная родственница и Фёдор. Не прошло и половины часа, как было решено разъезжаться по

домам.

Я спрятал в карман несколько сытных пряников и допил остатки холодного чая.

Мужики с чистыми физиономиями выбежали из кухни. Позади них оказались Тени. Они проплыли мимо посетителей, томившихся в ожидании новых закусок, и повернулись таким образом, чтобы я их отчётливо видел.

Мама приподнялась. Я резко сжал тусклый конец её платья, ощутив, как заколотился пульс.

– Тихо, не шевелись! Остановитесь!

Безымянная родственница подала маме весело зонт с коричневой кожаной ручкой.

– Надеюсь, мы уместимся под ним втроём. Павлуша, не балуйся, милашка! – проговорила она и почему-то слегка потрепала молочные щёки Дмитрия. – Если мы не будем шевелиться, то не уйдём из столовой. А я видела, что ты просто мечтал о том, чтобы уйти. Так почему нас останавливаешь?

– Да, – помрачнела мама. – Наигрался.

Я не сводил глаз с Теней. Они полыхнули пустыми окровавленными глазницами и, миновав затейливый ковёр с летучими рыбами, не касаясь цементных плит, заскользили беззвучно по холодному воздуху. Одна из Теней уменьшилась и в таком виде просунулась через перекладины стула Ольги.

– Осторожно!

Она обеспокоенно заворчала:

– Что там, Павлик, кто-то есть? Я сейчас разберусь с безобразником!

Тень лёгким касанием пригладила Ольгину чёлку. Я угрожающе замахнулся рукой, пропустив через трясущиеся пальцы полупрозрачные чернила. Тень проворно отползла к мутному, полуоткрытому окну и взвыла с другими, более аккуратными Тенями.

Трое посетителей столовой прервали обед и посмеялись над происходящим.

– Нет, кажется, почудилось! Но вы всё же встаньте.

Ольга крепко взяла мужа под костлявый локоть, приникла к нему с собачьей преданностью и затрепетала.

Мама повела меня к выходу. Родственники оставили недопитый чай и, забрав верхние одежды (безымянная родственница также надела свою шляпу), проследовали охотно за нами. Дмитрий, казалось, был единственным, кто чувствовал присутствие Теней, но он не сказал мне о них ни слова, вероятно, потому что боялся, что я ему не поверю.

– Зачем ты так поступаешь? Красиво, что ли? Ты нарочно хотел расстроить меня? Верно сказала Настя. Вернее, она хотела сказать, но не договорила, – прошелестела мама и, выдохнув, добавила, когда мы шагали до машины под большим зонтом: – Я не знаю, кого ты отгонял от Ольги. Она явно испугалась, смотри же, до чего ты довёл своими глупостями старушку!

Она окинула взглядом свекровь, хлопая мокрыми туфля-

ми.

Дождь затопил всю дорогу, по которой нам предстояло вернуться в Забвеннослав, там высадить Ольгу, Фёдора и Настю, а дальше уехать в Доброхотск. В мой родной город.

(я ни за что их не сложду и не откажусь от дома)

Из старых тетрадок мамы я смог узнать, что в детстве она втайне ото всех помышляла поисками чародейки, исполняющей мечты. Могущественная добрая волшебница проживала в бревенчатом жилище с невысокой резной лестницей с бурыми медведями. Она выходила изредка в лес за лекарственными травами и ягодами, которые пригождались в варении зелий для людей, не утративших трогательную детскость. Все живые и робкие, что прятались, бегали и прыгали со страхом в душе, совались через распахнутые ставни и просили чародейку о помощи. Она встречала гостей, дарила сладости растерявшим вкус к жизни и отводила детей на тропку, в конце которой их обязательно ждали мама с папой. Найдись в огромном лесу уже было настоящим проявлением чуда.

В машине не было столь безопасно, как показалось на первый взгляд. К окну с моей стороны прилипли Тени, и в салоне тотчас стемнело.

Ольга спросила громко с удивлением:

– Что-то увидел, Павлик?

– Нет. Но я хотел бы глянуть на поле.

– Сейчас ты ничего не разглядишь, даже если постарайся-

ся.

– Но я попробую!

– Мальчишка такой забавный, мне смешно становится, когда я вижу его! – произнесла Настя и залилась звенящим смехом.

Я спокойно улыбнулся, приник ухом к стеклу, чтобы ясно расслышать торопливые голоса Теней.

– Тебя назвали забавным мальчишкой! Думаешь, это было сказано из самых лучших побуждений? Ну и балда! Слушай, а что ты так спокоен, как будто в кино сидишь и причём не на первом ряду, отчего болит шея, и даже не на последнем, откуда ни черта не видать? Мы теперь с тобой на долгие-долгие годы. Именно на столько, сколько ты сам выдержишь... Хм, как может убить горе, как почти безутешна сделается твоя утрата по отцу? Он уже спит беспробудным сном в гробу, словно околдованный потусторонней силой. Если он достоин, то прямиком из больницы для душ переселится в чьё-нибудь тело, может быть, попадёт на небо, не гарантируем. Будет приглядывать за тобой, но это не сейчас. Сейчас мы к тебе ближе, чем мать, отец и Бог, вместе взятые. Мы ближе и правильнее всех твоих смутных представлений о плохом, мы одним невесомым прикосновением навеки усыпляем всякого, кто перестаёт бороться. Ты сейчас слушаешь нас, забавный мальчишка, или ворон сквозь пелену считаешь? Моргай, а то яблоки высохнут!

Выйдя из ступора, я захлопал глазами. Тени дружно рас-

хохотались. Верно, они насмехались надо мной.

– Кто вы? Вы ненастоящие!

– Паша? – спросила продрогшая мама и завернулась в накидку. – С кем это ты болтаешь?

– Ни с кем.

– У мальчика появились воображаемые друзья, – сурово сказала Настя. – А воображаемые друзья никогда не были полезными для маленьких детей, тем более для мальчиков. Они ведь полностью захватывают их воображение! Что останется от нашего Павлуши года через два-три после дружбы с простым, но воображаемым мальчиком?

Я больше не слушал Настю. Она завязала разговор с мамой насчёт того, как правильно воспитывать детей.

– Если ты моргаешь, если это так, то запомни, как и когда мы появились. Никогда не забывай! Запиши лучше, девятое октября двух тысяча двенадцатого года. Мы зверски голодные и слабые, а вот ты напротив сильный, к тому же, ещё и малец. Мы недавно ушли от Матери, она разрешила. Так что, пожалуйста, не выдумывай ничего глупого, мальчишка, тебе с нами не справиться, тем более в одиночку. Никто не проникнется к тебе сочувствием и не полюбит тебя просто так, уж нам-то можно верить. Люди любят за поступки, дела, успехи, пускай, поведение, но не за сердце. Может, нам когда-нибудь станет жаль тебя, и твои волнения переубедят нас. Может, может, всё возможно. Не сегодня, мальчишка, не сегодня. Поезжай в Доброхотск, живи и радуйся мирной

жизнью, а мы затаимся в твоей комнате под кроватью, как монстры. Правда, совсем не кровожадные. Ты знал, что ты послушный и внимательный мальчик? Ну, поезжайте уже, а то личики устали, хотят отклеиться!

В блёклости туч полыхнула желтоватая молния. Я скрыл голову в пышных складках платья мамы. Она подумала, что я перепугался внезапной резкости света, затем похлопала меня ласково по спине и сказала нежно:

– Ну, что с тобой? Небесная канцелярия не сердится на тебя, правда. Придумывай столько друзей, сколько душенька пожелает, но только не бойся ничего и никогда.

Но уже было слишком поздно. Я прижался к маме, и она обняла меня крепко обеими руками. Я долго рыдал в пути, пока, наконец, не уснул. Мне снился живой и здоровый папа. Он катался в маленькой лодке по волнам, сиявшим прозрачной синевой, в которой отражались белые голуби.

Глава пятая

ПЕРЕМЕНЫ

С приходом Теней Серёжа помешался на уроках. Он и раньше отличался усердным стремлением к учёбе. К десяти годам у него развился талант к заучиванию стихотворений и сложных правил, за которые ставили высокие оценки. Он первым поднимал руку, хоть и не был уверен в точности ответа. Выходя к доске, он находил в себе решительность и пускался в импровизацию, всякий раз настолько удачную, что

мною обурежала зависть. Ирина Андреевна удивлялась быстроте мысли Серёжи. В большинстве случаев я медлил и не мог придумать ничего дельного на ходу, поэтому оставался ударником.

К четвёртому классу от нас ушла робкая отличница, Алиса Белочкина. Серёжа занял свободную удобную позицию, и я навсегда разлюбил его. Произошло это после очередного выздоровления. Я вошёл в класс, до боли родной, и увидел Серёжу. Он сидел лицом ко мне, коротал перемену за шахматами с кудрявым смазливym Кириллом Дудкиным в голубоватой рубашке. Они без умолку болтали. Хотел было я бодро поздороваться с другом, рассказать ему о Тенях, мучивших меня беспрестанно, и собрался подойти к парте, очищенной от жирного маркера, как вдруг его собеседник обернулся и бросил на меня неприязненный взгляд. Он перевёл узкие чёрные глаза на раскраску, подаренную Серёжей, как-то оскалился в улыбке, точно наглый волчонок, и шустро ринулся поддевать меня.

– Что тут у нас? Смотрите, художник явился, не запылится! Где карандаши, кисточки? Растерял всё?

– Серёжа, – выговорил я почти умоляюще, – поговори со мной!

Он был смущён и растерян и покручивал ладью.

– Неужели я тебя чем-то обидел?

Кирилл продолжил значительно:

– О чём ему говорить с тобой? Нет, ну ты ответь хотя бы

мне!

– Отстань. Ты не стоишь ничего, абсолютно ничего! – воскликнул я и придвинул раскраску к груди. – Только не смотри на неё так глупо. Она не выносит глупостей и глупых мальчиков.

Кирилл покраснел и, разбросав деревянные фигуры, выпрыгнул из-за парты. Блестящие кудри его разметались по круглому, как комок теста, лицу, губы изогнулись в безобразной усмешке.

– Зовёшь меня глупым? Так подойди ближе... Вижу, как трусишь. Ты всегда был трусом. С трусами не хочется дружить. Серёжа выбирает сильных, умных, лучших!

– Я не обзывал тебя. Тебе так только кажется. Ты не знаешь, какой ты, вот и переиначиваешь меня.

– Идиот!

Он застыл в свирепой гримасе и ловко сшиб меня с ног.

Кирилл разорвал раскраску. Я набросился на него в ослепительной вспышке гнева, выкрикивая сбивчиво бред, сочинённый Тенями. Они металась за спиной.

– В сердце шипит огонь возмущения, что же ты мальчик так слаб? Глянь, что сделал этот негодяй! Он ранил, ранил тебя, он желает поранить всех и вся. Выпусти нас! Выпусти нас! Выпусти Теней! Выпусти нас на волю!

Я дрался, как чёрт, довольный неиссякаемой неведомой силой, вовсе не за раскраску.

(Посмотри, Серёжа, Кирилл не стоит твоего внимания!)

Почему ты выбираешь его, а не меня?)

Пока нас разнимали, в класс прибежала Ирина Андреевна.

– Кто это всё устроил? Вернее, кто начал?

Слегка потрёпанный, я покосился на Серёжу, ещё крепко рассерженный его тупым равнодушием. Я с нетерпением ждал, что он поднимется и горячо, и смело вступится за меня. Увы, он ответил холодно, не поднимая головы:

– Паша. Паша начал.

– Почему ты обманываешь? Всё было по-другому, выслушайте, Ирина Андреевна!

– Ну что ещё? – спросила она спокойно.

– Я бы ни за что и мухи не обидел. Вы знаете, что я хороший. Я очень хороший. И очень сильный.

– Да ты настоящий силач, – произнесла Ирина Андреевна без какого-либо намёка на шутку. – Вон, какой у Кирилла синяк.

– И у меня такой есть. Поймите, я не хотел драться. Но он сказал кое-что очень обидное, потом разозлился и наскочил, как ненормальный. Будто я действительно причинил ему боль, а не он мне! Жаль только раскраску. Теперь ей даже клей не поможет? – обратился я к Теням, бешено плясавшим в беспорядочном хороводе по классу.

Ирина Андреевна хорошенько отчитала нас и приказала разойтись по углам.

– Но можно я её выброшу?

– Да, приберись. Дудкин, быстро в угол!

Я собрал обрывочки раскраски с космическими кораблями и кинул их нехотя в урну. Стыдливо тащась к углу, я успел беззвучно шепнуть Серёже на ухо:

– Паразит! Мерзкий паразит! Уйди, уйди отсюда, чтобы я не видел тебя больше!

Предательство серьёзно повлияло на меня. Я не оставался на продлёнке и всячески сторонился одноклассников.

В шестом классе к Серёже примкнули новые лучшие друзья. Они были грубыми, невоспитанными настолько, что мне каждый раз становилось стыдно, точно это я вставлял мат через каждое слово, включал бессмысленный рэп вперемешку с попсой на весь класс и курил за будкой.

Помню, как их компания подложила мне нечто совершенно неожиданное и мерзкое в кроссовки. Тогда я спустился по лестнице в носках и подошёл к одному из низкорослых кустов, что рос по левую сторону от асфальтовой дорожки, не знал человеческой заботы, а потому всегда был хилым и сереньким. Вытряхнул из кроссовок в траву, отмеченную яркими цветами, белых личинок. Жирные опарыши тупо сталкивались друг с другом и упорно лезли на высокие, оставшиеся после летней отработки, стебли, казалось, желая вновь попасть в тёмное и сухое местечко, которое им устроили гигантские люди. Я сунул руку под ортопедическую стельку и, почувствовав пальцами оставшиеся крохотные тельца, вынул их на свет. Внутри меня клокотала звериная злоба.

Передавив опарышей, я надел почти не замаранные кроссовки и убежал на карусель, чтобы выпустить пар.

Я не принимал участие в жизни школы в отличие от Серёжи. Он участвовал в конкурсах, в которых демонстрация сообразительности, ловкости и красноречия приравнивалась к успеху. (Состязания обычно были связаны с подвижными спортивными играми.) Серёжа не останавливался после первых побед. Он продолжал всюду успевать, получать грамоты, а я украдкой посматривал на него и временами жалел бывшего друга, так как не мог не заметить его нечеловеческой усталости и глубокой неуверенности в собственных силах. Серёжа упрямылся, когда ему делали редкие замечания по поводу плохого поведения. Учителя относились к нему благосклонно. Я заметил, как настойчиво из него лепили отличника. Когда Серёжа иногда расслаблялся, ходил сонным и ужасно отвечал на уроке, учителя неустанно хвалили его за усердные старания и сами пускались в объяснения темы. Они обходились несправедливо, почти обидно с другими учениками, знания которых ничем не отличались от знаний Серёжи. Меня редко, но искренне хвалили, также щедро упрекали в полной безынициативности и просили быть менее безучастным. Потом отстали, верно, поняли, что я никогда бы не пошёл добровольно на подобные изменения.

Мама целиком погрузилась в гадания и редко выходила из чёрной комнатухи. Мне приходилось отворять двери странным мордам, поить их чаем с молоком, угощать тру-

бочками со сгущёнкой и конфетами «Гранд тоффи». Некоторые клиенты, впрочем, не ели сладостей. Догадавшись, что у меня не было папы, они тотчас театрально ахали, брались за сердце, лопотали: «Бедный ребёночек, что за беда, какое несчастье» – и предлагали материальную помощь, от которой, естественно, я отказывался.

С мамой мы проводили ежемесячную генеральную уборку.

Рисуночек с огненным фениксом я убрал из кабинета и перенёс в свою комнату, где и повесил над кроватью.

Мы испытывали крайнюю нужду в деньгах, потому мама распродала папины книги по черчению, точным наукам и философии в твёрдых обложках.

Не зная, куда бежать от Теней, упорно преследующих меня на каждом шагу, я решился пойти им навстречу.

– Мы видим тебя насквозь, забавный мальчишка. Мы не знаем, отчего вы называете неизвестное место на планете краем света, но если ты попробуешь туда сбежать, мы и там тебя достанем. Нам скучно. Спроси уж лучше что-нибудь, не то мы рассердимся.

– Что вы за существа? И почему вы пришли именно ко мне?

– Любой человек имеет Теней, не думай, что ты особенный подросток. Это в историях все поголовно избранные и могущие спасти не только себя, но и человечество. Мы отдыхаем до тех пор, пока нас не вызывает Мать – главная жен-

щина Королевства, – и затем отправляемся к человеку. Всё предопределено, наше пробуждение также не случайно. Ты ведь стал бояться, сомневаться, горевать. Ну, погляди на нас, посмотри на наши бездонные рты, из которых бурным водопадом льётся чернота, вдохни запах! Чудесен наш горький запах, как вкус тех таблеток, которые ты пропиваешь во время болезни. (Но она лечит, а не калечит, наверное.) Мы не чувствуем ничего особенного и не знаем простых человеческих радостей. Где наш мозг, которым мы могли думать? Все мысли, которые есть в нас, исходят от Матери, она знает, что нам необходимо, и мы молчим. Людям же слов подавай! Любят заниматься болтологией. Мы растём с человеком, ждём, когда внутри него что-то сломается окончательно. Ты не представляешь, как Мать хочет расправиться с тобой.

– Я умру? Но я не хочу умирать! Хотя я и тоскую по папе... Вечно смотрю на феникса и думаю о нём. Феникс смотрит на меня, будто живой, иногда взмахивает крыльями, и я говорю с ним, представляя, что разговариваю с папой. Расскажите что-нибудь о Королевстве Теней и о Матери.

– Ты любопытный, мальчишка, нам нравится, что ты любопытный. Может быть, из тебя бы вышло что-нибудь толковое. Как думаешь, какая Мать? Ну, есть приблизительное представление?

– Мне кажется, что она страшная женщина и серьёзная, – сказал я, уткнувшись носом в дневник. – Я бы не хотел встре-

титься с ней. Моя мама и то будет попроще, а у неё, знаете, мозги набекрень.

– Ну ты и загнул! Она всего лишь с прибабахом. Раз уж мы говорим о Матери, то будем откровенными. Мы слышали от редких везунчиков с других Королевств подробности жизни великих Матерей, а в некоторых случаях Отцов. Ты не докапывайся, что о нашей ни черта не знаем. Дело в том, что везде они практически одинаковые, только означают разные чувства, сильные переживания и так далее. Есть Королевства, которыми правят Тени, но это весьма тяжёлый случай. Как бы выразиться легче, чтобы ты понял...

Тени металась по потолку, проходя часто сквозь затейливую белоснежную люстру.

– Выразитесь, как вам удобно. Я не глупый.

– В тебе нет ни капли глупости, но говорить о Матери без веской причины просто невозможно. Мы тебе не друзья.

Тени оскалились в озорной ухмылке и как будто бы расстроились, когда я переключил внимание на учебники.

– Задохнёмся рядом с тобой в скуке смертной. Ложись же и слушай.

Я развалился на кровати поверх одеяла, прикрыв глаза.

– Что ж, вернее будет, если и мы попарим. Вот так... Мать вековое безграничное чувство, по-другому зовущееся Скорбь. Как правительнице, ей полагается трон из тёмно-бурого мориона, где она может перебирать камни и рыдать безутешными кровавыми слезами. Мы относимся к ней с ува-

жением и любовью, и она уверенно руководит нами.

Мы – Уныние. Мы – Печаль. Мы – Ненависть. Мы – Страх. В том смысле, что мы эмоции. Мы бываем маленькими, но ужасно вредными, как насекомые, которых ты прихлопываешь, когда они тебя особенно достают. И мы растём с тобой, достигаем невероятных размеров! Мы укрепляемся в тебе, взамен ты отдаёшь душу, а мы разрываем её медленно на части и после передаём Матери. Такая вот схема.

Я перешёл на пол и произнёс неравнодушно:

– Чего повторяетесь?

– Для нагнетания, вероятно. Тебе совсем не интересно узнать о себе?

– Конечно, интересно. Но Скорбь не способна убивать. Да, я плачу и тоскую, но не более того. Кстати, почему я больше не дружу с Серёжей? Он сделался плохим, очень плохим! Вечно гуляет с никудышными друзьями, вертится, встречается, словно он пуп земли! Вы связаны с ним?

– Нет же, мальчишка, у него могли быть собственные Тени, если бы он не старался обогнать время. Мать безразлична, когда говорит о нём. Он, по всей вероятности, не привлекает её вовсе. Мы видим, что Сергей невероятно подвижный и пытливый мальчик, но его выводы рассуждений всегда остаются поверхностными, убедительными для его окружения и прочих. Ты боишься выступать с докладами, читать стихи, но почему?

– Мы же не друзья, – произнёс я с неуверенной улыбкой. –

Кто мы тогда?

– Мы – часть тебя, забавный мальчишка, а это до жути преважно. Отвечая нам, ты остаёшься честным перед самим собой.

Я с неестественной радостью рассмеялся им в ответ. Тени завертелись кругом в чёрном вихре.

Свободное время я посвящал чтению, а в седьмом классе, когда к нам перешла новая ученица, Алина Чернова, высокая худощавая девочка с застенчивым румянцем, пристрастился к рисованию.

Алина тяготела к холмистым фантастическим пейзажам и писала натюрморты.

Я наблюдал за ней, а она редко, но любопытно посматривала на меня, складывала аккуратные руки, и вместе мы взволнованно переглядывались с загадочным блеском в глазах, заметно робея друг перед другом.

После осенних каникул, на которых я решительно пробовал изобразить её портрет, она показала неуверенно любимые работы. Она смущённо вынула из рюкзака альбом с горным водопадом и бегло залистала его.

– Мальчики говорят, что ты неплохо рисуешь, – произнесла Алина полушёпотом, поднеся лист с вьющимся зелёным виноградом к моему лицу. – Только взгляни на него и скажи честно, красиво? Он правда красивый, как я думаю?

Я встал из-за парты и, побродив медленно вокруг картин-

ки с блестящими ягодами, налившимися сахаром, взглянул мельком на Серёжу, повторяющего «Ангела» Лермонтова. Он сминал нервно клетчатый листок и шикал на друзей, если они громко хохотали. Алина же непрерывно следила за мной.

– Нормально, но мне не хватает цвета. Что ты сделала с фоном? Взяла и измазала его краской, как копотью. Почему тогда от него не исходит дымок? Постаралась, но загубила почти всё, что было! Виноград красивый, свежий, как настоящий. Так бы и скушал его с косточками.

Алина заметно смутилась моей прямолинейности. Я виновато покраснел и, слегка запинаясь, протараторил:

– Нет, прости, я просто люблю покритиковать! Фон твой... фон чудесный!

– Ты хочешь меня обмануть или что?

– Конечно же, нет. Но мне трудно оценить твои старания. Ведь ты очень старалась? Вот, особенно с этой ягодкой. – Я указал осторожно на виноградинку. – Сколько сил вложила в неё? Скорее признавайся, я тебя послушаю!

Алина трепетала от волнения, но всё же говорила уверенно, страшно гордясь талантом, который, как я успел заметить, имел для неё особое значение. Её круглый белый носик замечательно подёргивался, как у кролика. Она вся была, как пушистый добрый кролик.

– Я красила его карандашом, может быть, минут пятнадцать-двадцать. На весь виноград ушло часа три. Это так

много! Фон был скучным. Он бесполезен почти в любом моём рисунке.

– Так и не возись с ним. В чём проблема?

Я посмотрел остальные рисунки и отметил, что ваза из матового хрусталя и тенистая аллея, получились прекраснее, нежели ягоды. Алина сдержанно поблагодарила меня и добавила скромно:

– Художники, независимо от возраста, скрытны по своей природе. Но ты покажешь, что рисуешь? Удиви меня.

– Покажу, но после, как нарисую то, от чего мне самому не будет стыдно. Не стыдно мне только за феникса, но это так, старая работа.

– А зачем ты стыдишься? Таланта нельзя стыдиться, иначе он пропадёт. – Алину охватила нескрываемая грусть.

– Если он пропадёт, то будет намного проще.

Мы любили часами разговаривать. Особенно нам нравилось обсуждать картины известных живописцев.

Мама купила настоящий холст и масло, и я с неопишуемой радостью смешивал краски на пластиковой палитре. Алина надевала бархатную широкополую шляпу, керамические бусы, принесённые из дому, принимала нарочито грациозную позу. Писал я без улыбки, был серьёзен и нестерпимо скучен, как истинный творец. Алина же шутливо жаловалась на усталость, сильно капризничала и казалась настоящей моделью. Потом мы грызли сухари с изюмом и потягивали горячее молоко с густой пенкой. Алину от нас обыкновенно заби-

рал её отец, Пётр Денисович, строгий сутулый мужчина с лысой головой и серыми меланхоличными глазами, бегающими туда-сюда. Я вспоминал о папе и, рано ложась спать, размазывал слёзы, а когда быстро просыпался, то видел чересчур молчаливых Теней, единственным способом избавиться ненадолго от которых служило понятное и близкое сердцу занятие рисованием. Я не падал духом ради мамы.

Время нас всех рассудит, но только мало его у нас.

Каждый день забирает твои шансы.

Вместе мы можем много, а в одиночку совсем никак на Земле...

Миллиарды рук как одна. Нам есть, что терять.

Миллиарды рук как одна. Нам есть, что сказать.

Миллиарды рук. И нас всё равно больше чем тех, кто забыл о любви.

Миллиарды рук. Посмотри как нас много, протяни мне свою и возьми мою.

Миллиарды рук. Посмотри, ты не один.

Миллиарды рук. Вместе мы победим.

Миллиарды сердец все вместе скрепят свои миллиарды рук.

Музыкальная группа «MULTIPASS»

Никогда, никогда ни о чем не жалейте —

Поздно начали вы или рано ушли.

Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берет он из вашей души.
Никогда, никогда ни о чем не жалейте —
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы.

Андрей Дементьев

Часть вторая

Глава первая

ЕЖЕГОДНЫЙ КОНКУРС ДАРОВАНИЙ

Четвёртая школа была старой, почти древней. Здание обшарпанным фасадом было обращено к однотипным пятиэтажным домам, лишённым красоты, которую можно встретить в более многолюдных городах, где яркие домишки выделяются друг перед дружкой, но с ужасом ждут, когда их оттенки потускнеют, штукатурка потрескается и частично обвалится, а голуби останутся на крышах, чтобы вить гнёзда.

Миновав проволочный забор, мы проскакиваем через синюю арку, которая служит входом на пришкольную территорию, и видим детскую площадку и корт. (Он источает запах влажной резины и растоптанной листвы.) Слева же расстилается стадион; в холодные месяцы он заливается водой и превращается в каток.

Мы поднимаемся по ступеням (осторожно зимой, здесь

легко поскользнуться), растворяем огромные двери, залитые розовой краской. Входим в холл, стараясь не впустить много холода. Нас встречает здоровый, но лишённый всякой жизненной энергии охранник, у которого над верхней губой подрагивают седые густые усы. Редко приветствует он кого-либо, часто выходит закурить, слушает музыку, читает книги, которые хранятся под деревянным столом, и с негромким хлопаньем распивает чай. Обставлен этот холл диванами, обтянутыми бордовой кожей, чахлыми цветами и пальмами в пластиковых горшках, пол под ногами часто перемазан грязью, и если вы приверженец безупречной чистоты, то не поленитесь взять сменную обувь. Протискиваясь между взрослыми и детьми, мы робеем, когда нечаянно наступаем на чей-то ботинок, оставленный без присмотра, и, быстро шагая в гардероб, справляемся с суетливой толпой уже там, втайне надеясь поскорее оказаться в классе, где не так мощно гудит народ. В спешке взбираясь по лестнице, случайно нам удастся подсмотреть за чей-нибудь утренней ссорой, подслушать какой-либо шутливый разговор или же просто разузнать, что нового готовит день. В кабинете поспокойнее. Там мы не потонем в неразборчивом гомоне, а потому сумеем погрузиться в размышления, детально разглядим тёмную форму и круглые синие шевроны, которые носит лишь мизерная часть учеников, вскользь отметим чистоту парт, стульев, заблаговременно подготовимся к занятию и успеем за минуты две набросать шахматную доску в тетради.

По вторникам после второго урока девятые, десятые и одиннадцатые классы идут на линейку в огромный актовъ зал персикового цвета, с бумажными звёздами, подвешенными к потолку. Высокие окна, не скрытые тёмной красно-оранжевой занавесью, выходят на стадион.

Ежегодно осенью проводится творческий конкурс, принять участие в котором может любой желающий, чрезвычайно талантливый и неглупый, или заурядный, подающий смутные надежды, слабые, как мерцание тусклой свечи.

К десятому классу моя дружба с Алиной сделалась особенно нежной.

Она приглашала меня на бесплатные художественные выставки и не без усердия учила несложным техникам рисования акрилом, гуашью и пастелью.

Я неустанно слушал её советы и, при необходимости спрашивая подробные разъяснения, записывал важные моменты в аккуратную толстую тетрабочку, что бережно хранила записи с обширными комментариями и быстрыми рисуночками.

В иной раз я просматривал с осторожностью неразборчивые пометки, точно волнуясь их потерять. Тогда приходила неизменно жизнерадостная Алина, моя Виноградинка, и страхи на время таяли, как миражи.

Мы оставались после уроков, обменивались идеями. После я подыскивал новые книги в библиотеке, просил Алину

подождать и списывал домашнее задание. Она молча присаживалась за компьютер, редко оборачивалась, чего-то вдруг смущаясь, и шептала что-то смешное на ухо.

Осенью она попросила пойти вдвоём на конкурс. Я поначалу вовсе не думал появляться, но вскоре невольно поддался разыгравшемуся любопытству (этому поспособствовала, конечно же, Алина) и решил присутствовать на нём, но в качестве зрителя.

Вечером в актовом зале было тесно и неуютно, как в закрытой бочке. На высокой сцене с развешенными маленькими лампами проходила подготовка парного танца. Старшеклассницы настраивали аппаратуру; рядом был придвинут длинный стол для жюри. Под ступенями стояло школьное пианино из красного дерева.

Я отыскал Алину, подсел совершенно близко к ней, чуть не коснувшись пышного бархатного рукава, скрывающего розовое нежное плечо, душисто-сладкое, как весенний гиацинт. Отчего-то мне было робко, и я с трудом преодолевал смущение.

– Как я рада, что ты пришёл!

– Уж лучше бы отказался.

– Но ты ведь не отказался. Молодец! Иначе зачем нам то, чем мы, собственно, занимаемся? Сегодня такой светлый день! – проговорила она с неудержимым восторгом. – Я обязательно расскажу тебе, как проводится конкурс. Он очень хороший, вот увидишь. Будут выступать разные дети, но ты

не сердись, если увидишь бездарность, только не злись. Я знаю, как ты чересчур серьёзно подходишь к творчеству, но, поверь мне, даже лентяй бывает талантливым.

– Я и не думал никого судить. На это жюри есть. А мне это не интересно, Виноградинка. Я пришёл, чтобы посмотреть на детей, на танцы и песни, на тебя, – закончил я довольно тихо.

Алина, несколько удивившись, смущённо сказала:

– Ты что-то перепутал, я не участник. Я просто люблю наблюдать за всем, что происходит на конкурсах. Особенно меня умиляют самые маленькие детки. Они и сегодня пришли. Посмотри! – Алина указала ладонью на второй ряд слева, откуда высовывались пушистые, словно одуванчики, головы третьеклассников. – Они будут петь и одновременно танцевать. Здорово, не правда ли?

– Здорово, – охотно подтвердил я и добавил: – Когда же всё начнётся?

– Совсем скоро! Ты и глазом не успеешь моргнуть, как всё закончится. Расстроился, что я не выйду на сцену?

– Нет. Зачем расстраиваться из-за такого пустяка? – спросил я неискренне. – Ты рядышком. Это уже хорошо.

– Если я попробую поучаствовать, то у меня закружится голова. Свалюсь, всем праздник испорчу. К тому же, я привыкла к баночкам, кисточкам. Так что, я лучше посмотрю. И ты, пожалуйста, смотри не на меня, а на выступающих! – сказала Алина и нервно облизнула губы.

Она поспешила к лучшей подруге, которая пришла на конкурс с младшей сестрой, одетой в тугую балетную пачку. Как только они заговорили, меня чёрным плотным кольцом окружили заметно подросшие Тени.

– Так, что это у тебя, забавный мальчишка? Что ты забыл в школе? Занятия ведь давно кончились. А, всё нам ясно! Хотел впечатлить Алину и припёрся на этот маскарад, как дурак?

– Сами вы дураки. Мы поём, рисуем, пишем, танцуем, играем и веселимся, выпускаем на волю внутреннего ребёнка. Это называется конкурс. Участники показывают, на что они способны.

– Конкурс? Звучит забавно! Под стать забавному мальчишке, который никого не выпускает. Как выпустить ребёнка, если ты и есть ребёнок? Он там ожидает чего-то? И ребёнок такой же, как ты? Как-то глупо!

Тени страшно задумались и спрятались за стулом.

– Мы хотели бы с тобой откровенно поговорить. Мы понимаем, что ты упрямисься, стараешься бороться. Только сложно освободиться от Скорби, невыносимо тяжело нести нас на хрупких плечах. А ты несёшь на удивление удачно, держишься стойко и уже отыскал один неплохой метод. Рисование, кажется? Мать рыдала тридцать два часа подряд, когда узнала о твоей страсти к ярким цветам.

– Я не хочу ничего слышать о Матери, – сказал я не без отвращения. – Нельзя так долго плакать. Скажите, чтобы она

остановилась. И если бы я был сообразительным, то догадался сразу после вашего появления о пользе рисования. А так, возможно, вы имеете дело с глупым мальчишкой. Но даже сейчас я верю вам отчасти. Может, это из-за папы или карт. Ай, будь они неладны! Отвалите!

Тени раздражённо зашептались:

– Мать идёт за тобой.

Они бесследно делись в никуда.

Алина наговорила с подругой и, заметив жюри, входившее в зал, пересела проворно ко мне, заправив за уши прямые русые волосы.

– Гляди, вот и они. Они и в прошлом году судили. Но теперь ты не закроешь мне рот, всё расскажу о них! Как видишь, их мало, всего трое (что такое, их же было четверо!). Знаешь, кто сидит по центру?

– Нет.

– Очень умная женщина, между прочим, раз к её мнению так серьёзно прислушиваются другие. Любовь обожает музыку и музыкантов, так как они напоминают ей о муже. Я слышала от близкой приятельницы, учащейся в музыкальной школе, что он преподаёт им уроки. Неплохо играет на виолончели. Ты любишь музыку, Паша? Я люблю слушать всякую, лишь бы красивую. Она поднимает мне настроение.

– Если она хорошая, – проговорил я бодро, – и пробуждает эмоции. И только, чтобы была со смыслом. Модная же глупая и нелепая, как клоунский наряд.

– Справа, как я знаю, сидит Андрей Веточкин, весь строящий из себя непризнанного эксперта. Он часто подпирает кулаком подбородок и пристально наблюдает за выступающими. Не знаю, как кому, а мне он жутко не нравится. Есть во взгляде его что-то хитрое и недоброе. Может, так только кажется. Я не знаю.

– Кто слева?

В зале уже полыхал гранатовый закат, когда было всё подготовлено к конкурсу, и к микрофону подошла низкая девушка с взбитыми каштановыми локонами, обрамляющими улыбочное лицо.

– Я немного знаю про неё. Знаю, что зовут Дашей. О, мы пропустили мимо ушей, как объявляют жюри, это я виновата!

– Даже, если ты промолчишь (хотя это невозможно), я не стану никого слушать до первого выступления.

– Это хорошо, что тебе почти всё равно. Даша обращает внимание на певиц, именно на девочек. Как думаешь, Паша, если бы я пела, она заметила бы меня?

Я призадумался маленько и решительно произнёс:

– Но у тебя нет голоса. Зачем ты ей нужна?

– Какой ты вредный! Ответил хотя бы из приличия, что заметила. – Алина обиженно отвернулась. – Да, наверное, ты прав. Ладно, пусть.

Когда пропела первая участница, Алина, казалось, хлопала громче всех. После выхода третьеклассников в зелёных

жилетах с пуговицами, она и вовсе подскочила неожиданно на стул, восторженно выкрикивая: «Молодцы! Так держать!» Я пробовал успокоить её и тянул настойчиво за руку, но она отчаянно отмахивалась, искренне веселясь дебютному выходу.

Алина была удивительной, она открыто восхищалась людьми. Мне было радостно смотреть в её глубокие счастливые глаза.

– Как мы успели заметить, ты очень доволен сегодня. Так дело не пойдёт! Решил, будто мы слабые и ничего не умеем? Ты напрасно недооцениваешь нас, забавный мальчишка. Мы, конечно, не Мать, но и у нас есть сила. Она разрушительная, и сейчас мы её покажем во всей красе. Пришло время выйти на сцену.

Я пытался отогнать Теней, тихо бормотал. Алина хмурилась обеспокоенно.

Я никогда не говорил о мучительном недуге, и она сердилась, когда я не был с ней предельно честен.

– Что случилось? Ты будто хочешь прогнать комара.

– Ага, здоровый попался.

– Там не комар. Я бы расслышала его жужжание, – сказала Алина и огорчённо выдохнула. – Впрочем, это твоя проблема. Хотя и мне бывает страшно, когда ты машешься и говоришь с кем-то. Я не знаю, чем ты болеешь.

– В общем-то, ничем.

Передо мной сгустился удушливый туман. Я смутно видел

одну Алину, позади которой судорожно метались Тени. Голова разболелась сильнее, чем когда я однажды столкнулся с тревожными картинками.

– Ты не ходил к врачу?

– Нет же. Если человек увидит то, чего не видно остальным, его сразу же посчитают сумасшедшим.

– Я не говорила об этом.

– Зато утверждала, что я чем-то болею.

– Ну, скажи ей как-нибудь о нас, забавный мальчишка!

Тени проходили через живот, безумно хохоча, но хохот их звучал вдалеке, как чей-то тихий душераздирающий плач.

В сердце вселилась тревога, когда Мать сошла с трона. Она заглянула в настёжь раскрытое окно, показав жёлтый костлявый череп, просвечивающийся сквозь высохшие лохмотья кожи. Тени непрерывно гудели, как рой злых пчёл. Голоса Алины совсем не было слышно.

Я чуть не потерял сознание, на мгновение вгляделся в сумеречную пелену, что донесла до меня невнятный, еле различимый, короткий звук. Он привлек моё рассеянное внимание. Я прислушался к тихой музыке, доносившейся из липкой занавеси тумана, и ощутил странное покалывание в ослабших пальцах, во всём теле, охваченном крупной дрожью.

Алина побелела, прикоснулось ко мне в замешательстве. Позади неё виднелась Мать в длинном рваном балахоне, волочащемся с комьями грязи по полу. Она быстро приближа-

лась с каким-то шаром и наводила на меня страх.

– У тебя пошла кровь. Давай уйдём отсюда? Я не хочу, чтобы ты страдал.

– Нет, почти... Всё... Почти не больно!..

Я бессильно откинулся на спинку и заметил уродливые очертания бумажных звёзд, изгибающихся крутыми дугами. Они резко оторвались от потолка и посыпались вместе с бледными пластами краски на головы.

– Наклонись, – произнесла Алина.

– Не поможет.

– Попробуй!

Тени расступились перед Матерью, все разом с торжественным благоговением поклонились ей и тотчас приникли к стульям в страхе перед музыкой. Она полилась убедительнее и громче, чем звучала раньше. Мать угрожающе взмахнула костлявыми руками, закачалась туда-сюда, точно гигантский маятник, и понеслась вперёд бешеным смерчем. Тени следовали беспрекословно за нею и раскрывали широко рты.

– Поберегись, – прошептал я еле слышно.

Алина обернулась и, ничего, естественно, не увидев, только пригнулась. Я крепко притянул её за плечо, и мы залезли под чёрные кожаные сидения.

Она спросила встревоженно:

– Пашенька, что с тобой? Мы так испортим всем настроение. На нас уже косятся.

– Притаимся, – сказал я. – Это ненадолго.

В воздухе повисла тишина. Мать уже крутилась поблизости и дышала холодом.

– Вижу тебя, человек. Какой ты тёплый, человек! Паша!

Я рассмотрел её вытянутый ухмыляющийся череп, кроваво-красные зрачки и застыл беспомощно, сжав скользкую ножку стула, которую также обхватывала плотно Алина.

Вдруг слух приятно заворожила музыка. Она заполонила собой весь размытый актёрский зал и вселила в меня необыкновенную безмятежность. Ободранные звёзды ожили, замигали весело, как приветливые огоньки, и вновь неподвижно зависли над нами.

Мать закричала истошно, вывернулась, точно толстый подземный червяк. Её балахон исчез вместе с нею в зеленоватом шаре, исходящем грозowymi сполохами. Тени убежали через окно.

Я поднялся без слов, не смотря на изумлённую Алину. Одарил благодарным взглядом неизвестного музыканта, который сидел за неплотной стеной и играл на старом пианино. Он легонько трогал клавиши, и я гордился его тонкими послушными пальцами, талантливыми руками.

Мне хотелось опуститься на колени и разрыдаться беззвучно по-детски. Игра полностью разогнала туман.

Когда рассудок прояснился, и я различил мягкое выражение лица пианиста, светящегося от удовольствия, Алина взяла меня бережно за рукав.

– Присядь. Тебе уже легче? – спросила она заботливо.

– Да. Теперь точно.

– Кровь остановилась?

– Кажется, но я не уверен, – проговорил я и вытер нос, губы и подбородок. Рот обволакивал солёный привкус металла. В ушах до сих пор слышался глубокий хриплый вздох Матери.

– Ты немного запачкал одежду. Что случилось? Из-за чего мы прятались?

– Забудь обо всём. Я уйду, но после того, как он закончит играть, и мы познакомимся.

Алина обратилась осторожно, ласково поглаживая мою ладонь:

– Ты пойдёшь к медсестре? Я провожу тебя.

– Я не пойду к ней. И не уговаривай даже! Во всяком случае, она сейчас не работает.

– Зачем тебе новенький? Ты не знал ведь, что он новенький, правда?

– Не знал. Я мало кого знаю.

– Он учится в одиннадцатом классе. Не помню, какая буква. – Она поспешила отодвинуться и облокотилась на подлокотник.

Я глядел с облегчением на своего спасителя и улыбался непонимающе.

«Как он сумел прогнать Теней музыкой? Она обладает чудесным свойством, плохо влияющим на Мать? Или же его

самого достают Тени? Они говорили, что я не один такой. Тогда мне стоит для начала поблагодарить парня лично», — думал я, искренне переживая.

По окончании конкурса жюри объявило победителя. Им оказалась превосходно поющая девочка с сиреневым бантом, повязанным вокруг головы. Второе и третье места заняли дружный коллектив одуванчиков и ловкий фокусник, выступавший с игровыми картами и лакированной шляпой. Победителям вручили памятные подарки, после пригласили выйти на сцену, чтобы сделать общую фотографию.

Я оставил расстроенную Алину с подругой, которая успокаивала сестру.

Кое-как я успел догнать пианиста, вышедшего из зала.

Это был кареглазый парень лет семнадцати, невысокого роста, не внушительного, но достаточно крепкого телосложения. Лицо с мягкими чертами не изменяло добродушного и мечтательного выражения, присущего маленькому ребёнку, любопытно осматривающему мир. Кожа его была бежевой, слегка золотистой, почти солнечной. Позднее выяснил, что Марк Снежкин (так звали моего нового приятеля) учился в тридцать седьмой школе. После переезда у него ухудшились оценки, и он был вынужден не вскоре перейти к нам по непонятной причине на последнем году обучения.

При первом разговоре с ним я испытывал неловкость.

Он же наоборот был спокоен и не зажат. Мы сели на диванчик, кратко представились друг другу.

– Ты был достоин первого места.

– Не думаю, – проговорил он и улыбнулся притворно. – Дети так старались. Не хочу никого обидеть.

– Они все очень талантливые.

– Я впервые играл на людях. Так необычно!

– Сам сочиняешь музыку? Что ты играл?

– Нет, я не умею сам, – сказал Марк. – А играл я «Divenire» Людовико Эйнауди. Слышал о таком композиторе? Он очень известный, поэтому, наверное, ты понимаешь, о ком идёт речь.

– Увы, я о нём не знаю.

Алина окликнула меня с нетерпением, придерживая за руку развеселившуюся подругу:

– Ты не пойдёшь с нами? Нам очень хочется пойти вместе!

– Сегодня нет.

– А, ты уже познакомился с новеньким мальчиком? – спросила она, изогнув пунцовые губки в ухмылке. – И как он? О чём говорите?

– Только начали о музыке.

– Ну а как же! – улыбнулась Алина и зашептала возбуждённо с подругой.

Дарина была девушкой удивительно красивой и восторженной.

Мне нравились её картины с мифическими персонажами. Ей часто удавались бледнолицые рогатые единороги, окутанные волшебством, покрытые чешуёй тролли, русалки, ужас-

ные монстры с рыбьими хвостами, переливающимися разноцветным перламутром, и всякие другие существа из сказок, легенд и мифов. У меня никогда не получалось рисовать ничего, кроме природы вместе с её силой и безусловной простотой.

Сестра цепко схватила Алину за крошечные пальцы, и она немного взбодрилась.

– Устала? Я тоже. Ладно, Паша, пока, до завтра, – выговорила она медленно и пошла следом за Дариной.

Я повернулся к Марку и прервал его неспешных мыслей ход. Он посмотрел на меня открытыми, ребячьими глазами.

– Я ничего не слышал о Эйнауди. Мне знакомы мелодии Бетховена, Моцарта, Шуберта, Шопена, но я их не люблю. Я люблю рок, металл, симфонический в том числе. А ты давно музыкант?

– Лет восемь точно занимаюсь. Но я совсем не музыкант.

– Почему?

– Я занимаюсь, если у меня хорошее настроение. А музыкант обязан учиться играть всегда.

– Ой, да ну!

– Так зачем же ты подошёл ко мне? Я видел тебя на предпоследнем ряду с подружкой.

– Для того, чтобы похвалить. Разве не очевидно?

Марк вытащил телефон из рюкзака и застрочил кому-то сообщение. Его тёмный взгляд был задумчивым.

– Я никогда не ходил на школьные конкурсы. Мне попро-

сту было не до них. Алина любит таскаться со мной по выставкам, но я всё равно предпочитаю сидеть дома и рисовать. Никакого шума и возни. А почему ты никогда не выступал?

– Родители не позволяли. Они говорят что, если я буду стараться для нетребовательной публики, то погублю свой талант. Сегодня я убедился, что это не так. И ты подошёл. Всё для меня в новинку. Может, это судьба. Ты веришь в судьбу? Я верю в неё, но я не совершенный фаталист.

– Судьба-злодейка.

Марк отвлёкся от сообщения.

Он указал на пятнышко, темневшее зловеще на мятом воротнике.

– У тебя кровь на рубашке?

– Мне было плохо.

– Так вот, почему вы залезли под стулья, – сказал Марк. – А то я не знал, что с вами. Решил, что вы странные.

– Очень трудно объяснить. Странности украшают.

Я улыбнулся одной из своих невольных улыбок, и Марк поднялся с диванчика.

– Мне пора.

– Ты далеко живёшь? – спросил я с любопытством.

– О, да. Очень далеко. На Ирисовой улице возле тёмного леса в деревянном домике. Меня обычно мама забирает потому, что она не работает.

Когда Марк отошёл на несколько шагов, я окликнул его робко, и он обернулся, взмахнув ладонью.

– Спасибо за музыку! – крикнул я, преисполненный новым неведомым чувством.

Он довольно улыбнулся.

Я намеревался с помощью игры на пианино навсегда избавиться от Теней и Матери и взялся немедленно продумать план по сближению с доброжелательным пианистом.

Глава вторая

В БИБЛИОТЕКЕ

Ночью я долго ворочался и не мог уснуть. Мне не давали покоя воспоминания о сладкой музыке, после которой гнетущая тревога обернулась непоколебимым спокойствием.

Я заходил в комнату к маме и слушал мелодию её мерного дыхания. Иногда она чмокала губами и перекатывалась сонно набок, так что размётанные волосы спадали прямо на выпуклый морщинистый лоб. Когда я выпил горячего чая с лимоном, то лёг в постель, обнял с умилением дымчатого потрёпанного кота и погрузился в тихие сновидения.

Следующим днём в столовой Алина показала незаконченный рисунок бурой росوماхи, затаившейся под вывороченными корнями. Я сдержанно похвалил её, она убрала альбом в рюкзак.

– Ты всё думаешь, думаешь. Голова когда отдыхает?

– Никогда. Пусть работает, а то что, зря ношу с собой?

– Ага. Не мучайся, Паша, расскажи мне! Я умею держать секреты. А ведь у тебя есть какой-то секрет, – заныла она

противно.

Я не любил, когда она вела себя подобным образом.

– Для тебя, по крайней мере, у меня нет ни одного секрета.

Угадай, о чём я думаю.

– Наверное, о вчерашнем конкурсе?

– Очень близко.

– Тебя задела музыка Снежкина? – спросила Алина и, мягко улыбнувшись, пожевала крабовый салат, затем откусила половину горячего пирожка с картошкой и грибами. Кушать она безумно любила.

– Я бы не сказал, что она задела меня. Да кого я обманываю? Меня всего трясёт!

Алина вытерла рот белой салфеткой.

– Ты не в себе, – спокойно констатировала она. – Во всём виноват тот дурацкий припадок. Если бы не он...

– Это потому что я не перехвалил тебя, как обычно?

– Нет! – твёрдо произнесла Алина.

Я был уверен в том, что ей искренне нравилась щедрая похвала. Алина, несомненно, заслуживала её, ведь она была очень трудолюбивой и умной.

– Я поговорил с Марком. Мне, на самом деле, жаль его. Родители не разрешали выступать ему перед людьми.

– Но почему?

– Думали, что так он станет хуже играть. Я хочу с ним подружиться. Ты поддержишь меня?

– Чтобы он играл тебе музыку? – спросила Алина. – Ри-

сование, значит, тебе больше не по душе?

– Рисование – вся моя жизнь! – Мне была по душе жизнь, кроме, конечно, некоторых её беспокойных и раздражительных явлений. – Но я бы с радостью приобщился к музыке. Она красивая! Особенно в исполнении Снежкина.

Алина покачала головой и, наскоро пообедав, вылетела на крыльях молча из столовой.

В половину второго закончились уроки, и я спустился в библиотеку. Ольга Николаевна проверяла самостоятельные работы девятого «А» класса и ставила отметки красной ручкой. На меня нахлынула знакомая тоска острой ностальгии. Бывало, я располагался за овальным столом с тетрадью и учебником по математике и переписывал тайком решения контрольных задач, подсказанных Алиной. С переходом в десятый класс мне сделалось ещё труднее учиться. Алгебру и геометрию у нас преподавала другая учительница, которую я тотчас же невзлюбил. Как мне казалось, она была несправедливой, потому что прекрасно обходилась с Серёжей, позволяя тому ужасно учиться, и с некоторыми усердными учениками, которые, впрочем, занимались почти блестяще. Я видел, как Серёжа записывал карандашом ответы на упражнения перед уроками, и корил его за это.

Однажды мне послышалось, как он произнёс уверенно и гордо, что нет ничего страшного в неправде. «Может быть, он отчасти прав? Нет, он ошибается! Ложь, как гниющий фрукт, который не пригоден для еды. Серёжа, как тебе при-

ходит на ум кормить окружение испорченными апельсинами? Где твои свежие апельсиновые конфеты? Да, и дети мы все разные, но почему к нам не относятся на равных? Учителя, в особенности нелюбимые, относятся предельно необъективно к нам, и мы проявляем абсолютную субъективность, ничем не отличаясь от них. А если изменить восприятие, что тогда?» – думалось мне как-то мучительно на уроках. Не отыскав ответы на вопросы, я увлёкся литературой и русским языком. Они были всяко интереснее путаницы с объективностью и субъективностью.

Я заскочил тихо в книгохранилище и прошёлся оценивающим взглядом по рядам. В руки мне неслучайно попала повесть Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» в мягком переплёте. Я уже давно откладывал её прочтение. Алина прочитала книгу от корки до корки и поделилась своим мнением, отметила, что она очень красивая, тёплая и летняя, самое то для подростков. Я доверял её читательскому вкусу и, сев на низкий табурет между полок, ещё не покрытых слоем пыли, углубился в повесть, ёрзая от нетерпения.

Через двадцать три страницы, кажется, меня отвлекла девочка с золотистыми косами. Это была Милена, главная забияка второго «В» класса. Она забежала в хранилище и стала кидаться разноцветными браслетами из тонких резинок.

Я успел остановить её, когда она уронила небрежно с десятков старых книг, требующих особой осторожности.

Вошла Ольга Николаевна. Она выгнала девочку и попро-

сила перенести часть старых учебников в кладовку возле кабинета английского языка на третьем этаже. Я скоро навёл порядок (собрал и вложил на место выпавшие жёлтые страницы) и, раскрыв дверь, потянулся к свету, люющемуся из растворённого окна, откуда веяло чистым мягким воздухом.

В библиотеке меня подждал Снежкин.

Я подхватил стопку учебников, и мы вместе шагнули в пустынный коридор, весь грязно-зелёный от чахлых монстер, драцен и алоэ в ящиках, набитых песком и камнями.

– Уже освоился?

– Нет, но я люблю книги. У вас небольшая библиотека. И очень уютная, – оценил Марк. – Я слышал крики. Это ты кричал? Ты очень громко кричишь.

– Пришлось. Дети ни черта не понимают. Им бы поноситься как угорелым, а их держат за партами.

Он рассмеялся коротко и звонко. Я в недоумении изогнул бровь.

– Возможно, ей не с кем веселиться. Я тоже бешусь, когда никто не хочет со мной играть.

– А во что ты играешь?

– Во всякое. Обожаю прятаться.

– Хорошо, в прятки. Старая детская игра. Одна из любимых, – сказал я с теплотой в груди и громко расчихался из-за пыли. – А что ты читаешь?

– А если я ничего не читаю?

– Так не бывает. Раз говоришь, что любишь книги.

– Я люблю их рассматривать, листать хрупкие страницы и чувствовать, как бы издалека, – сказал непонятно Марк.

Он привёл меня в замешательство. Я срочно попросил объяснить, что он имел в виду.

– Ну, слушай, когда я хочу прочесть какой-нибудь рассказ, но у меня его нет в печатном издании, то часто представляю книгу и тот момент, как она попадёт наконец мне в руки. А когда она есть, я не хочу больше читать рассказ. Я откладываю книгу в сторону и люблюсь часами ею с полки. Наверное, глупо тратиться впустую. Но я не считаю это глупым. Мне нравится пополнять домашнюю библиотеку, но не для чтения как такового, а ради вида и чувства того, что я имею рядом с собой нечто приятное и великое. Как человек, который ухаживает за садом, но не рвёт цветы.

Марк выронил на лестнице потёртый учебник по молекулярной биологии. Я подобрал его и положил в свою стопку. Поначалу меня восхитил подробный образ чужой мысли.

– А с музыкой у тебя похожая ситуация?

– С музыкой иначе.

– А с чем ещё по-другому?

– Ни с чем. Я не сравниваю музыку, потому что она особенная для меня.

Мы оставили учебники в неубранном углу, где разбежались нити кружева паутины. Потом спустились вниз и отдохнули возле пианино с глиняным горшком лиловых фиалок. Ольга Николаевна закончила проверять тетради и вышла из

библиотеки. Я разлёгся на диванчике и продолжил чтение «Вина из одуванчиков».

Марк со скуки предложил послушать музыку. Я, конечно же, согласился, только теперь без страха и волнения за собственную жизнь. Тени не появлялись целые сутки.

– Она одна из лучших. Надеюсь, тебе понравится. Тебе не может не понравиться!

Марк играл на пианино с лучающимися глазами. Отложив книгу, я глядел в потолок, думая о маме.

Она продала по низкой цене любимую коллекцию книг с толкованиями предсказаний и оставила лишь две колоды древних карт. Я представлял, как ей было грустно расставаться с дорогими душе предметами. В следующий четверг мы должны были отнести в ломбард витую золотую цепочку, подаренную папой на годовщину медной свадьбы.

Голос Марка внезапно зазвенел в тишине. Покой мне только снился.

– Ну, как?

– Да, нравится.

– Всего-то?

– Кажется, я немного отвлёкся, – признался я виновато.

– На что? Хорошо, неважно. Я не в обиде. Зато размялся, – проговорил он огорчённо.

Я всё равно поблагодарил его за игру. Мы попрощались, когда вернулась Ольга Николаевна. Всё же, я сильно обидел Снежкина.

По прошествии шести игр на пианино Марк почти привык к моему обществу. Я был достаточно пытлив и любил задавать вопросы. Мы ежедневно посещали библиотеку, находили там изрядно обшарпанные книги и, утопая в густом ковре, читали с выражением по абзацу под бледной лампой. Марк читал невдумчиво на животе и, передавая томик мне, поворачивался на широкую спину и размётывал нелепо руки. Набросанные угольным карандашом и пастелью рисунки, которые я приносил, доставляли ему несказанное удовольствие. Он прищуривался, вертел листы и озадаченно рассматривал их, как видный живописец, обладающий солидным опытом. Радость творчества тесно сблизила нас.

Глава третья

ВДОХНОВЛЁННЫЕ КЛАВИШАМИ

Впервые я навестил Снежкина на осенних каникулах. Я познакомил его с мамой, как закончилась первая четверть, и она, к удивлению, оказав радушный приём гостю, вскоре пустила меня к нему на целый день.

Дом, в котором жил Марк, выросал одиноко на отшибе коттеджного посёлка. С одной стороны проходил извилистый путь к добротным бревенчатым домам, а с другой темнел бескрайний лес с его разнообразными обитателями. Он был особенно сумрачен и глух в ноябре, когда с деревьев осыпались сочные краски, и торчащие травы поникли под серым безликим небом.

Мне представился случай пообщаться с родителями Снежкина.

Отец его был человеком необычайно серьёзным и любезным. Сергей показал собрание рукописных сочинений на древнегреческом языке и коллекцию быстроходных кораблей, выставленных на всеобщее обозрение по закупоренным бутылкам. Он сыпал беспрерывно устаревшими терминами, а я кивал энергично, любуясь полотняными треугольными парусами.

(Что же это за корабли без пиратов и награбленного золота?)

Несколько раз я упомянул Чёрное море, на котором отдыхал в детстве.

Я купался подолгу с мамой, в то время как папа жарил мясо на берегу. Насыщенный запах костра, чеснока и красного перца доносился до прозрачной воды. Папа готовил изумительно, как шеф-повар.

Сергей любопытствовал и намеренно смущал меня странными вопросами. Я спросил, почему он настойчиво интересуется моим прошлым. Он ответил, что бывает чересчур назойливым и бестактным, но только потому, что беспокоится за сына. Я понимал его отцовские чувства и, конечно же, принимал их.

Мы обедали ровно в двенадцать. Марк отчего-то избегал разговоров и казался скрытнее, чем обычно. Когда его мать сварила кофе с сахаром, он вышел из-за стола и уединился

в своей комнате.

– Что с ним?

– Наверное, плохое настроение. Оно у него легко портится, – сказала Татьяна и убрала тёмные кудри с лица.

– У меня тоже. Он на вас злится?

– Да не за что! Если только не обиделся на какую-нибудь мелочь.

– А вы давно живёте в посёлке? – спросил я, сменив резко тему.

– Два с лишком года. Марк не хотел переезжать. Он мечтал остаться в городе, чтобы не расставаться со школьными друзьями.

– Покажусь вам сейчас невежливым, но зачем вы переехали? – спросил я и выпил нелюбимый горячий кофе. Мне совершенно не хотелось расстраивать хозяйку.

– Серёжа ушёл с работы. К тому же, мы всегда хотели купить дом, да вот только не предоставлялось удобного случая, – сказала Татьяна и сняла опрятный передничек с карманом.

– У вас, наверное, была интересная профессия?

– Я был юристом, – ответил Сергей. – В работе я нашёл призвание, разъезжал всюду. Учился, правда, без передышки, но это было ожидаемо с самого начала.

– Надеюсь, Маркуша отыщет своё место, – проговорила Татьяна.

– И ушли вы, наверное, потому что осознали, как ошиб-

лись?

Сергей хмыкнул, а я занервничал. Неизвестно, что мог сделать со мной этот крупный мужчина с рубцами под закатанными рукавами и с белым шрамом, уродливо пересекающим покатый лоб, если бы рядом не была приземистая и хорошенькая Татьяна, чья улыбка действовала успокаивающе на усталые нервы. Марк поразительно походил на неё. Сыновья довольно часто напоминают матерей как внешним видом, так и характером.

– Ты прав, я начал с чистого листа. Бывали, конечно, проблемы, но у кого их нет, а?

– Понимаю, что для вас я чужой, и не имею права затрагивать личные темы... Просто вы хорошие люди. И мне нравится Марк.

Татьяна допила кофе.

– Он чуткий и застенчивый мальчик, – сказала она с нежностью.

Её безграничная нежность согрела меня.

Я больше не говорил с недоверчивым Сергеем и общался только с Татьяной.

К трём часам они уехали в город. Я отдыхал в просторной гостиной и слышал, как тоскливо завывал ветер. Из окна доносилось глухое ворчание леса, но я намеренно притворялся, что не замечаю его, и наслаждался музыкой по памяти. После я ушёл исследовать дом, остановился на душном чердаке с плохо заколоченным круглым оконцем, которое выходило

на задний двор. Я перебрал громоздкие коробки, обмотанные скотчем, и поиграл с деревянной лошадью со стёртыми копытами, которые были золотыми.

Марк отправился за мной и сказал, что написал короткую мелодию. Мы заторопились вниз по длинной лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– Ты не отвернёшься? – спросил он, когда сел за чёрное раскрытое пианино.

Я был перед ним на синем табурете с каретной стяжкой.

– А что так?

– Я боюсь, что сгорблюсь, а мне нельзя, – ответил Марк.

– Тебе это мешает?

– Иначе я плохо сыграю, – произнёс он еле слышно. Раскидистые ветви елей скрипели по стеклу. – Не знаю, как играть для одного слушателя. В библиотеке были школьники и Ольга Николаевна. Я привык к ним.

– Тогда я сделаю, как ты просишь. Уже отвернулся.

Он прикоснулся к клавишам, и у меня быстро хлынули блаженные слёзы. Я плакал без прерывистых всхлипов, казалось, целую вечность, бледнея и краснея от простодушной откровенности Снежкина, густая тень которого бесшумно двигалась по виноградным узорам вышитого ковра. Меня опьянила полнота непривычных головокружительных ощущений. Я прикрыл лицо ладонями и обмяк на табурете, точно тряпичная кукла.

Бессонные тучи отяжелели. В укромном садике с камен-

ной дорожкой и с обломанной низкорослой яблоней захлестал дождь. Я был не прочь освежиться под ним.

Марк закончил мелодию и потянулся к моему напряжённому плечу. Я сердито оттолкнул его узловатой лапой, чтобы он не видел, как глубоко растрогал меня. Он вздохнул с досадой.

– Родители не запрещали ничего. Дело в пианино. Оно опасно для меня и моей жизни. А я пустой, я не могу жить без него.

– О чём ты?

– Понимаешь, все мои предки, которые придумывали музыку, погибали по неочевидным причинам. И смерть наступала после того, как они становились известными. Пусть даже в узких кругах. Прадед задохнулся, когда дул в кларнет, его старшего брата проткнули его же скрипичным смычком. У бабушки остановилось сердце возле рояля после выступления на первом домашнем концерте. Сердце у неё было абсолютно здоровым. Я не верю в проклятия. Мне кажется, что их не существует. Но что делать, если это правда? Я уехал с конкурса, но сказал маме, что готовил со всеми кабинет ко дню рождения классной. Хорошо, что она не звонила Ирине Петровне и не поздравляла её. А не то бы кранты!

– Ты очень серьёзно рассказываешь. Остановись, – проговорил я и, отняв руки, сцепил на них пальцы. – Проклятие, проклятие.

– Но я не хочу никаких проклятий.

– Да кто их хочет?

– У меня есть одна мечта.

– О чём ты мечтаешь?

– Я настоящий мечтатель, – сказал Марк с гордостью. – И я мечтаю о том, чтобы исцелять людей своей музыкой. Не смейся надо мной.

– Мне совсем не смешно.

– Почему ты не поворачиваешься? Улыбаешься, считаешь меня глупым? Если так, то я обижусь. Представляешь, я написал маленький отрывок, а уже хвастаюсь перед тобой. Наверное, это неправильно.

Я обернулся. Сердце у меня ныло. Марк, удивившись, отпрянул назад.

– Что... ты плакал? Что случилось?

– Ничего. Мне грустно и тепло.

– Бедняжка, – прошептал он сдавленно.

– Вот, что делает твоя музыка. А ты ещё почему-то не уверен в себе.

Марк выпрямил руки и рассеянно уставился на них. Они чудились ему странными, чужими.

– Существуют позитивные практики. Музыка залечивает душевные раны. Не знаю точно, как она действует на тело. Не затянется же порез быстрее от мелодии. Если бы я спасал людей, то был бы по-настоящему счастлив.

– Как же проклятие?

– Да в том-то и дело. Если я умру, то кого смогу спасти?

А ведь я люблю, когда люди улыбаются.

– Ты справишься, – сказал я и улыбнулся дружески.

– Ты сделал это специально?

– Я сделал это нарочно. Почему же у вас стоит пианино на самом видном месте? Родители бы его давно убрали.

– Я попросил оставить, потому что мне его жалко. Сказал, что не стану упражняться.

– Но ты продолжаешь играть?

– Когда их не бывает дома, очень редко. Кстати!.. Подожди минутку.

Марк скрылся на втором этаже, а я подвинулся вплотную к инструменту и попробовал сыграть.

Пианино издавало ряд нестройных звуков, и я ничего путного не мог с ним поделать.

Марк принёс разноцветные полные тетради и спросил ласково:

– Хочешь научиться?

– Я просто баловался. Мне уже нельзя побаловаться?

– Можно, конечно. Какое у тебя было выражение!

– А что с ним было?

– Да так, ничего угрюмого. Чисто детское любопытство.

Марк положил тетради на корявую тумбу, подошёл к пианино и начал нежно касаться белоснежных клавиш. Он показал, куда мне можно нажимать. Я присоединился к нему, и мы достойно проиграли вдвоём грустную плавную мелодию, во всех смыслах совершенную. Марк прекрасно знал ноты,

хотя и был самоучкой.

– Ха-ха-ха! – засмеялся он одобрительно.

– Я ничто в музыке.

– По крайней мере, ты забавное ничто. Мне нравится, что ты открыт к экспериментам и пробуешься в чём-то новом.

– Кажется, меня и самого это радует. Покажи тетради.

Он с упоением рассказал о не до конца сочинённой музыке. Я пришёл к однозначному выводу по поводу его серьёзного увлечения и сказал шёпотом, уверенный в словах, как никогда прежде:

– Ты будешь исцелять людей.

Глава четвёртая

ЗИМА

В середине декабря уроки физкультуры стали проходить на большом катке, расстлавшемся за школой. Мы с Алиной любили скользить на льду в фигурных коньках и ловить вязаными рукавицами серебристые снежинки. Перед выходом на мороз я плотно кутался большим шарфом, чтобы изрядно не продрогнуть. Марк страшился льда и всех весёлых забав, которые были связаны с катанием. Пока жгучий ветер обдавал наши красные довольные лица, он присаживался на дощатую скамейку, вынесенную из зала, и скучал, стряхивая с плеч искрящийся снежок. Он дружески говорил с учителем, когда тот присоединялся к нему и ужасно смущался, что не умел ездить по катку.

Алина с отцом уехали в субботу на хоккейную базу.

В тот же день я гостил у Марка, хлебал горячий травяной чай с душистым абрикосовым вареньем. Пар исходил от пузатой чашки лёгкими бледными полосами.

Тени летали вокруг пианино и громко шептались.

– Так ты хочешь научиться?

Марк произнёс в напряжении, сковавшем тело:

– Очень. Но как?

– Это не тяжело. Пойдём.

Он поставил цветастый чайник на столешницу возле мыльной мойки и вновь сел на стульчик, обтянутый мягкой тканью. Вода мерно текла из крана редкими блестящими каплями.

– Сейчас? Как? Мне ещё чашечки мыть.

– Да оставь ты чашки! Не успеешь, что ли? Ты лучше скажи, умеешь стоять на льду?

– Кажется, но я не уверен.

– Вот, уже половина дела.

Во мне огнём разгорелось настойчивое желание научить его чувствовать лёд. Я уклонился от единственной неугомной Тени, вырвавшейся из плотной толпы собратьев, и хлопнул сердито рукой.

Тень страшно разгневалась, подлетела к полупустому столу. Она попробовала опрокинуть неполную тёплую чашку на колени, но пережила неудачу и разразилась беззвучным криком. Он болезненно резанул мне слух.

Я вышел в прихожую за курткой и оттуда воскликнул с восторгом Марку:

– А потом сыграем в снежки! Ты любишь снег?

– Если только он не слишком рыхлый!

Мы утепились и, надев коньки, вышли во двор на мелкий искусственный каток.

Ясные голубые облачка плыли неспешно по тихому прозрачному океану неба. Стояло не палящее ласковое солнце. Наружу неподвижно лежавшего снега, будто алмазной пыли, выглядывала цепь крашенных шин.

Я выбрался на лёд и, оттолкнувшись ногами, покатился к невысокому ограждению в виде мохнатой пышной ели. Достиг её, носом вонзившись в иглу, и тотчас обернулся испуганно к затихшему Марку. Никак не решаясь сделать шаг навстречу, он трогал бесцельно чёрную шапочку.

– Ну же, подойди! Только не стой.

– Мне страшно, так страшно!

– Чего тебе бояться? Ты боишься, что окоченеешь? Но на тебе тёплая одежда!

– Холод меня не пугает. Я боюсь, что упаду. Я точно покачнусь, распластаюсь, как не знаю что, – сознался он застенчиво и опустил на колесо, точно пришибленный.

Я плавно подкатил к нему и, слегка наклонившись, добродушно усмехнулся.

– Ты так говоришь, будто я не боялся упасть. Ещё как боялся! Я плакал, хотя мне это очень не нравилось. Слезы ли-

лись градом. Папа был усердный, учил меня. Он верил, что страх и беспомощность можно победить, если раздумывать вслух о любви. Рассказывать о вещах и людях, которые нравятся. Я думал о любви к дикой природе и нетронутому снегу. Этот белый искрящийся снег надолго занял мои мысли. А что же любишь ты? – спросил я терпеливо.

Марк поднялся, и мы медленно, неуверенно зашли на лёд.

– Я люблю музыку, чёрно-белые иллюстрации и булочки с корицей, – ответил он рассеянно. – Мама выпекает классные пироги, булки и кексы.

– Какая твоя мама?

– Заботливая, хозяйственная. Бывало, стоит возле духовки в аккуратном переднике, завязанном поверх старого платья, а пока доходит первая партия, коротает время за кулинарным журнальчиком. Я зайду на кухню, полную насыщенных запахов, нет-нет, да и схвачу сырого вязкого теста в рот. Мама ещё давала облизывать венчик, когда взбивала крем на торт, с маслом, со сметаной или сгущёнкой. Я подбегал к ней, показывал всякие рисунки, цветные картинки на коробках с пазлами и целовал её мягкие щёки.

– Моя мама никогда не пекла торт.

Я держал Марка за руку, и он шёл без всякой осторожности по льду. Этого-то я поначалу и желал добиться. Вдруг он повеселел и от волнения сильно покраснелся.

– Пожалуйста, попроси её. Она не откажется.

– Ей некогда возиться со мной.

– Ну что ты! Со мной она была открытой и дружелюбной.

Ты, наверное, не говоришь с ней по душам.

– На что мне её душа?

Марк поскользнулся и, схватившись за меня судорожно, повалил нас обоих на лёд. Больно ударившись, я закрыл глаза, чтобы их нестерпимо не ослепляло солнце, позднее скрывшееся за рваной тучей. «Я правда с ней мало общаюсь. Почему она такая никудышная мама? Её не бывает рядом. Я совершенно точно не люблю её. И она не любит, так как мы разные. У неё карты, и она к ним прочно привязана», – заблуждался я искренне, не расставаясь с тихой грустью.

Марк хлопнул шумно по моему плечу.

– Цел? – спросил он безмерно жалостливым голосом. – Ничего не сломал?

– Синяк останется, но это не смертельно. Жить буду.

– Мы с тобой всё же рухнули. В прошлой школе надо мной смеялись, если я падал, – упомянул он вскользь болезную тему и устремил трепетный взгляд на лес. – Ты не отправишься гулять? Я хочу пойти гулять. Сегодня очень сухо и тепло.

– Только снимем коньки и напьёмся чая.

– Хорошо, что я не вымыл чашечки.

После непродолжительного отдыха мы надели удобную обувь и поторопились в лес.

Кружились со звонким щебетом яркие белощёкие синицы. Между высокими раскидистыми елями путались заячьи следы. Совалась из уютного дупла, выскакивала и бегала по

крепким ветвям пугливая, но очень любопытная белка. Изредка на белом вспыхивал зловеще лисий хвост.

Вдруг с кустов повалился пух снега, и к нам выбралась куропатка, облачённая в коричневый наряд. Она вытаращила тёмные глупые глаза и, взъерошив перья на боку и хвосте, убежала испуганно прочь за деревья. Мы погнались за ней, слышно поскрипывая синим снежком. Куропатка вскоре привела нас к неглубокому извилистому ручью, через который было перекинута толстое тяжёлое бревно. Марк первым пересёк быструю воду и, оказавшись на другой стороне, слепил колючий снежок. Он бросил его небрежно в меня, когда я перебрался через ручей и с восхищением окинул глазом сказочный пейзаж, тонущий в лёгких отчётливых звуках. Я уворачивался от крупных снежков и прятался за елями под громадными сугробами. Марк незаметно близко подкрался и швырнул снежок в моё белое мокрое лицо. Я выкарабкался из-под сугроба, более не служащего мне защитой, и, энергично отряхнувшись от комьев снега, поглядел беззлобно на Марка и великолепно почувствовал себя, когда его губы тронула светящаяся улыбка.

Он подошёл к ручью, снял шерстяные перчатки и, зачерпнув ладонями чистой воды, жадно выпил её.

– Попробуй. Она вкусная!

– Меня не мучает жажда.

Скоро я всё же выпил немного ледяной воды, и мы пошли дальше. Марк спросил о папе.

– Сочувствую тебе. Что же произошло?

– Жизнь богаче и неизмеримо тяжелее смерти, ты так не считаешь? Я уверен в этом. Папа ехал на дело. Спросишь, что за дело? Так я тебе отвечу. Это всё его нудная и монотонная, как по мне, работа. Изготовление чертежей, всяких деталей и прочих мелочей, предусмотренных к сборке. Я знаю, что он был за рулём. Он не пил. Столкнулся с другой машиной по чистой случайности. Мама видела его израненным, еле живым в больнице, куда его доставили. Я тогда не интересовался, кто был вторым водителем.

– А теперь выяснил? – спросил Марк.

Меня захлестнула волна гнева, и я повысил голос:

– Если бы!.. Если бы я только нашёл!

– Ты искал?

– Спрашиваешь! В интернете не было ни одной статьи об аварии, произошедшей в октябре двух тысяча двенадцатого года. Ни одной слабой зацепочки, представляешь? А мама как объяснит? Она считает, что меня нельзя посвящать в подробности, не может назвать даже фамилии. Конечно, меня это не устраивает! Какой-то придурок до сих пор на свободе гуляет, а папа мой... папу-то не вернуть. Как будто его не было в моей жизни, будто воспоминания о нём всего лишь иллюзия...

– Эх, лучше бы я молчал, правда.

– Всё в порядке. Мне приятно, что тебе не всё равно.

Ручей сделался практически незаметным.

Марк остановился под старой елью, снег внизу которой был густо усыпан сухими тонкими веточками.

– Ты чего?

– Да так, задумался.

Лёгкие наполнял ледяной воздух. Я накинул поспешно глубокий меховой капюшон и встал спиной к ветру, издающему жуткий, душераздирающий свист.

Марк спросил взволнованно:

– А каким был твой папа при жизни? Я знаю, что он учил тебя кататься.

– Он много чему учил меня.

– Вы ходили в лес?

– По лесам мы не гуляли.

– Разве тебе они не нравятся? – спросил Марк с небывалым удивлением.

– Нравятся, только я боялся смертельно встречи с медведем. В мультиках они часто бывают весёлыми, обаятельными, не то что в реальности. Как-то мы с папой смотрели передачу, в которой показали, как бурый медведь валит здорового лося. Он громко рычал, раздирал жертву когтями и тыкался в окровавленную тушу. Мне тогда вдруг стало так жутко, что я отказался идти на выходных в зоопарк, потому что боялся увидеть чудовище вместо сонного мишки, гуляющего по вольеру вразвалочку. К тому же, кроме катка у нас были другие развлечения. Кино по субботам, летний сбор красивого гербария и рисование при помощи ша-

риковой ручки. Папа так хорошо рисовал, что я всегда завидовал ему (это он потом увлёк меня рисованием). Он учил меня логически мыслить, решать задачки. Господи, как мы настрадались оба из-за проклятой таблицы умножения! Он был очень добрым, строгим, конечно, и что уж тут греха таить, временами вспыльчивым. Я тоже вспыльчивый временами.

– Заметил.

Марк задрожал от холода и, сняв промокшие перчатки, спрятал руки по карманам

– Пойдём домой.

– Я не замёрз, – ответил он. – Тебе не холодно?

– Очень холодно.

Ветер не утихал. Он налетал стремительно на землю яростными порывами и нёс по ней, взметая куда-то вверх, острые снежинки и зелёные иглы.

Мой взгляд был затуманен, и я не мог разглядеть сквозь бурю течение быстрого ручья. Я шёл медленными решительными шагами и держал рукой спадающий капюшон. Ноги проваливались в наметённые чёрные сугробы, и я злился на свирепствующую мглу вьюги, которая смыкала резко губы. В смазанных хлопьях утопали остроконечные силуэты елей, за ними вырастали необъятные громады гор, а ещё дальше, за тучами, возвышающимися над землёй, за небосклоном, удивительно ясным, тёмно-сиреневым, сверкали вспышки первых робких звёзд.

Марк тащился без оглядки, всё больше отдаляясь. Я ускорился, сильно встряхнул его за равнодушные плечи, и он, точно очнувшись от глубокого сна, побрёл неуклюже вперёд, пригибаясь к серебряному месиву. Он был бледный как смерть. Его круглые изумлённые от чего-то глаза поразили меня. Я ненадолго растерялся, от усталости чуть ли не упал в бурно вздымающийся снег. Я закричал что есть силы на тускло пробивающееся солнце, и крик мой показался мне до ужаса непривычным. Солнце хранило неловкое молчание. Я дотянулся рукой до Марка, и мы заковыляли к брезжившему просвету. Он привёл нас вскоре к ветхому дому с обтрёпанной крышей, украшенной куском заснеженного конька.

Я поднялся по лестнице и стукнул слабо в дверь. Тогда, не обнаружив признаков жизни, я шагнул первым в полутёмную комнату с закрытыми окнами и тотчас же скатился на пол. Марк плотно затворил дверь и, спотыкаясь, заходил взад-вперёд. Он трещал беспрерывно досками и ощупывал в лихорадочном нетерпении размытые предметы, пока не остановился за самодельным абажуром с бахромой.

– Но мы были рядом, как же так? Ненавижу выюгу!

– Ты пока найди, чем можно согреться, – проговорил я и дрожащими пальцами вытащил телефон. – Вот, держи фонарик. Проверим заодно, как дела с сетью.

– Хорошо. Я быстро.

Он распахивал ящики и дёргал в отчаянии за шкафы, всё переходил к новым тумбам и проверял их содержимое, пока

не прошмыгнул на второй этаж.

Вконец продрогший, я пересел на облезлый диван, где сжался в комок и загляделся на стёкла, разрисованные ажурными узорами.

Марк вернулся с телефоном и толстым клетчатым одеялом, что пестрело неровными заплатками.

– Оно лежало на кровати. Хозяева, надеюсь, не рассердятся на нас.

– Их, кажется, не бывает зимой, – прошептал я еле слышно. – Еды же нет?

– Не-а. Там одни пустые бутылки, банки и картонные коробки. Сети нет.

– Мы не можем позвонить.

– Что делать, Паша? – спросил он растерянно.

– Давай подождём. Накрой скорее, а не то я окочурюсь!

Мы закутались покрепче одеялом.

Незримые иглы стали вонзаться в значительно потеплевшие пальцы, я маленько согрелся.

– Наверху стоит лампа. Здесь одна такая же есть. У нас всего один фонарик.

– Ты тщательно всё осмотрел?

– Да. Мы не останемся здесь надолго, это точно, – проговорил решительно Марк. – Родители будут тревожиться, если мы не вернёмся к вечеру. Не стоило нам уходить так далеко. Ой, не стоило!

– Ты никогда не был в этом доме?

– Куда там? Я даже за ручей не ходил. Мне было скучно одному любоваться им, – признался он и положил усталую голову на спинку дивана. – Не играл так весело в снежки. А я их обожаю!

– Потому что у тебя фамилия снежная, вот ты и любишь снежки. Дом, кстати, как из сказки о чародейке.

– Откуда знаешь о ней?

– От мамы. Видишь ли, мы были когда-то дружными, болтали о том о сём. А впрочем, неважно...

Задремал и проснулся, когда за окном сгустилась могильная, сырая темень. Вьюга бушевала за хлипкими стенами, и ледяной сквозняк проникал в щели двери. За печью скакал сверчок, от голода не затихающий.

Я встал с дивана бесшумно, чтобы не побеспокоить Марка, и с фонариком шагнул к подвесным шкафам с витыми ручками. Раскрыл все по порядку, проверил и убедился окончательно, что они абсолютно пусты.

– Зачем вы пошли в бурю? Хотел умереть раньше, чтобы мы не добрались?

– Мы гуляли, глупые вы Тени! Но что вам известно о прогулках?

Отвернувшись от льющейся с потолка черноты, я прошёл к узкой лестнице, ведущей в хозяйскую спальню.

– Многого нам знать необязательно. Вы так беззаботно резвились, что мы не могли сдержать смеха. Жаль, что похотать всё же не удалось, иначе получилось бы громко.

– Это оттого, что вы нелюди, – проговорил я уныло и скрючился на дощатой ступеньке. – Мать ужасна. Я никогда не забуду, как она взглянула на меня красными глазами. Почему бы вам не послушаться её и не исчезнуть далеко-далеко? Например, отправиться на курорт, в смысле на отдых.

– Тебе, мальчишка, легче сказать об исчезновении, чем нам сейчас же испариться. Мы произошли от тебя, не забыл, кажется? Да и какой там отдых, не бывает его у нас... Твой друг замечательно играет. Он вырастет пианистом, ведь так? Ох, опасная музыка! Не убийственная, естественно, иначе бы случилась беда. Хе-хе-хе... несомненно, большая, огромная беда!

Тени сгустились возле незатейливых перил.

– Рано говорить, что он мне друг. Он слепо доверяет, и я им пользуюсь, хотя и не хочу злоупотреблять его добротой. Если он не уничтожит вас музыкой, то я уйду от него, и мне не будет стыдно. Он мой последний шанс.

– Так проявляется твоя эгоистичная натура. Прав, что не берёшь во внимание чувства Марка. Что взять с наивного парнишки? Одни клавиши и глупости в сердце, да ненасытное желание утолить честолюбие. Такие люди не доведут до добра. Они не знают жизни, смотрят на мир через розовые очки, а затем разочаровываются, когда понимают, что им не по зубам собственные таланты. Совпадения, малейшие, но жестокие указывают на смертельный исход. Марку пора остановиться, у него мягкий, медовый характер, не справит-

ся. Мы же большие и сильные. Ты заметил, как в тебе закрепились прочно Скорбь? И ещё, скажи другу, чтобы играл только для себя, иначе рано или поздно музыка доведёт его до отчаяния.

– Ага, бегу и падаю, волосы назад.

– Зря смеёшься.

Я поднялся, хотел уже было забраться под одеяло, но услышал незнакомые шаги.

Марк раскрыл глаза и опустил тихо на пол. Он с невероятной стремительностью перебежал через тёмную комнату. Раздался жалобный высокий скрип, когда я подвинулся ненамного влево от него и включил фонарик.

– Хозяин?

– Не знаю. В таком случае, где вода и еда? Одно одеяльце и то, всё истрёпанное, как невесть что.

– Может быть, купил припасов?

Дверь открылась. Почудилось, что за порогом стояла широкоплечая женщина, вся укрытая в снегу. Она горбилась, тарасила зарёванные, выпуклые, как у рыбы глаза, но ликовавала.

Решив, что меня посетила Мать, я в испуге рванул на второй этаж, перескакивая через непомерно широкие ступеньки. Они всё не кончались, и я думал, что скоро споткнусь и упаду на долгой лестнице, пока не показалась крохотная комната с керосиновой лампой около кровати. Вблизи я рассмотрел, как к ней на тонкой паутине спускался тёмный по-

движный паук, и застыл в углу, задержав дыхание. Неизвестно, сколько я томился в ожидании какого-нибудь явственно-го звука.

Примчался Марк. Нисколько не запыхавшийся, с мрачным лицом, полным непонимания, он забрал фонарик. Моё тело трепетало от ужаса.

– Чего чудишь?

– Там женщина... Женщина очень древняя, как... Нет, не иди туда, прошу, не ходи! Не надо! – твердил я беспрерывно. – Она там? Она сейчас поднимется, сейчас поднимется и вытащит! Нам не спрятаться! Давай бежать? Через окно, я открою!

– Куда прыгать собрался? Убиться хочешь? Тебе это просто привиделось. Выюга очень жуткая, правда, мне самому не по себе от мысли, что кто-то скрывается в ней, – запнулся Марк. – Тебе привиделось, всё привиделось.

– Да ну!

– Я покажу тебе владельца дома.

– Это не она?

– Он никакая не женщина, а охотник.

– Что с его одеждой?

– Ты имеешь в виду, выглядит ли он подозрительно? Нет, не выглядит. И одет сносно.

Марк вышел из комнаты, и я последовал за ним с поразительным рвением.

Внизу уже горел желтоватый свет. На диванчике с заса-

ленной обивкой устроился крупный седой мужчина с весьма внушительными неряшливыми усами и мясистыми щеками, алыми от холода. Он чистил длинное ружьё, шумно дышал, как после изнурительной погони. Марк представил меня человеку и я, к своему глубокому счастью, не увидел в нём безобразной Матери. Анатолий снял плотную верхнюю одежду из звериной шкуры, валенки с резиновой подошвой и прислонил ружьё к креслу с изогнутыми подлокотниками. Он прошёл к комодам, раскрыл один из них и предложил заморить червячка.

Анатолий вынул мясные консервы, а к ним нож с деревянной ручкой. Откупорив жестяные банки и оставив их на складном столе, он отлучился в спальню, чтобы достать из закровов бутылку пива.

– Всякие бродят.

– У вас крали продукты? – спросил я с едва уловимой усмешкой.

– Забрали зимние сапоги, коробок спичек, прихватили добротную шапку. Тут и парочка оставляла записку, мол, так и так, холодрыга снаружи, извините, что слякоть развели, выхлестали водку и забрались в постель с грязными носками. Поэтому я спрятал многое, жратву за мусорное ведро. Вот, оставил одеяло. Оно жалкое, впрочем. Если кому полезно, пускай укрываются на здоровье.

Мы приступили к консервам. Анатолий с удовольствием залпом опустошил половину пива.

– Выюга успокаивается. Вы далеко зашли. Зима красивая, прямо-таки королевна сезонов.

– Она замечательна, – вставил реплику Марк. – Вы так гостеприимны.

– Я гостеприимен, если ко мне приходят порядочные гости. Если хотите, выведу к ручью.

– Выведите, пожалуйста, – попросил Марк.

– А на кого вы охотитесь? – спросил я в замешательстве. – В лесу водятся лисы.

– Отстреливаю тетеревов, зайцев. Реже попадаются косули, норки и волки. Волки очень опасные, их труднее добывать. Жестокости, по сути, не вытворяю. Добр ко всем без разбору и никого не мучаю, в отличие от браконьеров и прочих живодёров. Секрет в том, чтобы не позволять эмоциям брать вверх над собой. Когда выхожу в лес, моя голова сразу делается холодной, а сердце бьётся неспешно. Оно подсказывает, куда двигаться дальше. Я чувствую, что занимаюсь важным делом, когда слежу за пугливым русаком или другим зверем. Трофеи всегда отдаю жене, дочкам.

– Не встречал добрых охотников. Такие бывают? – спросил я, смотря на стену с уродливой картиной цветочной грядки.

– Не злой уж точно. Посмотрите, какой я пир вам устроил! – сказал Анатолий и изогнул толстые губы.

Окончился нехитрый поздний ужин. За окном окончательно притих ветер.

Сытые и расслабленные, мы выскользнули на крыльцо и пустились через сугробы. Анатолий выискивал еле различимые тропки и подсказывал, как безопаснее ходить по льду, затерянному в белой синеве. Я останавливался ненадолго и, поднимая голову, ловил взглядом бледный серп луны, что виднелся сквозь гибкие, мерно вибрировавшие ветви. Марк указал на плотные облака, походящие на рога старой лани. Он чрезвычайно обрадовался развитой внимательности и стал видеть в небе больше интересных фигур.

В ночи мерещились пугающие шорохи. Я прогонял смутные видения, всеми силами старался не поддаваться разыгравшемуся воображению.

Устав от облаков, Марк запел знакомую рождественскую песню. Неохота ему было терпеть кислое молчание Анатолия.

Выйдя к журчащему ручью, мы простились с охотником.

Глава пятая

НОВОГОДНИЕ ЗАБОТЫ И ТОСКА

Весёлая прогулка не прошла без последствий. Марк подхватил сильнейшую простуду.

Перед тем, как мы с Алиной собрались навестить его, я серьёзно поссорился с Серёжей и сцепился с ним в драке.

Всё началось с того, что я сердито огрызнулся, когда Серёжа обругал меня за хамское поведение при учительнице по физике, которая вместо пятёрки за лабораторную рабо-

ту поставила тройку, но с настойчивостью уверяла, что не могла допустить ошибку, и отказывалась исправлять оценку. Классная поверила охотнее Серёже, нежели мне. Опозорившись, я пожаловался Теням. Они выслушали меня, как и Алина, которая посоветовала остудить горячую голову, но я её не послушался.

Совершенно злой, обиженный до глубины души, как тогда, в девять лет, я заручился поддержкой Теней и поставил бывшему другу фиолетовый синяк на полное плечо. Он протяжно выл, будто побитый зверь, и, потерпев поражение (впрочем, как и я, потому что мы оба пострадали в равной степени), отполз к компании друзей с раскатистыми голосами. Они кричали, махали энергично руками и жгучей ненавистью питали тёмных существ.

Увидев меня, Марк спросил с непонятной грустью:

– Откуда ссадина? Ты поранился?

– Я подрался.

– Снова Серёжа?

– Снова мы. Он часто хитрит, льстит, выкручивается и этим самым раздражает меня. Я же бываю колючим и злым и не контролирую себя.

– Вы оба друг друга стоите.

Марк лежал неподвижно в кровати, завёрнутый канареечным одеялом, среди мятых пёстрых подушек.

Он облизывал запёкшиеся губы в радостном предвкушении предстоящего разговора. Я откинул угол простыни и сел

рядом. Алина пристроила стул к изножью кровати.

Марк мягко зашелестел одеялом и доброй, кроткой улыбкой вселил в меня душевное спокойствие.

– Обидно, что я заболел. Я хотел пойти с вами на ёлку, её уже как пять дней назад открыли. Слышали, оттуда будет виден самый красивый фейерверк в городе?

– Я видела новости, – сказала Алина и взглянула на меня с нежным румянцем. – Мы пойдём же? Там заработает большая ярмарка, и мы успеем прокатиться с ледовой горки, выпить горячий шоколад, съесть по медовому кексу и зажечь бенгальские огни. Мне нравится, что они ярко сверкают. А тебе?

– Наверное. Но я бы взял и маму, чтобы она развеялась.

Я смутился чистых томных глаз Алины и заиграл с нашими разомкнутыми пальцами. Марк украдкой подмигнул в выражении озорной весёлости.

– Дурак, – прошептал я ему.

– Что с вами, мальчики? – спросила зажмурившаяся от удовольствия Алина. – Не ссорьтесь. Я этого не допущу. – Она подошла, заботливо погладила приятеля по влажному лбу и сразу присела на место. – У тебя температура?

– Да.

– Держится с самого утра?

– В семь часов была тридцать восемь и три. Сейчас понизилась, но у меня болит горло. Можно я помолчу, а вы расскажете, что случилось, к примеру, в школе?

Марк поправил ворох подушек, устроился поудобнее.

– Ты огорчишься, когда узнаешь, сколько у нас длятся ка-
никулы. Всего двенадцать дней! К тому же, у вас проходят
консультации, да? И ты, конечно, идёшь на них, как самый
прилежный ученик? Скоро ЕГЭ, все дела.

Он кивнул быстро с долей смущения.

– Будь здоров только, – добавила Алина.

– Ты открывал электронный журнал? Слава богу, мы сво-
бодны от домашней работы, и нам не задали читать. Я так не
люблю читать, когда просят! Зато много свободного време-
ни остаётся. Так, а что же мы говорим о школе? Давайте о
приятном. Как обычно празднуете Новый год? – спросил я и
тут же осёкся, когда Марк раздвинул губы, и в спальне раз-
дался его хриплый слабый голос. – В общем, если вы будете
украшать стол, мы с Алиной поможем расставить столовые
приборы. Я позову маму и покажу, чему научился. Я непло-
хо готовлю салаты и запеканки. Чего ты шутишь? Само со-
бой, что я опытный кулинар.

Алина от своей же шутки расхохоталась до слёз. Она бы-
ла удивительно красивой и уютной в мешковатом свите-
ре с приколотым металлическим значком в виде радужного
сердца, в классических чёрных брюках, которые отличались
строгой простотой. Я переполнялся неподдельной любовью
и подрагивал от переизбытка смешанных, неизведанных до
этого чувств. У меня вдруг возникло страстное желание по-
целовать Алину.

Я потянул её за податливую ладонь, и она наклонилась с доверием ко мне. Мы клюнули друг друга легко носами, заметили одобрительный кивок Марка, и я впервые неловко чмокнул подругу в лоб при мягком свете ночника со звёздами, окружающими светлую комнату. Мне не хватает слов, чтобы достоверно описать прелестную идиллию, то краткое счастливое мгновение, которое мы прожили с робким и радостным трепетом, чтобы затем наградить друг друга неравнодушным взглядом. Алина пожалала крепко мою руку и сказала:

– Если что, приготовлю бутерброды. Ну, и подучусь у кулинаров само собой. Не вините потом, что пол будет весь липкий.

– Об этом не переживай.

Алина рассказала о ежегодной ярмарке, где выпекали вкусные яблочные штрудели с курагой и черносливом.

Она расходилась по комнате, от одного высокого книжного шкафа к другому. Её глаза поблёскивали от возбуждения.

– Вы знаете, что подарите родителям? – спросил негромко Марк. – Я уже всё решил.

– И что надумал?

– Папе, конечно, книгу о памятниках природы. Он летал в Африку, Индию, Грецию, один раз даже на Филиппины. Он говорил, что возьмёт нас с мамой в кругосветное путешествие, когда я окончу институт. Поэтому я стараюсь так. Маме, возможно, что-нибудь в сад. Она любит отдыхать на

заднем дворе. Я буду сидеть вместе с ней, и мы как всегда заговорим о комарах и сладких снах, которые бывают у нас только летом, – закончил Марк и согнулся в сухом долгом кашле.

– А я не знаю, что подарю. На листовках прилично не работаешь.

Алина успокоилась и встала к окну, за которым трепетало рыже-серое тельце. Клётс окончил песню и перелетел на яблоню, а после скрылся в снегу пушистой берёзы.

– Когда денег нет, приходится дарить рисунки. Напишу маму в бытовом жанре.

– А что вы мне готовите? – спросил с лёгкой улыбкой Марк. – Или это большой сюрприз? Ну, подайте намёк, чтобы я хоть немного понял.

Я думал купить для него красочный альбом с портретами известных музыкантов. У меня хранились некоторые сбережения, с позволения мамы, оставшиеся от продажи золотой цепочки, которые, в любом случае, обязаны были пойти на благое дело. Я предлагал Алине поделить их поровну, но она отказалась и через неделю приступила к работе. Мы ходили с нею там, куда обыкновенно стекал народ, и я помогал подруге, не смотря на утомительно-ощутимые неудобства, с которыми сталкивался потому, что был нелюдим и замкнут по натуре.

Пётр Денисович при каждой встрече выказывал благодарность за чуткое отношение к дочери.

Он настойчиво просил присматривать за ней и втайне страдал, когда она поздно возвращалась и не притрагивалась к горячему ужину.

– Нет уж, – насмешливо хмыкнула Алина. – Мы не делаем общий подарок. Каждый по отдельности. Любишь музыку, так? Значит, жди чего-то, связанного именно с ней.

– Так и быть, я попробую пересилить любопытство.

К часам шести мы покинули Снежкиных и поехали в центр, чтобы разнести новую связку рекламных листовок.

Тридцать первого числа я пригласил маму на ярмарку, и она согласилась прогуляться по торговым палаткам. Мы встретили Алину возле тихого фонтана, в который наудачу бросали монеты. Порозовевшая подруга шла в короткой шубке между теснившихся лотков с яблоками, виноградом и грушами в карамели, печеньем в глазури из белого шоколада и всевозможными видами сидра и угощала ежеминутно кедровыми орехами, которые купила у назойливого продавца с полным мешком жареных семечек.

Отблеск полыхающих огней ледовой горки озарял катающихся в смешливом настроении.

Я приобнял маму за талию. Она повернулась с измятым лицом к ледянкам и, коснувшись легко моей головы, нерешительно отстранилась.

– Что стоишь и скучаешь, когда все веселятся?

– Это ты покатайся. Не разочаровывай Алину.

– Чем я её разочарую? Вон, как она уплетает сладости за

обе щеки и носится! Сейчас ей здорово. Я возьму тебе крепкий чай.

– Мне не хочется чая, – заворчала мама.

– А что? Пирожное с воздушным кремом? Они разлетаются, как горячие пирожки. Пирожки, кстати, очень неплохие. Есть с капустой, с мясом и рисом и с вишней.

– Я люблю сытные пирожки, но не сегодня. Мне бы поговорить с Алиной.

Тревога обрушилась на меня непомерной тяжестью.

– Для чего?

– Это простой девчачий разговор. Боюсь, не поймёшь. Ты толстокож с ней.

– Я не развлекаю её, как другие парни. Что мне прыгать и бегать на задних лапках? Она мне очень нравится, но я не стану навязываться. Просто так не объяснить.

– Кажется, кто-то повзрослел?

– Если бы. В душе я всё такой же ребёнок.

Мама окликнула вполголоса Алину, и она радостно подбежала к нам.

Мерцали электрические фонари.

– Пройдёмся до ледяных фигур? Там продаются печенья с пожеланиями.

– А как же Паша?

– Он останется, – отрезала мама.

Она наклонилась к Алине, чтобы неторопливо оправить её бледно-голубой шарф.

С моста дунул свежий ветер, ласково треплющий кудри, осыпанные лёгким снежком. И сияли долгие, долгие звёзды, которые служили болезненным напоминанием прошлого.

Охваченный беспричинным унынием, я купил ледянку, чтобы скатиться с горки, окружённой густой толпой. Я беззвучно скользил по гладкому льду и в конечном итоге остался один на пустой площадке. Казалось, исчезли визжащие дети. Стих гомон.

В наступившей тишине плясали Тени. Не оставляла меня их чернота, глубокая, как тихий омут.

Алина вернулась с мамой в мрачном расположении духа.

Она упрямо молчала, когда я нарочно часто приставал, и угрожающе шипела, если мои руки обхватывали в шутку её напряжённую спину.

– Паша, не надо! Не надо, говорю тебе! – чуть ли не всхлипывая, умоляла Алина. – Зачем шутишь? Неужели не видишь, что я не хочу?

– Мама тебя разозлила?

– Нет.

– Ты была страшно весёлой, а теперь сердишься, щёки надула, как хомяк. Это очень непохоже на тебя. Объяснишь? Она доставала?

– Ничего она не делала, – ответила Алина с вымученной улыбкой. – Хорошо, я скажу. Отойдём от Екатерины.

За самодельной палаткой, где разливали домашнее варенье, витал запах кислых слив.

– Мне, конечно, стоило промолчать. Но это ты, а не какой-нибудь паренёк с улицы. Я молчать не стану. Мама чувствует, как ты отдаляешься от неё.

– Это всё? – прервал я с раздражением. – Она сама не идёт на контакт. Она отдаляется.

– Екатерина утверждает, что ты... Я давно вижу, что вы не любите друг друга.

– Как же не любим?

– И мне больно, что вы не близки. Может, признаешься, в чём дело? Что стряслось на конкурсе? Ты был явно не в себе. И сейчас как будто сам не свой, – вымолвила Алина со слезами на глазах. – Не упрямясь, прошу!

– Да ну хватит давить на жалость!

Подавшись за палатку, она в мягкой, деликатной манере взяла меня за руку. Я сжалился над её бедным сердцем и открыл тайну, что тяготила мою душу, рвавшуюся на части.

Как только я с вымученной гримасой опустил ладонь, Алина отвернулась, чтобы не закипеть от возмущения, появившегося в ходе откровенного признания.

– Балбес ты, Паша. Смешной и глупый.

– Наоборот.

– О каком уме идёт речь? О природном? Нет, всё очень, просто очень по-дурацки выходит! Расскажи обязательно маме о том, что тебя тревожит. Мама выслушает. Она даст совет. Я не дам, потому что у меня мало опыта.

– Она не поможет. Хоть с бубном танцуй, а Тени всё равно

убьют.

– Но как мы без тебя?

Опьянённая осознанием скорой утраты, Алина сжала меня в судорожных, точно последних объятиях.

Я спокойно, без всякого стеснения целовал её выпущенные волосы и приговаривал:

– Плохо, плохо. Но сейчас я живой. Я живой, Виноградка.

– И самый близкий!

– Конечно, кто ж ещё, как не Паша Волков, незаменимый человек, от которого каждый второй без ума? Смысл в том, что незаменимых нет. Меня не станет, и придёт другой, кто-то более достойный.

– Хватит о смерти! Теперь я буду каждую минуту следить за тобой, чтобы ничего не случилось. Пусть только попробуют! Достанут, так я им задам жару!

– Ты же их не видишь, – напомнил я и вконец огорчился. – Не видишь Теней и Матери. Как поймёшь, когда бить тревогу? Вот бы узнать, когда наступит день икс.

– И как увидеть?

– Может быть, есть способ, да только он мне неизвестен. Тени прислушиваются, я это нутром чувствую.

– Где? Где они? – воскликнула Алина. – Улетайте отсюда, живо!

Высвободившись, она замахала руками, поскользнулась и кое-как удержала хрупкое равновесие. Она злилась, пока я

не утихомирил её сознательно необдуманноими словами.

– Тише. Они во мне. Я словно огромная сумеречная Тень. Кстати, Марк просил купить сметану для картошки. Вечером займёмся кухней. Справишься с запеканкой и нарежешь овощи?

Алина не ответила, а пошла к маме с рассеянным, устремлённым куда-то вдаль взглядом.

После законченных приготовлений к столу я вычистил грязную посуду, съел пару жареных ломтей персика в сливочном масле и поднялся к Марку с книгой, запечатанной в подарочную упаковку. Он был бледен, чахл, в общем, абсолютно плох. Не выходя из комнаты, он валялся без дела в кровати с нечитанными музыкальными журналами и старыми дисками. Поселившаяся в нём болезнь окончательно истощила его силы.

Меня переполнило сочувствие, когда он высвободился из плена тяжёлого одеяла и попытался неуклюже встать, чтобы включить ночник и похлопать меня по плечу. Я попросил лечь его обратно, и он неохотно послушался.

– Ты смотрел ёлку? – спросил Марк без ожидаемого волнения. – Как она? Она очень большая?

– Да. Алина сфотографировала нас. Посмотрим завтра.

– Ты был с мамой?

– Я был с ней и Алиной, и мы чуть-чуть повеселились.

Очень здорово, когда идёшь на ярмарку с компанией. По

твоему совету мы приготовили торт.

– И как он?

– Я не пробовал.

– И какая сейчас мама?

– Молчаливая. У неё всё намного лучше. По крайней мере, мне так кажется.

Я передал Марку подарок, и он тотчас раскрыл его с выражением безграничного умиления. Он наслаждался неотрывно твёрдой аккуратной фиолетово-синей обложкой и неустанно хваливал книгу, как если бы она была великолепной драгоценностью.

– Какая большая! Наверное, очень дорогая, раз такая красивая с виду. Боже, я никогда таких книг не брал! Она ещё пахнет краской, потому что совсем новенькая. Алина вот подарила фруктовые леденцы, похожие на скрипичный ключ. Их я быстро съем. А этот подарок останется навсегда. Какой ты молодец!

С некоторым удивлением я принимал от него совершенно незаслуженные благодарности.

– Ну так, я выбирал самую увесистую и полезную. Открой, внутри много чего написано про музыкантов. Как же я забыл, что ты не любишь читать! Значит, станешь смотреть на неё? – спросил я с лёгким огорчением. – Только поставь на видное место, пока я часто прихожу.

– Для тебя сделаю исключение и прочту её сразу. Стой, а ты перестанешь ходить к нам?

– Когда-нибудь перестану.

– Из-за чего? Я много болею и этим срываю все твои планы? – спросил Марк с явной жалостью. – Вы скоро сядете за стол? Я приду, чтобы чуток попировать, а то совсем не честно праздновать Новый год не за столом всей семьёй, а в постели.

– Ты не причём.

– Ну да, конечно. Я ведь сейчас по-детски беспомощный.

– Обижаешь. – Помрачнев, я указал на книгу и добавил: – Давай прочтём несколько страниц?

– Не переводи тему. Так почему перестанешь ходить? – настаивал Марк.

– Я вечно что-то ляпаю по неосторожности, – сказал я и разразился тупым беспричинным смехом. – Не обращай внимания. Сегодня не тот день, чтобы упорствовать. Мне действительно лучше пойти вниз. А ходить буду, обещаю. Я обожаю наши разговоры и этот звёздный ночник.

– Ночник и впрямь чудесный.

Марку сделалось намного легче, и он, казалось, полностью растворился в книге. Я обогнул кровать с разорванной обёрткой и увидел вдалеке за окном взрыв радужного фейерверка.

– Отсюда его не видно, – сказал Марк, не поднимая глаз.

– Как же не видно? Это с другой стороны не видать.

– Далеко запускают.

– Нет. Вон, как мерцают искорки в облаках! Словно свет-

лячки, – произнёс я, когда в очередной раз по небосклону рассыпались мириады трепещущих огоньков.

– Неужели?

– Фома неверующий.

Я таки остался возле окна, дрожа от радостного нетерпения, когда Марк оставил книгу и, пошатываясь, подобрался к широкому подоконнику с ярко-розовой гусманией в керамическом кашпо. Он опёрся рукой о стену за раздвинутыми полутёмными шторами, и тогда я указал на острые кровавые крыши. Раздался невнятный звук. Вмиг остановился некрепкий снегопад. Мы заметили разлетающиеся, необычайно насыщенные искры. С жадностью ловил я их слезящимися глазами. Марка растрогали мои слёзы. Как и я, с такой же светлой печалью он провожал покорно идущий за снежный горизонт год, его ужасы и болезни, несчастья прошлых лет, представшиеся в брызгах лопающегося фейерверка; и у него также выступали трогательные слёзы на глазах, в которых отражались затухающие огни.

(я ни за что их не сложаю и не откажусь от дома и пусть я рыдаю но мне тепло на сердце)

Оставив Марка, я спустился к столу. Алина нахваливала фирменную курицу Сергея с хмели-сунели, в свою очередь он раскладывал салаты по тарелкам.

Небывалый прилив вдохновения послужил толчком к откровенному разговору с мамой.

Я поставил локти на стол и произнёс тишайшим голосом,

чтобы никто не подслушал:

– Надо мной нависают Тени.

– Какие Тени?

– Тени, как мои злые эмоции, воспоминания. Они появились ещё, когда мы похоронили папу. Да, я не буду о нём. Прости, не подумал. Важнее всего даже не это. Они желают мне смерти, и я не справляюсь в одиночку. На школьном конкурсе, помнишь, был такой конкурс осенью, куда меня заставила пойти Алина? Произошёл первый, так называемый приступ. У меня страшно закружилась голова, из носа пошла кровь. Следующие два с половиной месяца я провёл в страхе. И единственным моим спасителем был Марк. Он так играет, так играет на пианино! – говорил я, невольно повысив безбоязненный тон. – Ты бы послушала его! Я приглашу тебя как-нибудь. Жаль, что раньше не приглашал. И Тени эти, они не выносят его музыку. Но они остаются со мной, никуда не уходят, как и Мать. Мать же моя Скорбь... Скорбь по папе.

У меня пересохло в горле. Мама отставила оливье, но уронила на пол вилку, которой поддевала консервированный горошек и, сухо извинившись перед Алиной, с которой стукнулась лбом, недружелюбно засопела, словно носорог.

– Как вы? – спросил Сергей. Он сидел плечом к плечу с Татьяной, что беспрестанно повторяла вымышленные истории и простодушно восторгалась, когда их принимали за действительность. Вот и сейчас ей было радостно рассказы-

вать о сыне, который якобы выиграл прошлогоднее соревнование по фигурному катанию в Волжском районе.

– Прекрасно.

– Мы скоро приступим к торту? – перебила мама. – Так ведь долго готовили.

– После двенадцати. А вы раньше пробовали его делать?

– Раньше стряпала медовик, зебру там.

– Я даже доел сливки с шоколадом, что вы оставили в чаше. Уж очень люблю шоколад, – признался Сергей.

– У тебя и живот огромный оттого, что ты сладкое таскаешь. Вечно голодный, как волк, – протянула Татьяна и рассмеелась по-доброму. – Где Марк?

– Он скоро придёт... А вот и он.

Марк тяжело спускался по лестнице размеренными шагами, держась за полукруглые перила. Как только он добрался до стола и сел между Алиной и Сергеем, за ним тотчас поухаживала Татьяна.

Мы проскользнули с мамой на второй этаж.

– Нас перебили.

– Я ни в чём не виню тебя. Хочешь сильно поговорить о папе? – спросила она после неловкой паузы.

– Не с тобой. Ты так долго молчала, что я привык. Алина уже знает о Тенях.

– Я не уверена, что тебе они не мерещатся.

– И снова доказательства подавай? Как же ты не понимаешь, что они не шадят меня? Почему никто, с кем я гово-

рю, не сознается в том, что Тени существуют? Они как будто скрывают их от меня, и мне кажется, что я одинок. Получается, кругом лицемерие и ложь. Я же глупый и слабый, потому что не могу от них избавиться!

– Спокойно, Паша, – сказала мама и пригладила мягко мне волосы.

– Не сбежать, не сбежать! – запричитал я невнятно.

Она не прекращала успокаивать меня, и я впервые узнал, что она умеет проявлять сострадание. Сочувствие мамы было настолько безмерным, что я горько пожалел и принялся смущаться мрачной молчаливостью, которой пытал её с тех пор, как погиб папа. Во мне пробудилось навязчивое желание кричать миру о беде, утомившей меня до изнеможения. Не поздно? А был ли мир готов услышать обо мне? Не сделаюсь ли я слишком громким и раздражающим для него?

(Хоть и блистала надежда вблизи!)

– Как же. Мальчик, мой мальчик... Паша... Пашенька! Я не уничтожу Теней.

– Почему? – потупился я обиженно. – Если надо было высказаться... Я же говорю, рисую, слушаю музыку!

– Паша!

– Как бороться с самим собой? Я не выиграю этот бой. Я сдамся.

– Не смей!

– Кажется, я меняюсь в лучшую сторону, но ничего не происходит! Как больно, – воскликнул я горестно.

– Выслушай меня.

– Ну?

– Я не уничтожу зло. И хоть оно крепнет в тебе... нельзя так быстро отчаиваться! Когда один метод перестаёт работать, нужно искать иной, более действенный. Помнишь, что было, когда одна из моих клиенток пожаловалась, что я наживаюсь на людях, и оставила плохой отзыв, после которого прокатилась волна возмущения, мол, я шарлатанка и гадина? Пришлось удалить сайт, работать под другим именем. Плевать я хотела, что они несчастны, я обязана обеспечить тебя и окружить комфортом. Хочу устроить так, чтобы ты ни в чём не нуждался. Если не справляешься, проси о помощи и хватайся за протянутую руку. Паша, мне ясно, что с тобой. Ты не разгонишь тьму в одиночку, как и говорил. Но и ты не один, верно? Мы с тобой, и мы сэкономим тебя вместе. Алина поможет, потому что любит тебя. Марк поспешит, так как ты его лучший друг. И я больше не буду холодной и... прости, пожалуйста.

Она обняла, как в детстве, прижала крепко к груди, и моё сердце совершенно оттаяло.

Некогда я внушил гадкую мысль, что не люблю её. Я был чертовски упрям, когда не желал разделить трагедию и дорогого поплатился годами, прошедшими в душевной разлуке. Мама была, на самом деле, равнодушной, потому что не решалась бередить ноющие раны. И теперь осознание глубокого безразличия порождало глубокие сомнения насчёт людей.

Я прежде не относился с пониманием к ним, точно это было допустимой нормой поведения, и не принимал во внимание обстоятельства, от которых они зависели.

– И... – заикнулся я, унимая участившееся биение.

– Что?

– Извини! Оба по-своему не правы.

– Всё хорошо, – шепнула мама и слабо, но ласково улыбнулась.

– Точно-точно?

– Да. Стало легко?

– И не так страшно, – сказал я предельно серьёзно.

Бесшумно спустившись по ступеням, нас расспросили, отчего мы долго где-то пропадали. Мы не признались, но это была сушая ерунда.

Торт, украшенный розами из пышного крема, пришёлся каждому по вкусу.

После раздачи подарков я оставил посуду и пригласил друзей на фильм. (Каково же было моё удивление, когда я назвал их в одном смелом порыве друзьями!) Марк оставил гореть звёздный ночник, включил ноутбук и разлёгся на подушке. Мы пристроились к нему по бокам.

– Ну, что бы нам глянуть?

– Не знаешь? – удивилась Алина. – Давайте что-нибудь красивое? Знаете, бывают фильмы, где герои вляпываются в передраги, проходят тяжёлые испытания, а потом понимают,

что они созданы друг для друга. Включу-ка драму.

– Ну что ты заладила? – спросил я с насупленными бровями. – Любовь, любовь!

– Да, именно любовь. Я всё о ней знаю!

– Смеёшься? – подал возглас Марк. – Всё знать попросту невозможно.

– Мальчики плохо осведомлены в делах любовных. Когда дело доходит до чувств, они удовлетворяют свои прихоти, а затем сваливают ответственность на девушку. Растут под родительским крылом, избалованные, капризные, получают всё и сразу.

– Эй, не чеши всех под одну гребёнку! Не будем мы твоё кино смотреть, – отрезал Марк.

– Ладно, если отказываетесь от драмы, то пускай фильм будет просто хорошим и приятным, без чернухи и ужасов, чтобы кровь не лилась рекой. Паша, выбирай! Ты же предложил.

Я театрально схватился за голову, резко отнял руки и приступил к поиску.

– Может, мультик? Кто их не обожает? Кстати, этот ночник мне кое-что напоминает.

– А где были звёзды? В «Ёжике в тумане», в «Звёздной принцессе и силах зла», в «Хорошем динозавре». Или там, в последнем, светлячки вместо звёзд? Я уже забыла, – засомневалась Алина. – Конечно, я бы продолжила до бесконечности. Что он тебе напомнил? Ну, не теми.

– Вы давно пересматривали «Короля Льва»?

– Мультфильмы для детей, говорили они, утверждали про какие-то сказки и радости, но не упомянули ни слова, что при просмотре мы будем рыдать навзрыд. Ну и чем драма не угодила? По-моему, то же самое. Но я согласна, сотру только тушь, чтобы не потекла, – рассмеялась в приподнятом настроении Алина.

Глава шестая

ОТКРОВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

В Забвеннослав мы приехали сразу же, как Марк окончательно выздоровел. Двумя днями ранее я отговорил Алину от поездки, чтобы она лишний раз не переутомлялась. Мама, узнав о том, куда настойчиво тянуло мою душу, отпустила меня, но нехотя. Как человек суеверный, она была однозначно против посещать папу зимой.

В пути я не читал, а следил за дорогой, пылающей озорными разноцветными искрами. Сергей вёл машину и говорил с нами редко и кратко.

Мы въехали на кладбище, облитое холодным золотом полуденного солнца.

Я попросил лопату у проходившего мимо мужика в енотовой шапке и стал откапывать скромный могильный камень. Марк надел перчатки и зачем-то очистил хлипкую скамью и стол, обмотанный промасленной клеёнкой. Он остался с отцом за кованой изгородью, залепленной плотным снежком,

и они вместе глядели на мою несложную работу, несколько омрачённые торжеством смерти над жизнью.

Здоровые вороны пролетали между локонами сонных берёз. Каждая из них, кроме, конечно же, той берёзы, чей ствол был раздвоен снизу и тянулся в небо, была тонкой и белой, не хрупкой, но изящной.

– Как ты? Тебе помочь? – спросил Сергей, когда я решил передохнуть. – Не быстро же ты.

Крепчал мороз. Я закрыл красный нос шарфом.

– Справлюсь.

– Может, нам всё-таки уйти в машину? – спросил Марк в удивительном спокойствии. Казалось, ничего не могло потревожить даже самые чувствительные, живые его невидимые струны.

– Оставайтесь. Я расскажу папе, как живу и о чём думаю, когда откопаю. Вот покажется он весь.

Я снова взялся за лопату, а как только полностью увидел гравировку, покрывавшую чёрный гладкий камень, то разволновался. Марк забрал лопату и передал её владельцу, стоявшему под высоким страшным крестом. Сергей отвернулся от папы с честными доброжелательными глазами и бритым пухлым подбородком с круглой ямочкой.

– Мама не приехала. Какая у нас вредная мама, – рассмеялся я нервно и упал на колени. – У неё скользкие сапоги, так что я понимаю, почему она отказалась. Ты же видел? Видишь, как мы живём? Живём мы очень неплохо. Если бы я

только не упомянул Теней! Мама и Алина их не видят, словно они слепые. Трудно мне приходится со своим жутким эгоизмом. Нет! Я не эгоист! Я плохо помню тебя в одном из видений. Всё вокруг вертелось и плыло. Туман клубился под ногами. А ты справился с моими ранами и стал вдруг другим человеком... Ты обнимал меня крепко, когда я лежал в кровати, а я хотел, чтобы никто не разлучил нас, потому что мы лучшие друзья. У меня была весна в груди. Какой всё же я весенний мальчик! Когда весна? Устал я от стужи. А тебе легко спать под колючим одеялом?

Я потянулся к папиной щеке. Лёгкий поцелуй крепко обжёт невыразительные сжатые губы. Нас прервала громкая ворона.

– Не каркай мне тут! Пап, да ты замёрз! Хотя, чего уж тут, я такой же. Мама говорит, что Тени покинут меня. А отчего им покидать, если я хороший и сладкий для них? Не думаю, что у меня отменный вкус. Им-то известнее, кто я. Вот-вот, и лягу рядом с тобой. Боже, о чём я говорю? Я схожу с ума! Маму я теперь люблю по-особенному, почти как прежде, хотя я не простил её до конца. Мы скоро выедем, но ты не скучай и не грусти сильно. Мне не очень нравится думать о смерти. Но она неизбежна, папа, ведь дело во мне, а не в ком-то ещё... Я люблю тебя, – произнёс я, вспыхнув румянцем. – В общем-то, для этого мы и ехали. Я должен был тебе сказать... А ты, наверное, знаешь? Мне легко, легко, весело. Ну, прощай! Поцелуй был и от мамы. Она скуча-

ет не меньше.

Я поднялся и, сбросив снег, выскочил за калитку слышными шагами.

Сергей был безмолвен. Мы встретились глазами, он тотчас их отвёл.

Возле деревянного распятия с болтливым рябинником смущался необыкновенно Марк. Он подбежал и спросил:

– Точно всё? Мы ведь не торопимся.

– Я устал, сам не знаю из-за чего. Останемся в городе?

– Вы хотите чуть-чуть побродить? А тут есть где? – спросил Сергей с мягким укором. – Одно большое захолустье.

– Не знаю, что можно называть захолустьем. Наверное, Забвеннослав, но мне всё равно. Поедем в центр?

– Тогда встретимся там же в шесть часов. Я пока куда-нибудь съезжу, куплю попить, – сказал Сергей и направился к машине.

Он высадил нас с Марком возле бронзового памятника неизвестному герою в полный рост и, уехав с включённым радио, скрылся за стенами облезлых домов, вручную разрисованных уличными художниками. С фонарей, стоявших вдоль дороги, свисали праздничные матовые гирлянды.

Вливаясь в толпу, точно объединённую в один маленький сияющий мир, Марк в бодром самочувствии шагал к серьёзным, хмурым, ласковым и простым лицам и без стеснения и природной робости улыбался, подмигивал всякому, как не мог, к огорчению, подмигнуть приветливо я.

Мы купили луковых крекеров, через час свернули на вымощенную крупным булыжником аллею.

Марк перепугал трепыхавшихся голубей и присел на лавочку, расписанную ромашками и апельсинами.

Закат потухал. Входили первые звёзды.

– О, смотри! Их больше, чем у нас, – заметил я.

– Умеешь читать созвездия?

– Нет, а ты?

– Угадываю, но редко. Мама однажды купила телескоп, и я часто наблюдал за небом. Вон там, Персей. – Он указал на зенит. – Неподалёку Кассиопея. Я слышу, как звёзды перешёптываются, словно беседуют друг с другом.

– Наверяд ли. Они не умеют говорить. Звёзды всего лишь газовые шары, которые испускают свет.

– А ты любишь факты, не правда ли? Прислушайся. Так звучат родные голоса. Там твой папа. Интересно, в каком он созвездии?

– Фантазии! – прервал я рассерженно. – Ты не понимаешь. Как ты не понимаешь!

– Ай, не будь таким серьёзным!

– А ты не относись ко всему легкомысленно.

– Что за идиот! Ну же, улыбнись, – воскликнул Марк и всплеснул руками. – Когда тебе ещё удастся побывать в зимнем парке под звёздами?

– Не скоро.

– К тому же, пока нет папы, я хочу кое-что рассказать.

– Заведёшь шарманку о жизни и смерти? Не стоит. Я пас.

– Это важно.

Моё выражение смягчилось, и я сказал с явной симпатией:

– Валяй, мечтатель.

Он собрался с духом, но в парке, засаженном несуразными тополями и липами, объявился как некстати Сергей. Он прошёл мимо крытых пустых павильонов, набитого мусорного ведра; возле прыгал воробей и клевал шелуху.

– Вас будто след простыл!

– Мы задумались.

– Пап, оставишь нас ненадолго?

– А что? Ещё не наговорились?

– Дни зимой слишком короткие.

– Конечно, я так и понял. Но не ездить же нам по темноте?

Ладно, я отойду к машине. Чтобы через десять минут пришли, – отчеканил он повелительным, грозным тоном.

Как только Сергей скрылся из вида, Марк выждал минуту и начал откровенничать по поводу моего папы.

Абсолютно сбитый с толку, я углубился в извилистую аллею и побрёл к мраморному фонтану, точно построенному из прочного стекла.

Голова кружилась бешено. Воробей заскучал и, встрепенувшись, взмыл над деревьями.

Я был поражён тем, как спокойно и бесстрастно Марк говорил о произошедшем. Он шёл медленно следом.

Вдруг он зачем-то пустился в бег и, ненамного обогнав меня, встал под хмурой тёмно-серой тучей, приплывшей издалека, засмушался. Я замер в нерешительности и злости.

– Лил сильный дождь, он потерял управление. Мы переехали. Мне надоели слухи, которые ходили по школе. Папу обвинили в том, что он не среагировал, хотя у него была возможность избежать столкновения, и по его вине умер человек. Как ты?

– Как! – потрясённо выкрикнул я. – Пусть бы не мой папа погиб, а твой проклятый папаша! Он выжил, как назло мне и маме, семья его не распалась. Сейчас просто живётся одной обеспеченной скотине! Твой папаша трус!

– Он был не уверен, что ты тот самый Волков.

– Ну и что, убедился?

– Твоя мама всколыхнула воспоминания. Из-за этого он так разозлился. Он уговаривал меня не дружить с тобой. Удивительно, ведь ему было не свойственно раньше относиться с недоверием к моим знакомым и приятелям. Я узнал, в чём причина его нервозности. Поначалу я всё отрицал и не верил словам мамы. Она не прикрывала его совсем. Смирилась, наверное. А я устал молчать, потому что видел, как ты страдаешь и решил, что между нами не должно быть никаких тайн. Тайны напрасно изводят.

Он сердечно протянул вздрагивающую руку, чтобы утешить.

– Хватит! – воскликнул я гневно и ударил по приближен-

ной ладони.

– Ты презираешь меня? – спросил Марк с неприкрытым огорчением. – Пожалуйста, делай, что хочешь, но только не презирай!

– Не буду. Просто дай время, чтобы отойти.

– Тогда что, что с тобой творится? Как тогда, в доме у охотника.

– Со мной ничего!..

Хотел было разгневаться и затаить обиду на него, как вдруг почувствовал разъярённых Теней. Они были готовы заживо растерзать меня и жужжали кругом, источая смертельный яд. Аллея, не очищенная ото льда, погрузилась во тьму вместе с лавочками и пугливыми птицами. Смутно представляя папу и бесконечный дождь, в который он попал в октябре, я ощущал обречённость, тоску, накрывающую плотным куполом.

– Кто это?

Марк смотрел в невыразимом ужасе, как за моей спиной сворачивался клубок из густо сплетающихся чёрных Теней. Он пошатнулся от навалившейся на него тяжести, трудно преодолимой, задышал глубоко и судорожно и сомкнул глаза, чтобы не быть свидетелем чего-то поистине разрушительного. Затянувшееся ожидание тяготило нас обоих.

– Ты их видишь? – спросил я задыхаясь. – Боже, скажи что-нибудь!

Он спохватился виновато, открыл, наконец, глаза.

– Вижу! Это их ты тогда перепугался и убежал?

– Почти. Но как ты можешь видеть?

– А что необычного? – рассмеялся беспокойно и нервно

Марк. – Бежим! Я спрячу тебя от них! Не важно, кто они и откуда. Не спрашивай, как я их вижу, я и сам не знаю! Но слушай, папа отвезёт нас. Он умеет быстро водить. Мы унесёмся прочь, как тот воробей. Они не догонят!

– Некуда бежать мне, некуда!

– Всегда есть, куда отправиться.

Мгновенное осознание того, что мне стоило отпустить Марка, переполняло необъяснимым радостным волнением.

– Ты прав.

Я в упрямой решительности перемахнул через лавочку, которая была единственной преградой, что разделяла нас с ним. (В каждом моём движении прослеживалась несокрушимая уверенность.) Я оттолкнул его с силой. Не успев сообразить, он упал в черноту. Мне было жаль с ним расставаться.

Я ринулся навстречу Судьбе, не смотря под неустанно скользящие ботинки. Мимо проносились навязчивые видения, разносился голос Матери, рыдающей кровавыми слезами. Она шептала злорадно и горячо:

– Человек, иди ко мне же. Иди сюда, мне одиноко! Приди скорее в Королевство Теней, Паша! Королевство ждёт своего часа, чтобы отворить тебе высокие ворота! Мы ждём!

Не было видать созвездия, с которого глядел папа.

С каждым вздохом мне делалось значительно хуже, и я кричал в отчаянии и плакал, но бежал вперёд, спотыкаясь, и уводил Теней из парка, чтобы они больше никого не взбудоражили, кроме меня. Последним человеком, что я различил перед тем, как провалился в забытье, была ласковая и милая мама, которая бормотала бессвязно с неутомимым упорством, наклонившись к моему потному лицу:

– Борись! Борись! Борись!

Глава седьмая

МЕЛОДИЯ ДУШИ

Я проводил день в больнице и мечтал выйти в город. Лежание в кровати порядком меня измотало.

После выписки приехали взволнованная мама с Алиной, заметно ослабшей духом. Она бросилась на меня, без слов крепко-крепко обняла за шею и приникла ласково к губам. Я отступил от неё неловко, взял маму под локоть, и мы вместе прошли вниз, где шумела улица, и веяло успокоительной прохладой. У Алины от свежести изменился цвет лица. Она стала улыбчивой и бодрой, о чём-то пела тонким голосом, смотря на горы, укрытые высокими шапками светло-пурпурного снега.

– Они не остались в Забвеннославе. Значит, уехали. Ну и правильно.

– Марк с отцом? – спросила мама с нескрываемым интересом. – Как же, Сергей занятой человек. Он ведь согласился

отвезти тебя в город только потому, что ты по-настоящему дружишь с его сыном. Вы с ним говорили?

– Я с ним немножко поругался. Мы повздорили. Вернее, я взбесился... В общем, надо извиниться.

– Мне было так хорошо, что вы оба спокойные и мягкие и никогда не ссоритесь.

– Тебе показалось. Я грубил, кричал. Наверное, сильно его задел. Причём не специально.

– Так почему ругались?

– Девочки плохо осведомлены в делах серьёзных, – про-изнёс я с откровенной иронией.

– Перестань.

– Тени? – прервала мама и добавила расстроено: – Сергей поступил не по-человечески, и я не люблю его за то, что он уехал, не дождав тебя. Мог и остаться. Марк зато рвался к тебе. Я понимаю теперь, почему он обижен на отца.

– Мне известно, что Сергей был в аварии. Я ненавижу его. До каких пор ты собиралась скрывать?

Она не ответила и, покрасневшись до ушей, громко заплакала. Выпуклая оправа её розоватых очков поблёскивала.

Мы разместились в машине, и я взял журнал по инженерной механике, чтобы отпустить напряжение. Мама жалобно всхлипывала. Вздохи с хрипом вырывались из её трепещущей груди. Алина поцеловала меня легонько в шею и положила крошечную голову на плечо.

– Ты ненавидишь Сергея? – спросила она. – Очень нена-

видишь?

– Да, ненавижу. Это очень плохо?

– Нельзя любить всех, так не бывает.

– А что же бывает? И, тем более, я ненавижу одного человека. Это можно.

– Ненависть искажает, Паша. Ты несёшь её за собой, мучаешься и рыдаешь, но мучения твои никак не задевают Сергея. Вредишь только одному себе. Знаешь, что я думаю? Отпусти по-хорошему, – посоветовала Алина. – Как отпустишь ненависть, так сразу вспомнишь лёгкость, и станет жить спокойнее. Жить в лёгкости и гармонии счастливее, чем в злости и обиде. Прекрасно же понимаешь.

– Ты права, Виноградинка. Я не злюсь.

– Уже хорошо. А ненависть-то есть.

– Она у меня холодная, почти осязаемая. Она словно сделалась отдельным существом и живёт со мной. Мне бы погадать, – неожиданно для всех сказал я. – Как давно я не гадал! Я увижу что-нибудь и предупрежу.

– Зачем тебе карты, Паша? О чём предупредишь? – спросила мама, закончив плакать. – От карт одни беды. Вот возьми и выброшу их!

– Не верю я тебе больше. Ты их не оставишь.

– Поверь. Вместе выбросим.

Она повернулась ко мне с искрой надежды, вспыхивающей на преждевременно постаревшем лице с резкими морщинами. В остриженных волосах можно было без труда про-

глядеть небрежные седые пряди, придававшие усталости и так изнурённому, тяжёлому выражению глаз.

– Ладно, но ты скажешь, для чего вспомнил карты?

– Предчувствие.

– Подобное бывало раньше?

– Нет. Оно ни на что не похоже.

– Мы не будем отвлекать. Как думаешь, эту комнату можно переделать во что-нибудь стоящее? – спросила мама, от-вернулась и, заведя двигатель, повела машину. – Есть идеи? Алина, твоё предложение?

– Ну, гостиной из неё не получится. Может, кладовка? – предложила Алина с сомнением. – Кладовки у вас нет. Там может поместиться всё что угодно.

– У нас мало вещей. Стоит, конечно, шкаф, валяются ненужные коробки в кабинете. Стоит перебрать, как приедем.

– Точно! Кладовка – это прекрасная мысль. Да, я совсем забыл спросить, вы же говорили с Марком?

– Он звонил мне, – подала бесцветный голос Алина. – Он был так расстроен, что отец не позволил ему остаться в Забвеннославе! Я останусь, даже если папа закатит скандал. Хотя он не шумный и не умеет материться.

– Так, что ещё? – полюбопытствовал я и убрал старый журнал.

– Знаешь ли ты, что он видел Теней?

– Ага.

Алина с удивлением, смешанным с недовольством, убрала голову с плеча.

Она схватила журнал из кармана. Слезы глубокой привязанности обжигали вялые щёки, а глаза говорили: «Признайся, что он близкий для тебя, не то что я».

– Он увидел... так просто.

– Что с тобой? – спросил я, отняв насильно неинтересный журнал. – Хватит плакать.

– Оно само!

– Ты обиделась, что ему первому удалось увидеть моих Теней? Глупышка.

– Да, наверное.

– Это даже к лучшему, что не ты была первая. Ты совсем ещё маленькая девочка, которой многое кажется страшным и непонятным. Умерла бы от страха, правда. А впрочем, если бы не умерла, то я бы отвёл Теней и от тебя. От кого угодно.

– Но что же дальше?

– Без понятия. Но я пока не могу жить в полной гармонии. Я не готов.

Приехав домой, не переодевшись, я достал из незапертой тумбы знакомые карты и убежал в чёрную комнатушку. Перед этим я предупредил маму, чтобы она не входила ко мне без повода, не сидела в беспокойстве без дела, дёргая длинное платье за льняной кончик, и ни в коем случае не прижималась ухом к двери, чтобы подслушать, как проходит так называемый сеанс.

Но вот карты были разложены. Меня затянул густой голубой туман. Откуда-то сверху посыпались живописные тревожные картинки. Я собирал их спешно, как обрывки воспоминаний, и раскладывал по низкому столу с прозрачным шаром из молочного кварца, который помещался в чёрную подставку с углублением внутри. Собранные фрагменты головоломки я составил в одну огромную тревожную картину. За отполированным пианино играл мой застывший друг с кровавым пятном, расплывающимся по широкой спине, а в кустах таились Тени, и были они злы и ехидны.

Страх буквально парализовал меня. Я ударил всей пятерней по поверхности, но не сбросил, к ужасу, ни одного фрагмента. Стол дрогнул и слегка качнулся мне навстречу. Опасения крепчали. Я откинул карты, да так, что они разлетелись тихо по разным душным пыльным углам, забитым магической утварью, и, выбежав из чёрной комнатушки, упал бессильно к маме. Ослушавшись, она стояла в неловком молчании под дверью. Она обняла меня и спросила тихо, словно бы нежно:

– Ты увидел кого-то?

– Да.

– Не было ли там папы, родной? Он не приходил к тебе, не появлялся?

– Он погиб. Мёртвых я не вижу. Там был Марк.

– И что же с ним?

– Его убьют! Как же они могут убить, если они не его Те-

ни? Или из-за того, что он разглядел их, понял меня, проникся, и теперь они наши общие? Мне надо уйти. Стой, не ходи за мной, потому что это серьёзно и очень опасно! Ему нельзя садиться за пианино. Никакое оно было не проклятие. Почему я не догадался сразу? Как было сказано Тенями, я не один такой особенный, это чистая правда, а у людей, людей творческих, в особенности, их намного больше! (К тому же, среди них достаточно суеверных.) Целый снежный ком из особенностей, ком из Теней, злых сторон, с которыми непросто совладать! Груз прошлого, неудачи на своём поприще, давние невысказанные обиды, боже, да обыкновенная смерть человека, скорбь по нему, в конце концов!

– Только пианино помогало тебе, – заметила мама.

– Музыка исцеляла меня. Марк появился неожиданно... как будто его подослал кто-то. Знаю, я несу полный бред.

– И ты откажешься от музыки?

– Придётся. Но я не отчаиваюсь. Похожу на выступления всяких пианистов, может быть, их музыка поможет справиться мне с Тенями. Того лучше, ненависть понемногу отступит. Она уже уходит, вон, стоит на пороге и ждёт чего-то. Я ненавидел Сергея, потому что он испортил нам жизнь, разрушил её. Нет, это моя вина! Или нет моей вины? Что ты ответишь на это? Веришь, что мы все причастны к аварии, но не могли повлиять на исход? Наверное. Я сейчас обеспокоен только тем, что будет с Марком. Прочь ненависть, прочь бессонные тревоги! Прошу, скажи Алине, как она появится

(а она обязательно появится), что я ушёл к нашему пианисту. Да, скажи ещё так, чтобы она не подумала всякое, что я там, называется, нагадал страшное и теперь собираюсь это страшное исправить в последний момент. Задержи её настолько долго, насколько это возможно. Она может упрямитесь и пытаться тебя. Но ты же сильная и перенесёшь её расспросы?

– Угощу конфетами, налью горячий чай. Она не откажется посидеть и поболтать.

– Этим ты не удержишь Алину. Сладостями её не примаанишь. Так и быть, разрешу вам поговорить о нас с ней. Вам, девочкам, нравится беззаботно сплетничать. Слушай, ладно, ты не девочка, но когда-то же была ею?.. Не прибегай, если я не вернусь через три часа. Думаешь, это много для того, чтобы съездить туда и обратно и побыть там целый час как минимум? Мне ещё перед Марком извиниться надо за то, что я не отвечал на его звонки. Он звонил раз десять. Мне, помимо всего прочего, что случилось в парке в Забвеннославе, было стыдно за то, как я называл при нём его же отца. А я называл его грубыми и обидными словами. Марк не отреагировал никак, словно... словно я не был достоин получить от него сдачу! Я ожидал, что он прибудёт меня.

Я ушёл в комнату за тёплой одеждой и заметил одну странность, которая сразу же бросилась мне в глаза. Огненный феникс каким-то непостижимым образом исчез с потрёпанного листа.

Мама вошла без стука и сняла пустую рамку с ржавого

гвоздя, на котором ранее висела картина с тремя медведями, доставшаяся нашей семье от прабабушки по отцовской линии.

– Где феникс? Ты его убрал? – спросила она, не веря в таинственное исчезновение.

– Именно, что он был перед тем, как я последний раз спал в комнате. Не ты разве подложила лист?

– Я только пыль протирала, уборку делала, но ничего не трогала. Ты так сердисься, если я лезу туда, куда меня не просят. Хоть у тебя и запущено, особенно в ящиках с красками.

– Но он такой же. В точности, как мой лист!

– Может, может, ты когда-нибудь стёр феникса, забыл о нём и только сейчас увидел? – предположила отрывисто мама. – По-другому быть не должно!

– По твоему, я испорчу детский рисунок, который любил папа? Ай, ну разве тогда не остались бы линии от карандашей? Поднеси ближе, чтобы рассмотреть, какой этот лист чистый. Следы бы всё равно виднелись.

– Да. – Мама вынула несуществующий рисунок и изучила его со всех сторон. – Он серый, однотонный. Никаких линий, чёрточек.

– Кажется, нам обоим стоит отдохнуть после того, как я приеду. Мерещатся глупости.

– Да, большие глупости.

– У тебя остался корвалол?

Мама вышла к себе, чтобы проверить ящик с лекарствами. Вернулась она, как будто чем-то отягощённой.

– Баночка пустая. Я схожу в аптеку. Ты поезжай скорее, – произнесла она с безмерной грустью, словно не желая отпустить меня.

Дом с каменной изгородью был удивительно холоден и недружелюбен. Окна на втором этаже были закрыты тёмно-синими шторами, крыша не очищена от снега. Я нажимал на круглую кнопку дверного звонка, а затем позвонил Марку (с некоторой опаской и острым ощущением, что ненадолго опоздал), и он коротко ответил, что сейчас же оставит пианино и раскроет дверь. Мы вошли внутрь. Сняв обувь в прихожей, я свернул в гостиную, полную пряного запаха, который исходил от духовки.

– Ты готовишь? – спросил я с заметной улыбкой.

– Да, пробую. Там пирог с вишней. Сядь, Паша, поговорим.

Я расположился на диване с декоративными бархатными подушками и положил на колени книгу по психологии с резного столика.

Она была полная, в старой кожаной обложке с угловатыми блестящими буквами, начертанными на буром корешке.

На первой странице содержалось подробное, удобное оглавление. Я прочёл половину строк, напечатанных жирной краской, сильно мажущей белые пальцы, и поднял голову на

Марка, который сидел напротив в неподдельном недоумении и рассеянно покусывал губы, придумывая, как бы ко мне подступить.

– Ну и чего ждёшь? – спросил я. – Я же не кусаюсь. Вообще-то я пришёл не просто так, книжку полистать. Ты вот читал её когда-нибудь?

– Нет, она, кстати, здесь давно лежит. Мама оставила. Она любит психологию, и лет пятнадцать работала школьным психологом, составляла графические тесты для старшеклассников. А я подобным не интересуюсь даже.

– Вот оно что... Прости, – осмелившись, я нарушил неловкое молчание.

– За что же?

– За то, что произошло в парке. Твой папаша, конечно же, виноват и всё такое, у меня была причина злиться, но я повёл себя отвратительнее некуда.

– Будь я на твоём месте, то также вспылит. Что в этом ужасного? Во всяком случае, я не приму извинения, потому что не обижался и не сердился. Хочешь, можешь забрать книгу? Она тебя привлекла? Мама разрешит.

– Нет. Это я так, чтобы тяжко не было, – сказал я и тихо выдохнул.

– А что мне было поделать? Я же не слепой и вижу, что ты несчастлив. Как ты зовёшь тех существ? Алина сказала, что они Тени, к ним ещё какая-то Мать прилагается. Пока не разобрался, что она из себя представляет. У моих род-

ственников, которых сразило проклятие, были Тени. Конечно, собственными глазами я их не видал, но слышал разное, что они страшно назойливые и приходят обычно, когда на человека наваливаются проблемы, и что-то понемногу начинает уничтожать его изнутри. Они и впрямь настолько жестокие? Ну да, раз попал в больницу. Знаешь, я тут кое о чём подумал и пришёл к выводу насчёт родителей и игры на пианино.

– Что за вывод? – спросил я и, отложив книгу, добавил сухо: – Она мне не нужна. Спасибо, конечно, но я её не возьму. Может, Татьяне понадобится в будущем.

– Как знаешь. Родители знали о Тенях, скорее всего. Они боялись, что я когда-нибудь столкнусь с непониманием людей и разочаруюсь. Возможно, меня бы не заметили в творческой среде или не оценили высоко по достоинству. До осени я принимал простой факт того, что никому, кроме меня, нет дела до моей музыки. Я занимался в одиночку, а вокруг не было ни души. После конкурса я не ожидал, что мной заинтересуются. Посчитал тебя навязчивым, странным до жути. Одно дело, когда радуется весь зал и совсем другое, когда заканчивается шоу, выключается свет, и тобой восхищается незнакомый человек, но не потому, что так положено, восхищаться тем, кто играет, поёт, сочиняет, а по-настоящему, от души. Послал всё к чёрту, отбросил наставления, все сомнения. Во мне зародилась надежда, что я пойду дальше.

– Тебе действительно нельзя играть.

– Как? – спросил он и рассердился. – Сам-то утверждал обратное.

– Помнишь, я предугадал папину смерть? Как мы приехали, я погадал.

– Что, что ты увидел? – спросил Марк в нетерпении.

– Теней и тебя за пианино. Не играй, ничем хорошим это не закончится! – потребовал я настойчиво. – Я не шучу.

Марк совершенно точно заслуживал знать правду, но я не считал правильным в и так непростой ситуации его ужасно расстраивать и потому не стал расписывать в красках картину, собранную в чёрной комнатухе. Ему было достаточно выполнить мою просьбу, навсегда позабыть о музыке, пускай и волшебной.

Марк энергично возразил, хотя я предугадывал и такой поворот событий. Он всё же никогда не повышал голос, действовал мягко, без лишних эмоций.

– Это твои Тени. У меня их нет, Паша, не ставь меня рядом с собой!

– Ты ошибаешься, – проронил я горько. – Они есть. Хочешь, я позову наших Теней?

– Нет, нет, нет!

Я с небывалым спокойствием принял вспышку его раздражения. Не скрывая разочарования, Марк ходил по гостиной и невнятно ругался, причитал, шумел, быстро топая, и кричал в неловком бессилии на любимое пианино; оно не понимало, отчего всегда спокойный хозяин выговаривал плохие

слова, и предчувствовало беду, пока не ясно какую.

Марк более не горячился. Он присел на диван, вымолвил еле слышно:

– Я дописал мелодию. Неблагодарный!

– Ту, что играл осенью?

– Ага. Посчитал, что раз она тебя тронула, то я на правильном пути. Хотел произвести впечатление, удивить. Пирог состряпал... А!

Марк подбежал стремительно к духовке, раскрыл и поставил на столешницу золотисто-коричневый пирог в форме морского конька.

– Кажется, полный порядок. Мы бы поели его, а потом я хотел сыграть. Я так мечтал, так мечтал об этом! Не рушь мои мечты, не сейчас!

Он выключил духовку. Я попробовал рассеять владевшее им уныние, разрезал пирог и разлил по чашкам заваренный кофе.

– Только пирог и никакой музыки.

– Паша! – взмолился он отчаянно и скривил губы. – Мелодия короткая. Всего каких-то три минуты, и я больше не притронусь к клавишам, если ты просишь. Позволь сыграть один раз. Всего один разок!

– Ни за что! У тебя, что ли, головы на плечах нет?

– Голова говорит одно, а сердце другое. У тебя не было никогда выбора между разумом и чувствами?

– Я лучше выберу разум. Как мне не быть разумным, ко-

гда я человек? Тем более, я верю в предсказания, карты и мистику. Мистика, как выяснилось, случается, от неё никуда не скрыться. С ней надо быть начеку, по-другому никак. Иначе пропадёшь.

– Но ты выбрал чувства, – обнаружил Марк с лукавой усмешкой. – Папу же не отпустил. Вдобавок к этому у тебя есть рисование. Ты художник, творец. Мы с тобой маленькие ещё, но творцы! Неужто откажешься от дела, которым горишь?

– Выставки и конкурсы я не люблю, – возразил я обиженно и отставил тарелку с пирогом. – Ты мало обо мне знаешь. Я предупредил тебя о Тенях, только и всего.

– Не только.

– Переубеди, а то полез в какие-то дебри. Творцы, разум и чувства, прочее. Прямо как поучительная беседа, от которой нет пользы.

– Вовсе и не дебри. Ты мало был на выставках, но там тебя, безусловно, уважали и твои картины нравились. Это ли не означает, что ты выбираешь чувства? Как без чувств писать картины? И ехал ты на могилу к папе, потому что внутри тебя мечутся Тени. Человек не может существовать с одним разумом. А ты и не принимаешь злые стороны, не отпускаешь отжившее. Да возьми же себя в руки! Прими, наконец, прошлое, да не беси меня зря! Хочешь сказать, ты умрёшь? Я не собираюсь умирать вместе с тобой, Паша! И тебе не дам, потому что, какими мы ни были людьми, мы обязаны жить

счастливой и длинной жизнью. Кто останется писать музыку, картины, помогать тем, кто в нас нуждается, восхвалять красоту и укреплять веру в высокие идеалы? Много нас таких, простых, но глубоких, невероятно много. Человек изначально был создан для того, чтобы изучать себя и свою глубину, падать, вставать и двигаться дальше.

Марк с упоением говорил о силе и жизни. Своим восторженным монологом он окончательно вытеснил мою холодность, и я неожиданно вернулся в прежнее детское состояние, когда мне доставляло удовольствие рисовать акварельными красками. Я отчётливо услышал зов внутреннего ребёнка, мы обнялись и замечательно поладили, как старые друзья, давно не видевшиеся друг с другом. Между нами возникло понимание.

– Наверное. Так ты всё же сядешь за пианино?

– Сяду и сыграю.

Я попробовал немного остывший сладкий пирог. Он пришёлся мне по вкусу.

– Можешь, будешь кулинаром? – спросил я с жалостливым выражением лица. – Например, поваром-кондитером.

– Нет. Готовка – моё хобби. Оно не очень серьёзное. Садись на диван и наслаждайся сюрпризом.

– Никакой это не сюрприз. Скорее, попытка. Ты даже не поешь пирог?

– Аппетит пропал.

– Нельзя на голодный желудок, хм, музицировать.

– А вот и лъзя.

Мы расселись, каждый на своём месте.

Марк занялся игрой, и мне тотчас сделалось плохо. Сердце замерло в груди. Я упал на подушки и будто бы потерял слух.

Появившиеся из ниоткуда Тени обрели реальные формы, схватили меня и, скрутив, понесли из гостиной на задний двор, где шаталась от ветра маленькая уродливая ель. Я кричал, яростно пинался, но они продолжали перешёптываться нестройным хором и смеяться над моей болью.

Марк гнался за нами и приказывал мучителям меня отпустить. Действовали они властно, решительно, толкали и сбивали его с ног, пока я не остался лежать в тишине на синем льду, полностью обездвиженный. Марк успел стиснуть мою хилую руку, и мы молниеносно переместились на чахлый покатый холм с бесцветной зеленью и узловатыми кустарниками. Меня забрали далее. Королевство Теней отворило высокие ворота.

На извилистом пути, вне всякого сомнения, ведущему к Матери, неоднократно попадались иные, раньше не видимые худые Тени, брошенные кем-то жестоким на произвол судьбы. Они существовали в квадратных домах, выложенных из массивных каменных плит, потрескавшихся местами, с высеченными словами на сложном непонятном языке и, как я успел заметить, грязли в убогом, скудном быту, который, однако, состоял в опрятном беспорядке.

Каждая из неразговорчивых Теней владела бедным хозяйством, огороженным забором из низких, болотисто-серых колючек, и глиняной посудой, раскиданной на полу, на котором оседал слой застарелой грязи. Места для сна у неё не было вовсе.

Внутри жилища находилась одна-единственная комната с прорубленным окном в потолке, откуда брызгал грязно-коричневый свет.

Пищали теньевые крысы. Тощие, подвижные, они грызли беспощадно хозяев, когда не находили съестного, а те в свою очередь отмахивались в ленивом равнодушии и шипели тихо, чтобы не разбудить детей.

Тени выходили неуверенно и с любопытством осматривали меня, как подопытного. Я перестал вырываться, но ещё дрожал от злости и выплёскивал ярость на осколки толпы, которая подбиралась слишком близко к скользкой тропинке. Меня провожали пустыми дырами вместо глаз.

Вскоре Тени устали и остановились передохнуть на узкой развилке. Некоторые впились в меня мёртвой хваткой, чтобы я не вздумал убежать.

Шуршала ржавая от крови трава.

Стояла духота, и с меня в три ручья тёк пот.

Главная Тень, что поговаривала со мной с детства, встала в небрежную позу, похожую на человеческую.

– Наконец-то, мы дома, – воскликнула она радостно. – Ах, какие у нас здесь поля, просто загляденье! Ты ещё не видал

главного и самого интересного. Мы ведь скоро будем у Матери, так что, пожалуйста, не расстраивайся и не красней. А то страшный, злющий, как чёрт! У! Твой друг много чего понимает, но он и не молчит, как мы предполагали. Он отравит тебя, забавный мальчишка. Вернее сказать, отравил бы, но мы вмешались. Пожалуй, мы сделали доброе дело.

– Я был один, когда вы меня потащили?

– Как же, ты одиночка. Кто поможет простому одиночке, который ничего не умеет? Стой, с тобой был другой человек? Неужели Марк с нами? Ничего не пойму, но я обязательно разберусь, сюрпризов и так хватает. Прямо по курсу пятно!

Тень приподняла мне подбородок и затрепетала. Её восторг разделили и остальные.

– Что это?

– Догадайся.

– Дом?

– Удивительный дом!

– Это же... Самый настоящий замок! Подумать только, Мать обитает в замке.

– Она великая, а великим положено жить в огромных и красивых замках, забавный мальчишка. В сказках короли и королевы не ютятся в халупах, в отличие от крестьян. Ну, поехали! – приказала Тень и приникла ко мне безобразной впалой щекой. – Хорошо, конечно, что успели, а то ведь могло быть поздно для пирушки. Хе-хе-хе! Ну-ка, поднажали!

Вскоре мы оказались возле замка, издали ничем не отли-

чавшегося от прочих затхлых жилищ Теней. Над стенами его, наполовину обвалившимися, в особенности, по облезлым каменным бокам, увитым сухими лозами густого плюща, вздымались в бесконечную даль башни, как бы выстроенные друг на друге. От них уже вырастали витые шпили из свинца, а затем начиналось плоское, точно равнина, тяжёлое бежевое небо, вычищенное от белого пуха свободных облаков.

Я вскинул голову и почувствовал воздух, наполненный тысячью зловонными и терпкими запахами и звуками, столь громкими и резкими, что потребовалось немало сил, чтобы их вынести.

Тени в благоговейном ужасе остановились перед ступенями, усыпанными блёклой крошкой, и согнулись в поклоне. Набравшись смелости, они отвесили мне шлепок по заду, видя, что меня позабавило их поведение. Оступившись, я вымочил ботинки в пустом пруду.

В раскрытые двустворчатые двери меня внесли в просторный зал, где переливались ажурные витражи, и оставили на измазанном красном ковре перед Матерью, жадно обгладывающей кости крупного зверька.

– Здравствуй, Паша, – отвлеклась она секунду.

Меня сразу же замутило. Раздался скрежет железа о камни. Двери затворились.

Мать с торжеством опустилась поспешно передо мной и, взяв за локоть, как нашкодившего ребёнка, повела к оформ-

ленному длинному столу с разложенными приборами. Я в замешательстве следовал за ней. Отчего-то рука пульсировала саднящей болью. Раскраснелась, словно от ожога.

Мать снова заговорила:

– Приятно повидаться со старым другом. Присаживайся, скоро подадут обед, и мы с тобой вкусно поедим. Что ты любишь более всего? Как насчёт грибов? Мой лучший повар превосходно тушит их с луком, я выращиваю лук, к тому же, я уверена в том, что он к тебе равнодушен. Я рассказывала ему, что ты ешь на завтрак, и он очень полюбил тебя, потому что он готовит то же самое и ест каждый день. Вчера вот зарубил коровку, очень нежную, чёрненькую коровку, которая, увы, не давала молока. Мы плакали над ней полчаса, а потом разделали. Сегодня мы её не съедим, она пока не готова.

Мать беспокойно шевелила черепом и втягивала дым, струившийся от зажжённого огня.

Она указала на стул, и я присел молча в дурных предчувствиях и, схватившись за скатерть, пролил вино.

– Ну ты, конечно, и раззява! Отчего воды в рот набрал? Пожалуй, ты рыба и грибов не надо. Ещё несварение желудка получишь.

Мать вынула из-под балахона толстых жирных тараканов и запустила мне в лицо.

– Уже пошутить нельзя, что ли?

Скривившись и, преодолевая отвращение, я смял их, как бумагу, и выбросил на пол.

– Перестань!

– Умеешь говорить? Ты даже не ответил на мои вопросы, а они, между прочим, чрезвычайно важные. Возьми-ка, погрызи сушки из чёрствых корок, чтобы живот не бурлил.

– Ни за что, – отрезал я грубо и опрокинул тарелку с баранками. – Не буду, и всё тут!

– Ты в гостях, Паша, так что бери, а не капризничай. Тоже мне, граф нашёлся! Признаться, я не ожидала, что ты отыщешь друзей. И Серёжа, который был для меня самым заурядным, но целеустремлённым мальчиком, и Алина, нежная душа (ай, как звучит, будто рот весь в опилках!). Марк ещё неприятнее поразил. Меня прямо-таки выворачивает от этого человека, будто он смертельно болен и может меня заразить. Кстати, что ты сотворил с мамой?

– Она в порядке? – спросил я, излучая враждебность.

– Похорошела. У тебя есть секрет?

– Я стал думать не об одном себе. В этом и заключается мой секрет.

– Он очень не секретный, если так правильно выразиться. Сейчас нам подадут блюда. Не испытаешь их первым?

В зал вошла высокая Тень, одетая в накрахмаленный костюм с тугим засаленным воротничком. Она поклонилась Матери и, оставив сморщенные грибы, облитые соусом, который остро пах, удалилась в фартуке на кухню. Я не приотронулся к отвратительной еде и отвернулся, чтобы меня не стошнило.

– Яд не подсыпали. Пробуй.

Мать всячески нахваливала повара, но потом ужасно разозлилась из-за того, что я оставался пренебрежительно равнодушен и не ел вместе с ней, как положено.

Она топнула от возмущения, подскочила и, не сдержав сердитого возгласа, сжала мою голову костлявыми пальцами. На хриплый яростный крик слетелись Тени, которые до этого не присутствовали на обеде.

– Иди сюда, Паша! Смотри, что тебя сегодня ждёт!

Мать показала в зеленоватом шаре нечто, похожее на тревожные картинки.

Мне привиделась медленная и мучительная смерть от руки разгневанной Скорби. Она окончательно нарушила моё ничтожное спокойствие. Я был готов открыто высказаться перед ней и, отбросив навязчивые мысли, порывисто оттолкнул Скорбь, тряся сжатым кулаком.

– Послушай ты! Не смеешь, поняла, не посмеешь решать! Решаешь, точно я твоя игрушка, а я не твоя игрушка! Ты не можешь жить во мне, ты не живая, как я. Этим мы и отличаемся, Скорбь. Тебе не кажется верным чувствовать родительскую заботу, их внимание и любовь. (Кто бы позаботился о тебе, кроме Теней?) Бывает же, что они долго сидят над какой-то проблемой и бесятся, и не замечают, кажется, ничего. Но они трудятся ради нас, только ради нас, детей, потому что мы для них ценный дар. А мир? Что ты видишь в замке? Исчезни из него, исчезни отовсюду! Мир так вели-

колепен для меня, потому что я являюсь его неотъемлемой частью, я вижу, как он живо перекликается со мной! Ты бы прошла по лесу, где мы гуляли с Марком. Этот лес мне запомнится навсегда. Там не гуляли медведи, и я не боялся, что упаду в ручей, так как со мной был друг. Представь себе, нельзя не иметь друга. Что же до Серёжи, то я не сержусь. Давно это было, хоть я будто и застрял в том времени и переживаю предательство каждый раз, когда наблюдаю за первым лучшим другом. Просто, конечно, говорить о том, что всё, что ни делается – к лучшему. Ясно, что это правда, я это уяснил. И ты, великая Скорбь, которая живёт в огромном замке... Ты достала звёзды, до которых может дотянуться любой человек? Нет! Нет жизни ни в тебе, ни в этом проклятом одиноком замке без любви, мира. Я буду больше рисовать, слушать музыку Марка, любить Алину и выйду в люди. Не нравятся мне их некоторые привычки, но они сила, они гордость, в отличие от тебя, Мать! И ведь я силён, и я отпущу тебя. Ты не нужна мне, не нужна! Отпущу прошлое, приму его с лёгким сердцем и сброшу это давящий камень с души! Я ухожу! – выкрикнул я с вполне объяснимым всепоглощающим чувством превосходства над обстоятельствами и тёмными существами, которые вязкой массой копошились в зале и гасили восковые свечи.

Шар выскользнул и, покотившись к ногам, перестал гореть зеленоватым светом. Он был серый, прозрачный и совершенно пустой. Тревожная картинка пропала. Смерть ока-

залась ненастоящей, а выдуманной подсознанием.

Скорбь впала в бешеное буйство и кинулась на меня. С невероятным проворством без поддержки Теней она наносила мне неисчислимые кровавые раны, и я стонал от причинённой боли, как вдруг двери распахнулись, и зал осветило яркое солнце. Я зажмурил веки, надеясь, что мне удастся переместиться в другое безбрежное пространство, где не было Матери и ни одной Тени, и где полностью затянулись укусы. Свет, который, как показалось сначала, исходил от красно-жёлтой звезды, принадлежал фениксу.

Он пролетал под кованой блестящей люстрой и хлопал мощными крыльями, от которых веяло жаром, и я чувствовал, как в огне сгорают мои страхи.

Затем я увидел снаружи Марка, садящегося за пианино. Тени взмыли кверху и пустились вперёд, но он уже заиграл первую мелодию, которую так желал исполнить, и не мирился своей роковой участи.

«Его сожрут Тени! Я должен его спасти, я не вынесу больше ничьей смерти! Ползти, надо ползти, быстрее!» – проносились обрывки мыслей.

Загрохотало. Тусклые оловянные подсвечники зашатались, тотчас же задребезжало стекло. Отполированные вилки, ложки и тарелки попадали со стола. Потолок взорвался треском, посыпались острые обломки и крытые башенки с треугольными выцветшими флагами.

Феникс закрыл меня собой от обрушения, и я потянулся

невольно к его ослепительной голове и поцеловал сердечно загнутый жёлтый клюв, которым он затем прильнул открыто и доверчиво к моему плечу.

– Пап, мне страшно, – вымолвил я пересохшими губами. – Если бы ты только остался... Пожалуйста, не уходи... Я люблю тебя.

– Ты в безопасности. Я с тобой, – ответил папа, обнимая горячими крыльями, словно руками.

С нежностью я посмотрел через перья на Марка, которого захлестнула музыка. Он крушил ею чары злых Теней, и они испарялись мгновенно, поднимаясь вонючим мутным дымом в прояснившееся небо. Тут же пропадали хибары вдалеке. Дрожала ходуном земля, будто случилось землетрясение.

Раздался крик Матери. Закружили светлые и чистые ноты, и она прокляла меня и Марка и тотчас же разлетелась сероватым прахом и взвилась в прозрачную вышину.

Мрак был повержен. Разрушенный замок с повреждёнными витражами стался покинутым. Тряска ослабла, а потом и вовсе закончилась.

Феникс подхватил меня и вынес к ступеням, а собрав скатывающиеся слёзы милой грусти, залечил мои рваные раны и произнёс:

– Оставь лист. Я буду навещать вас с мамой.

– Мне тебя заново нарисовать?

– Это лишнее, ведь я уже есть.

– Стой!

Мы обнялись трогательно в последний раз, как любимые люди, у которых всё ещё было впереди.

– До скорого, мой маленький художник, мой мальчик.

Он взмыл высоко к солнцу и направился к своему созвездию.

Я отпустил папу и, пожелав ему удачной дороги, лёг на спину и окинул расслабленным сонным взглядом Марка. Он подбежал ко мне с короткой мечтательной улыбкой, но, увидев кровь, перепачкавшую всю спину, сразу же забеспокоился, поднёс ладонь к моему розовому мокрому лицу.

– Как ты, Паша? Тебе очень плохо?

– Нет... Этот огненный феникс... Как ты его нашёл, он давно прилетел?

– Очень давно. Он привёл меня к тебе. Не шевелись! Я тебя понесу! Как же тебя помучили!.. Это был тот скелет в тряпье? Скорбь?

Я залился тихим смехом. Меня опьянила резкая душистость грушевых деревьев и цветов, которыми были усыпаны холмы. В пруду, поросшем тиной, распустились белые лотосы.

– Ты меня не выдержишь... Да, тот скелет. Он никогда не вернётся, и Тени не вернуться. Мы пойдём домой... И это точно не Королевство Теней. Это что-то другое. Только я не знаю, где наш дом.

– Впереди, Паша. Феникс был твоим папой?

– Да. Однажды я нарисовал ему феникса. Возможно, часть

его души живёт в рисунке. Мне отраднo думать, что он наблюдает за мной сверху.

– Как с созвездиями! – догадался Марк. – Он и на созвездии, и на рисунке. Он вездесущ. Наверное, я как всегда преувеличиваю.

Я посмотрел ещё раз на Марка выразительным взглядом. Он протянул мне руку, а я послушно и застенчиво выставил свою и пожал крепко тёплую солнечную ладонь.

(я ни за что их не сло́жу и не откажусь от дома и пусть я рыдаю но мне тепло на сердце ведь я способен вынырнуть из мрака внутри себя)

– Ты не встанешь один, да? Ты очень упрямый и стараешься прекрасно справляться сам. Мельком видел, как терпел, когда тебя хотел убить скелет.

– Ненавижу скелеты! Мне правда без тебя не встать. Помоги мне, Марк. Помоги! – попросил я тонким признательным голосом, и моя душа наконец исцелилась.

– Держись за меня.

Эпилог

После развернувшихся событий мои отношения с мамой несказанно улучшились. Она отказалась от гаданий, которые пошатнули её слабое здоровье, и мы переделали чёрную комнатушку, как и договаривались, под кладовку, и покрасили грязные стены в ярко-голубой.

Папин кабинет я наспех оборудовал под мастерскую, в ко-

торой поставил складной мольберт и стол с красками и карандашами. Вывесил некоторые удачные картины, покрытые матовым лаком.

Алина заходила в гости и спокойной красотой и очарованием разжигала во мне огонь вдохновения. Нередко мы уединялись в мастерской, и она неотрывно следила, как я пишу что-нибудь на творческие конкурсы. Когда у меня замыливался глаз, и я нежился на подоконнике, она брала лист из выдвижного ящика, начинала лениво ворошить кисти и садилась рисовать, не слыша нудных жалоб присоединиться к моему сладкому безделью.

К выпускному вечеру она попросила помириться с Серёжей. Я согласился, так как был не прочь покончить с нескончаемой враждой, ни к чему доброму не ведущей. Серёжа, на удивление, отреагировал на извинения мирно. Он в свою очередь также признался, что некогда доставал меня без повода, и попросил прощения за друзей, которые, всё же, не захотели поговорить со мной начистоту.

Наведённый Тенями душный морок испарился, и я мог заново переосмыслить прошлое.

Алина позвала Дарину в кафе. Они уехали.

Я же отправился в лес к Марку, который поджидал меня возле знакомого ручья.

Обучение в музыкальном институте изменило его в лучшую сторону. С таким же несокрушимым оптимизмом он видел жизнь, хранил в сердце наивность, кажущуюся зача-

стую излишне детской, но показывал решительно талант, а именно играл на пианино на благотворительных акциях. Я гордился им.

При встрече я невзначай завёл разговор о картах, которые однажды меня жестоко обманули.

– Интересно всё-таки, почему не сбылось? Подожди, перейдём на ту сторону.

– Просто ты принимал их советы близко к сердцу.

– Я думал, что ты умрёшь.

– Индюк тоже думал, но ведь сейчас полный порядок? – спросил с деланным беспокойством Марк.

Мы свернули за высокие раскидистые ели, откуда слышались лёгкие песни зябликов и соек, и вышли к дому охотника с раскиданными лавочками. Дом, как и в первое наше появление, временно пустовал. Я заглянул мельком в окна, запачканные сухими пятнами, и заметил включённую лампу, приближённую к кухонному столу.

– Смотри, там кто-то есть, свет горит, – сказал я Марку, когда тот нюхал ромашки. – Ты что, собрался веночки плести?

– Да ну тебя! Охотника нет на месте. Воры какие-нибудь? Только что им там воровать, когда вещи хорошо спрятаны?

Подойдя, он не увидел лампы и пошутил надо мной. Я решил, что мне показалось, и мы сели на землю, прикинув к стволу старого густого вяза, который накрыл нас ясной зеленоватой тенью. Удивительно приятно было слушать си-

не-фиолетовых грачей, мелких пеночек и зябликов под этим толстым и могучим вязом.

– Мне что вспомнилось, – сказал Марк, – слова одной песни группы «VSEKAVNO». Как там было... А! «Я верю в любовь, бесконечную силу одного человека и никогда не поверю ни в один гордо натянутый флаг... Всю боль не вместить, сильным быть – значит простить. Сжать злость и нести, нет места ненависти... Дойти до конца шанс не велик, но сердце идти велит. Пусть поболит, но где-то вдали добра для людей удели... Вслед за мечтой вместе идём, мы сможем дойти, я всё ещё верю!» – произнёс он в мягкой задумчивости. – Ну, это, конечно, не все строки. Так, я выбрал самые лучшие.

– К чему это ты?

– А к тому, что чудеса исполняют вовсе не чародейки и никакие другие сказочные существа. И если ты думаешь, что нам померещился охотник, то глубоко ошибаешься. Я его видел.

– Но лампа горела!

– Верю.

– Нет, ты не веришь, не обманывай меня, – сказал я, по-мрачневу от досады.

– Хорошо, не стану. А мы?

– Что с нами?

– Мы справились с Тенями и тем страшным скелетом. Это ли не правда?

– Ты справился вместе с моим папой.

– А сказки обманывают, конечно, кроме тех, где речь идёт о человеке. Не спорю, что лесная чародейка когда-то жила. Как по мне, она была простой и сильной девушкой, которая дорожила домом и лесом, помогала людям. А превратили в чародейку, наделив волшебными качествами, чтобы потом написать красивую легенду и передавать её из поколения в поколение. Потому что волшебство прекрасно, как ни посмотри.

– Ты так... чувствуешь. Я понимаю, для чего ты проговорил слова из песни.

– Как мне кажется, настоящее чудо может сотворить всякий сильный духом человек, мечтающий изменить мир. наших сил хватит на то, чтобы исцелить и успокоить ни одну измученную душу. И волшебство, как я уже сказал, не от чародеек исходит, а от людей. Поразительно, на что способны люди.

Я коротко кивнул и улыбнулся, смотря на игру сверкающих зайчиков. Марк повернулся лицом к заходящему солнцу и попрощался с ним грустно. Мы задремали.

В оформлении обложки использована иллюстрация автора Tithi Luadthong с <https://www.shutterstock.com>.